

DOI: 10.15507/2413-1407

ISSN 2413-1407
eISSN 2587-8549

Регионология

2024 Том 32, № 4
Vol. 32, no. 4

Russian Journal
of Regional Studies

ISSN 2413-1407 (Print), 2587-8549 (Online)

16+

Регионология

Том 32, № 4. 2024 (октябрь – декабрь)

Сквозной номер выпуска – 129

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 32, no. 4. 2024 (October – December)

Continuous issue 129

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2024

Регионовология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Science Citation Index*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)

Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)

International Relations (Political Sciences)

Economic Sociology (Social Sciences)

Demography (Social Sciences)

Demography (Economic Sciences)

Political Sociology (Social Sciences)

Political Sociology (Political Sciences)

Sociology of Culture (Social Sciences)

Sociology of Management (Social Sciences)

Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Regional and Branch Economics (Economic Sciences)

World Economy (Economic Sciences)

All the materials of *Russian Journal of Regional Studies* are available under Creative Commons "Attribution" 4.0 license

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь, кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya V. Shumkova – Executive Editor, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Ghriyan, Libya)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolyubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Sergei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Государственное управление и отраслевые политики

Е. Н. Тимушев, В. А. Яговкина. Правовое регулирование и особенности резервирования бюджетных средств в регионах России 618

М. В. Терешина, С. Г. Тяглов, Е. В. Атамась. Экономика замкнутого цикла в сельскохозяйственном производстве: потенциал реализации в новых институциональных условиях 635

Социология управления

Г. А. Савчук, Г. А. Банных, С. В. Кульпин, Р. М. Курашов. Коммуникация органов местного самоуправления и населения в социальных медиа: регионы Уральского федерального округа 653

Е. В. Кремнев, П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Кузнецова. Традиционализм в государственном управлении Китая: региональная специфика 673

Региональная и отраслевая экономика

И. В. Гришина, А. О. Польшин, А. А. Угрюмова. Влияние диверсификации экономики на производительность труда в российских регионах 691

С. В. Кондратьева, В. В. Каргинова-Губинова, М. В. Морошкина. Возможности туризма жителей российской Арктики: внутри региона, в России и за рубежом 712

И. А. Емелькина. Опыт правового регулирования управления чужим бизнесом в различных регионах мира 733

Социальная структура, социальные институты и процессы

Н. В. Нятина, Е. В. Головацкий, Н. Н. Григорик. Добровольческая активность студенческой молодежи Кузбасса в условиях современного российского общества 749

И. С. Шаповалова, И. С. Заводян. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи 768

Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина, О. В. Сальникова, Н. В. Корж, Л. Ф. Каримова. Внешнеполитические ориентации современной молодежи в условиях международной напряженности 793

Информация для авторов и читателей 816

CONTENTS**Public Administration and Sectoral Policies**

E. N. Timushev, V. A. Yagovkina. Regulation and Characteristics of Reserving Budget Funds in Russian Regions 618

M. V. Tereshina, S. G. Tyaglov, E. V. Atamas. Circular Economy in Agricultural Production: Potential for Implementation in New Institutional Conditions 635

Sociology of Management

G. A. Savchuk, G. A. Bannykh, S. V. Kulpin, R. M. Kurashov. Communication of Local Governments and the Population in Social Media: Regions of the Ural Federal District 653

E. V. Kremnyov, P. P. Deriugin, L. A. Lebedintseva, O. V. Kuznetsova. Traditionalism in China's State Governance: Regional Specificity 673

Regional and Sectoral Economics

I. V. Grishina, A. O. Polynev, A. A. Ugryumova. The Impact of Economic Diversification on Labor Productivity in Russian Regions 691

S. V. Kondrateva, V. V. Karginova-Gubinova, M. V. Moroshkina. Tourism Opportunities for Residents of the Russian Arctic: Within the Region, in Russia and Abroad 712

I. A. Emelkina. Experience of Legal Regulation of Management of Other People's Business in Different Regions of the World 733

Social Structure, Social Institutions and Processes

N. V. Nyatina, E. V. Golovatskiy, N. N. Grigorik. Voluntary Activities of Student Youth in Condition of Modern Russian Society 749

I. S. Shapovalova, I. S. Zavodyan. Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth 768

L. V. Rozhkova, A. Sh. Dubina, O. V. Salnikova, N. V. Korzh, L. F. Karimova. Modern Youth Foreign Policy Orientations in the Context of International Tensions 793

Information for Authors and Readers of the Journal 816

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ / PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.618-634>

EDN: <https://elibrary.ru/aicciy>

УДК / UDC 373:351(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Правовое регулирование и особенности резервирования бюджетных средств в регионах России

Е. Н. Тимушев^{1,2} ✉

В. А. Яговкина¹

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)*

² *Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения Российской академии наук
(г. Сыктывкар, Российская Федерация)
✉ timushev-en@ranepa.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность изучения региональных резервных фондов обусловлена тем, что данной теме уделяется крайне мало внимания, несмотря на важность резервирования бюджетных средств как инструмента контрциклической политики и устойчивости регионального развития. Цель исследования – выявить особенности регулирования резервных фондов в субъектах Российской Федерации, что позволит лучше понять мотивацию и стимулы органов власти и их деятельность по управлению рисками.

Материалы и методы. С помощью общенаучных методов проведен анализ региональных законов о резервном фонде и бюджетном процессе и профильных правительственных постановлений для каждого субъекта Российской Федерации, создана оригинальная база данных об основных признаках резервных фондов на региональном уровне в России. Это позволило систематизировать разрозненную информацию о различных аспектах резервирования бюджетных средств в регионах России, выделить общие черты и особенности отдельных регионов, что является шагом на пути совершенствования института резервирования средств в целях обеспечения региональной финансовой устойчивости.

Результаты исследования. Определены ключевые признаки видов резервных фондов субъектов Российской Федерации – публично-правового образования и исполнительного органа власти, а также отличия между ними. Установлено, что первый вид резервных фондов действует не более чем в половине регионов России, тогда как резервный фонд исполнительного органа власти функционирует в каждом субъекте. Выявлено, что в большинстве случаев источниками средств резервного фонда субъекта как публично-правового образования становятся незапланированный рост налоговых и неналоговых доходов в течение года и остаток средств на счетах на начало года. Направления расходов, как правило, ограничены и универсальны, но в зависимости от условий отдельного региона могут быть весьма разнообразными.

© Тимушев Е. Н., Яговкина В. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Резервный фонд субъекта Российской Федерации на практике остается непопулярным инструментом. В отличие от резервного фонда исполнительного органа власти его формирование не обязательно, и в регионах нет единого механизма формирования и расходования средств. Практическая значимость работы состоит в возможности дополнения мер федеральной политики обеспечения финансовой устойчивости в части регионального резервирования бюджетных средств, а также использования на уровне отдельного региона представленного опыта других регионов в части нормативного регулирования и практики формирования и использования средств резервных фондов.

Ключевые слова: региональный резервный фонд, контрциклическая бюджетная политика, резервирование бюджетных средств, региональное законодательство, финансовая устойчивость, межрегиональная дифференциация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Для цитирования: Тимушев Е. Н., Яговкина В. А. Правовое регулирование и особенности резервирования бюджетных средств в регионах России // Регионология. 2024. Т. 32, № 4. С. 618–634. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.618-634>

Regulation and Characteristics of Reserving Budget Funds in Russian Regions

E. N. Timushev^{a,b} ✉, V. A. Yagovkina^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russian Federation)

^b Institute for Socio-Economic & Energy Problems of North Komi Science Centre
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Syktyvkar, Russian Federation)

✉ timushev-en@ranepa.ru

Abstract

Introduction. The relevance is due to the fact that very little attention is paid to this topic in domestic papers despite the importance of reserving budget funds as an instrument of countercyclical policy and sustainability of regional development. The purpose of the study is to identify the peculiarities of reserve funds regulation in the constituent entities of the Russian Federation, which will allow a better understanding of the motivation and incentives of the authorities and their risk management activities.

Materials and Methods. With the help of general scientific methods the analysis of regional laws on reserve fund and budget process and profile governmental resolutions for each subject of the Russian Federation was carried out, the original database on the main features of reserve funds at the regional level in Russia was created. This made it possible to systematize disparate information on various aspects of budget reserves in Russian regions, highlight common features and peculiarities – a step towards improving the institution of reserving funds to ensure regional financial stability.

Results. The main features and differences between the reserve fund of the subject of the Russian Federation as a public legal entity and the reserve fund (funds) of the executive authority of the subject are identified. It has been established that the reserve fund of the subject of the Russian Federation as a public legal entity is provided for by legislation in not more than half of the regions of the Russian Federation, while the reserve fund of the executive authority operates in every subject. The sources of the funds are, as a rule, a sharp increase in tax and non-tax revenues during the year and the balance on accounts at the beginning of the year. Areas of expenditures from the fund are usually limited and universal, but depending on the conditions of a particular region they can be diverse.

Discussion and Conclusion. The reserve fund of the subject of the Russian Federation remains an unpopular instrument. Unlike the reserve fund of the executive authority, its formation is not necessary, and there is no and spending of funds in the regions. The practical implication consists in the possibility of supplementing the measures of the federal policy of financial stability, as well as in the use of the presented results at the level of a regional administration regarding the experience of other regions in terms of regulation and the practice of formation and of reserve funds.

Keywords: regional reserve fund, countercyclical fiscal policy, regional legislation, financial stability, reservation of budgetary funds, interregional differentiation

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The article was written in the course of fulfillment of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Russian Federation.

For citation: Timushev E.N., Yagovkina V.A. Regulation and Characteristics of Reserving Budget Funds in Russian Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):618–634. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.618-634>

Введение. В бюджетной системе Российской Федерации к настоящему времени разработан весьма сложный механизм обеспечения макроэкономической стабильности. Одним из его важных элементов является институт резервных фондов. Резервные фонды нацелены на обеспечение возможности проведения контрициклической бюджетной политики в рамках государственного регулирования экономики.

Проведение антикризисной политики на уровне регионов осуществляется в условиях, значительно отличающихся от тех, в которых функционируют федеральные органы управления. Если федеральная бюджетная система испытывает влияние преимущественно глобальных внешних вызовов, таких как внешняя политика и мировая конъюнктура цен на экспортные товары, то на субнациональном уровне определенную роль играют и внутренние факторы развития национальной экономики. Регионы, по сравнению с федеральным центром, наделены намного меньшим объемом полномочий, которые строго закреплены в законодательстве. Это сужает пространство для расходной бюджетной политики. Как ни странно, дотационные субъекты Российской Федерации становятся наиболее устойчивыми к внешним потрясениям – из-за существенно большей доли безвозмездных поступлений из федерального бюджета в структуре своих доходов [1]. На практике проведение антикризисной фискальной политики на субнациональном уровне становится просто невозможным без финансовой поддержки со стороны федерального бюджета [2]. Следовательно, и режим формирования и использования антикризисных инструментов у регионов в целях поддержки как общефедеральной макроэкономической стабильности, так и региональной устойчивости должен быть отличным от нормативно-правового обеспечения федеральной антикризисной политики. В составе данных инструментов важную роль играют резервные фонды. Их объем в стоимостном выражении, как правило, не превышает нескольких миллиардов рублей. Это значительно ниже по сравнению с иными фондами денежных средств, такими как внебюджетные фонды или фонды института страхования. Вероятно, во многом из-за этого тема исследования резервных фондов не столь популярна. К настоящему времени нет и официальных данных об объеме и других характеристиках резервных фондов на субнациональном уровне, хотя без них общее видение финансовой системы в стране является неполным.

Актуальность исследования проблемы резервирования бюджетных средств на региональном уровне обусловлена тем, что оно позволяет раскрыть мотивацию и стимулы органов власти при управлении рисками финансовой устойчивости и действия в условиях неопределенности и в целом расширить знания

о структуре региональной экономики в России. Резервные фонды крайне важны именно в контексте бюджетной политики не только как элемент антикризисного управления, но и как фактор экономической самостоятельности регионов в рамках своих полномочий.

Цель исследования – определить основные особенности резервных фондов субъектов Российской Федерации. Достижение цели является ключевым шагом на пути совершенствования данного института как одного из важных в обеспечении финансовой устойчивости и проведении антикризисной политики.

Обзор литературы. В мировой литературе большинство исследований сосредоточены на теме резервирования бюджетных средств в суверенных фондах благосостояния¹, создаваемых в экономиках с богатой ресурсной базой [3]. Они изучаются либо на примере групп государств [4], либо отдельных стран [5–7]. В целом же резервирование бюджетных средств и создание резервных фондов (stabilization funds, rainy day funds) аналогично различным механизмам финансового рынка, препятствующим его полному краху в периоды высокой неопределенности [8; 9]. Доказано, что наличие резервного фонда влияет на структуру бюджетных расходов, особенно в кризисные периоды [10]. В связи с этим различные целевые фонды бюджетных средств, встречающиеся в практике отдельных стран, можно рассматривать как разновидность традиционных резервных фондов [11].

Резервные фонды особенно важны для контрциклической политики на региональном уровне в силу более жестких бюджетных ограничений субнациональных бюджетов [12]. Несмотря на это, работ на тему резервных фондов региональных бюджетов сравнительно немного. Здесь можно отметить публикацию М. Уилсона, в которой показано, что федеральный резервный фонд не может быть альтернативой региональным резервным фондам, так как де-факто они преследуют разные цели [13]. Об этом же свидетельствуют политэкономические исследования реагирования органов власти разных уровней государств мира на кризис, связанный с пандемией COVID-19 [14].

Как и во всем мире, в России изучение резервных фондов преимущественно осуществляется на федеральном уровне и в контексте разработки федеральных бюджетных правил² [15] либо в контексте выработки антикризисных мер и их финансирования [16]. Исследований на тему резервных фондов на уровне субъектов Российской Федерации крайне мало, и все они по масштабу научно-исследовательской работы нацелены на определенный аспект их функционирования, т. е. носят узконаправленный характер. Так, в проанализированных нами работах изучаются классификация резервных фондов [17], их нормативно-правовое регулирование [18], целесообразность создания [19], особенности в отдельных регионах [20] и даже городах (на примере г. Норильска) [21]. Выделим отдельно проведенный А. Ю. Изотовой краткий сравнительный международный

¹ Maduell M. J. Controversies Surrounding Sovereign Wealth Funds // The Palgrave Handbook of Sovereign Wealth Funds / eds. by H. K. Baker, J. H. Harris, G. F. Nakshbendi. Springer International Publishing, 2024. Pp. 65–82. https://doi.org/10.1007/978-3-031-50821-9_5

² Sidorova Y. Oil Reserve Fund (Russian Federation) // Encyclopedia of Mineral and Energy Policy / eds. by G. Tiess, T. Majumder, P. Cameron. Springer Berlin Heidelberg, 2023. Pp. 534–538. https://doi.org/10.1007/978-3-662-47493-8_118

анализ [22]. В некоторых работах, например у А. В. Галухина, Т. В. Усковой [23] и А. С. Ложечко [24], резервный фонд воспринимается как инструмент управления рисками неисполнения бюджета по доходам. Тема контрциклической политики в регионах и ее проведения с помощью резервных фондов субъектов часто не затрагивается вовсе. Между тем, так как региональные бюджетные расходы по большей мере носят социальный характер, они имеют высокий контрциклический потенциал [25].

Совершенствование стратегического планирования достижения национальных целей развития остается одним из наиболее актуальных направлений в теме государственных финансов России на сегодняшний день [26]. Однако тема обеспечения устойчивости при осуществлении соответствующих расходов и большей самостоятельности при прохождении кризисных периодов на региональном уровне является слабо разработанной. Большинство расходов региональных бюджетов связано с ключевыми направлениями достижения национальных целей, прежде всего социальными статьями расходов, т. е. на поддержание и накопление человеческого капитала.

Тема субнациональных бюджетных правил и резервных фондов в России остается малоизученной. Предыдущие исследования показывают, что резервные фонды субъектов Российской Федерации не привязаны к региональным циклам и поэтому могут формироваться даже в условиях дефицита регионального бюджета [27]. Таким образом, исследование ключевых признаков и характерных черт резервных фондов на региональном уровне необходимо с тем, чтобы сформировать основу для предложения путей совершенствования механизма функционирования резервных фондов. Ориентиром может считаться придание им более значимой роли в решении комплексной проблемы обеспечения финансовой устойчивости на субнациональном уровне.

Материалы и методы. Для достижения цели исследования нами выполнен подробный анализ регионального законодательства и иных нормативно-правовых актов, связанных с темой резервных фондов. Базой для нормативно-правового анализа стали нормы федерального законодательства, прежде всего Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ).

На начальном этапе исследования поиск сведений производился на официальных сайтах правительств субъектов Российской Федерации, однако после безуспешных попыток найти на них информацию о резервных фондах он был прекращен. Впоследствии использовалась справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Опишем подробнее процедуру формирования базы данных.

На официальном сайте «КонсультантПлюс» поиск документов осуществлялся в банке данных «Региональное законодательство» с вводом фразы «резервный фонд» в поле с названием документов. Среди выпавших документов отдельно по каждому субъекту отбирались региональные законы о резервном фонде (при наличии таковых) и постановления о порядке формирования и использования средств резервных фондов правительств регионов. Отдельно выполнялся поиск регионального закона о бюджетном процессе. В случае отсутствия в регионе профильного закона закон о бюджетном процессе оставался единственным источником сведений о наличии или отсутствии в регионе резервного фонда

субъекта как публично-правового образования. Всего был собран массив, состоящий из 27 региональных законов о резервном фонде, 85 правительственных постановлений и 85 региональных законов о бюджетном процессе, регулирующих общие и частные вопросы, связанные с бюджетной политикой в регионе³. Для регионов с резервным фондом дополнительно были проанализированы законы о региональном бюджете на 2023–2025 гг.

Все собранные документы были рассортированы вручную, без использования программных средств. По результатам анализа регионального законодательства нами построена база данных, отражающая основные признаки резервных фондов субъектов Российской Федерации. Для резервного фонда субъекта как публично-правового образования сведения заполнялись по следующим графам: наличие фонда (в формате «Да/Нет»), назначение в соответствии с нормой закона, порядок формирования, первоочередные направления расходования и предельный размер, введен ли запрет на размещение средств на банковских депозитах (в формате «Да/Нет»). Для резервного фонда исполнительных органов власти субъекта сведения заполнялись по следующим графам: цель фонда, предельный размер, был ли статус резервного фонда закреплён в региональном законе о бюджетном процессе (в формате «Да/Нет»), прописанные направления расходов и возможность направлять средства на иные направления (в формате «Да/Нет»).

Целевым ориентиром при работе с нормативными документами стала установка создать оригинальную базу данных, содержащую положения, регулирующие основные аспекты бюджетного резервирования в каждом субъекте Российской Федерации. При работе с такой базой становится возможным выделить регулирующие нормы – общие для всех регионов и особенные для отдельных из них. В процессе обработки собранного материала использовались методы анализа (в том числе сравнительный), группировки и классификации. Подход к сбору и анализу данных позволил обеспечить то, что результаты выполненного исследования отражают ключевые признаки, общее у регионов и региональные различия по таким аспектам резервных фондов, как их нормативное регулирование, институциональное оформление, порядок формирования и направления использования средств.

Результаты исследования. Систематизированное нормативно-правовое регулирование резервных фондов на уровне бюджетов субъектов Российской Федерации на современном этапе началось после вступления в силу в 2000 г. Бюджетного кодекса Российской Федерации. В настоящее время БК РФ, помимо Фонда национального благосостояния, закрепляет правовую основу для функционирования иных фондов, носящих резервный характер:

- резервный фонд Президента Российской Федерации;
- резервные фонды исполнительных органов государственной власти (местных администраций) – данные фонды могут быть созданы на всех уровнях публичной власти;
- резервные фонды субъектов Российской Федерации.

³ В Костромской области есть только закон о межбюджетных отношениях, в Чувашской Республике соответствующий закон называется «О регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике».

Таким образом, на уровне субъектов Российской Федерации бюджетное законодательство закрепляет как минимум два резервных фонда. Резервный фонд непосредственно самого субъекта Российской Федерации как публично-правового образования регулируется ст. 81.1 БК РФ, а формирование резервного фонда высшего исполнительного органа региона⁴ – ст. 81 БК РФ. Создание резервного фонда субъекта не является обязательным и остается на усмотрение публично-правового образования. Напротив, о резервном фонде исполнительного органа власти субъекта в кодексе говорится в императивном ключе.

Резервный фонд субъекта Российской Федерации как публично-правового образования – это часть средств бюджета, предназначенная для исполнения расходных обязательств в случае недостаточности доходов. Объем резервного фонда утверждается законом о бюджете (п. 2 ст. 81.1 БК РФ).

Институциональное оформление. Создание резервного фонда субъекта Российской Федерации предусматривается законом субъекта, за исключением закона о бюджете. Однако на федеральном уровне до сих пор нет официальных агрегированных сведений о наличии и параметрах резервных фондов субъектов Российской Федерации. Таким образом, анализ нормативно-правовых актов на уровне субъектов остается единственным способом собрать сопоставимые сведения о регулировании бюджетного резервирования на региональном уровне в России [28].

По итогам анализа нормативно-правовой базы можно сделать вывод, что лишь в 49 регионах из 85 есть профильный закон о резервном фонде либо соответствующая норма о резервном фонде присутствует в региональном законе, регулирующем ведение бюджетного процесса в регионе. При этом в восьми регионах провозглашается лишь сама возможность функционирования фонда. Следовательно, можно утверждать, что резервный фонд субъекта присутствует лишь в 41 субъекте из 85 – это те субъекты, в которых нормы закона однозначно определяют наличие резервного фонда публично-правового образования (рис. 1). При этом в Новосибирской области действие закона о резервном фонде приостановлено, поэтому далее анализ ведется лишь по данным 40 регионов.

Ежегодные законы о бюджете являются единственным источником данных об объеме резервного фонда субъекта. К сожалению, далеко не во всех регионах с функционирующим резервным фондом (40 регионов) информация о них раскрыта. Нам удалось выяснить, что Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа имеют наибольшие резервные фонды субъекта как публично-правового образования – 7 млрд и 3 млрд руб. соответственно (таблица). В относительном выражении лидерами являются Камчатский край, Республика Дагестан и Ханты-Мансийский автономный округ. Приведенная таблица содержит исчерпывающий перечень регионов, для которых удалось собрать сведения об объеме их резервного фонда в законах о бюджете соответствующих регионов.

⁴ В связи с принятием Федерального закона от 14 апреля 2023 г. № 128-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона “О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации”» использовавшийся ранее термин «резервные фонды высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» заменен словосочетанием «резервные фонды высших исполнительных органов субъектов Российской Федерации» (исключены слова «государственной власти»).

Р и с. 1. Правовой статус резервного фонда субъекта⁵
 F i g. 1. The legal status of the subject's reserve fund

Т а б л и ц а. Объем средств резервного фонда субъекта на 2023 г.⁶
 T a b l e. Volume of the regional reserve funds in Russia

Субъект Российской Федерации / Subject of the Russian Federation	В млрд руб. / in billion rubles	В процентах от налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета в 2022 г. / Percent of tax and non-tax revenues of the regional budget in 2022
1	2	3
Ханты-Мансийский автономный округ / Khanty-Mansiysk Autonomous Area	7,0	2,19
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area	3,0	0,86
Камчатский край / Kamchatka Territory	1,8	3,83
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	1,4	2,63
Томская область / Tomsk Region	1,0	1,25
Ленинградская область / Leningrad Region	0,9	0,42
Свердловская область / Sverdlovsk Region	0,5	0,13
Хабаровский край / Khabarovsk Territory	0,4	0,33
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	0,4	0,84
Ставропольский край / Stavropol Territory	0,2	0,15
Забайкальский край / Trans-Baikal Territory	0,2	0,27

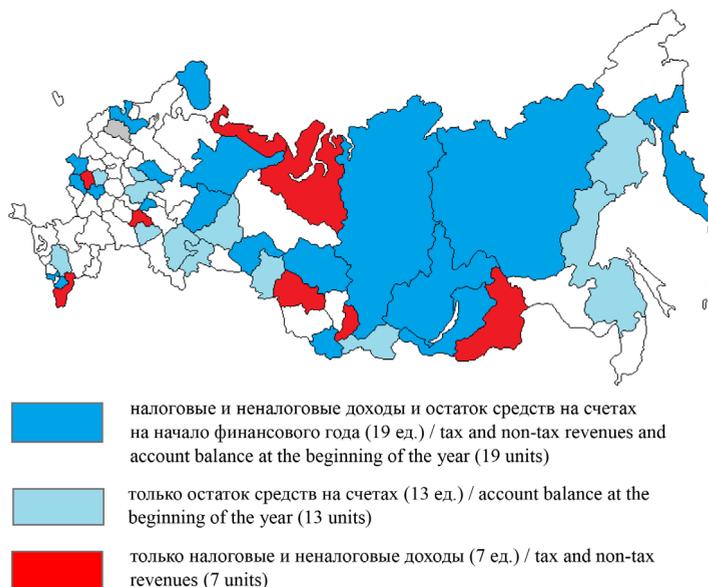
⁵ Рисунок составлен авторами на основе анализа нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации.

⁶ Таблица составлена авторами по результатам анализа регионального законодательства.

Окончание таблицы / End of table

1	2	3
Самарская область / Samara Region	0,1	0,04
Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	0,1	0,03
Тульская область / Tula Region	0,1	0,04
Магаданская область / Magadan Region	0,1	0,13
Брянская область / Bryansk Region	0,02	0,04
Костромская область / Kostroma Region	0,01	0,01
Ульяновская область / Ulyanovsk Region	0,01	0,01
Курская область / Kursk Region	0,002	0

Порядок формирования. В 19 регионах из 40 резервный фонд субъекта формируется за счет двух источников – существенного превышения фактических поступлений налоговых и неналоговых доходов по сравнению с плановыми и при наличии остатка средств на счетах по учету средств бюджета на начало очередного финансового года, не имеющих целевого назначения (рис. 2). В оставшихся регионах резервный фонд пополняется в процессе исполнения бюджета только за счет остатка средств на счете бюджета (13 регионов) либо только за счет поступлений налоговых и неналоговых доходов (7 регионов). Новгородская область в данном аспекте является уникальным регионом, в котором резервный фонд формируется исключительно за счет экономии средств бюджета и/или сокращения расходов.

Р и с. 2. Порядок формирования резервного фонда субъекта⁷
F i g. 2. The procedure for the formation of the subject's reserve fund

⁷ Рисунок составлен авторами статьи. Примечание: всего 40 регионов, имеющих резервный фонд субъекта, включая Новгородскую область (выделена серым цветом).

Анализ показывает, что фактическое нормативное регулирование и практика резервирования в регионах имеют признаки некорректности в применении методологии учета и отчетности о наличии резервных фондов. Во-первых, в ряде случаев фонд создается и ликвидируется в рамках финансового года и часто формируется на начало года, исходя из результатов исполнения предыдущего бюджета [28]. В подобной ситуации регион ежегодно представляет определенную долю от собственных доходов прошлого года или от остатка средств на счете как резервный фонд на следующий финансовый год. В таком случае фонд выполняет лишь функцию краткосрочного механизма управления сбалансированностью, а не страхования от случая наступления кризиса. Во-вторых, в 6 регионах из 19, по которым есть сведения о резервном фонде в ежегодных законах о бюджете, резервный фонд субъекта формируется ежегодно через расходы, что методологически некорректно. Таким образом, можно предположить, что отражение источника средств фонда в законодательстве не обеспечивает корректного отражения в финансовой отчетности, что затрудняет анализ порядка и практики регионального резервирования. Данная гипотеза, основанная лишь на анализе отдельных признаков, требует подтверждения или опровержения в дальнейших исследованиях.

Направления использования средств. В 26 регионах из 40 с резервным фондом региональное законодательство предусматривает перечень направлений первоочередных расходов за счет средств фонда (рис. 3). В подавляющем числе регионов средства резервного фонда расходуются на исполнение публичных нормативных обязательств (25 регионов) и оплату труда работников государственных учреждений (24 региона). В Орловской области перечень направлений расходования средств резервного фонда весьма необычный: исполнение судебных актов и постановлений, возврат средств в федеральный бюджет и софинансирование расходных обязательств и решение вопросов, которые не могут быть отложены до внесения изменений в областной бюджет.

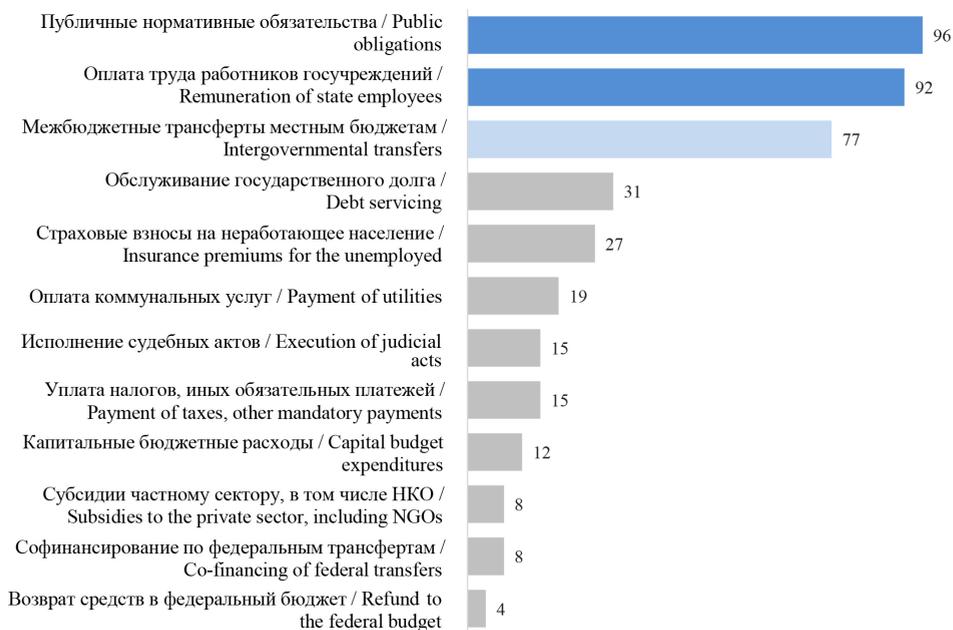
Далее вкратце рассмотрим основные особенности *резервного фонда исполнительного органа власти субъекта Российской Федерации*. Он представляет собой часть средств бюджета, предназначенных для финансового обеспечения непредвиденных расходов (п. 4 ст. 81 БК РФ). Соответствующие направления расходов неизвестны заранее и поэтому не могут быть включены в бюджет на этапе планирования.

Статья 81 БК РФ прямо устанавливает создание в расходной части региональных бюджетов резервных фондов высших исполнительных органов субъектов Российской Федерации. Как следствие, резервный фонд исполнительного органа власти есть во всех субъектах Российской Федерации.

В подавляющем большинстве регионов функционирует лишь один резервный фонд исполнительного органа власти, однако в 13 субъектах из 85⁸ функционируют два таких фонда. В этих случаях речь идет непосредственно о резервном фонде регионального правительства (фонде финансирования

⁸ Во Владимирской области, Республике Карелия, Республике Коми, Ростовской области, Республике Дагестан, Республике Мордовия, Самарской области, Республике Алтай, Республике Бурятия, Томской области, Республике Саха (Якутия), Приморском крае и Сахалинской области.

непредвиденных расходов) и о резервном фонде регионального правительства по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Республика Ингушетия и Чеченская Республика имеют сразу три резервных фонда – главы региона, непосредственно правительства региона и правительства региона по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий.

Р и с. 3. Первоочередные направления расходов средств резервного фонда субъекта, % от числа регионов с резервным фондом и раскрытием направлений расходов (26 регионов)⁹
F i g. 3. Priority spending directions of the subject's reserve fund, % of the number of regions with a reserve fund and disclosure of spending directions (26 regions)

В настоящее время прежняя норма о предельном размере резервного фонда, равном 3 % от общего объема расходов, которая была отменена с 21 ноября 2022 г., повторяется в большом числе региональных законов о бюджетном процессе – в 26 субъектах. В то же время во многих субъектах (52 региона) предельный объем резервного фонда прямо не оговаривается. В ряде регионов предельный объем резервного фонда устанавливается законом о бюджете на очередной финансовый год и плановый период. Наконец, в некоторых субъектах предельный объем резервного фонда исполнительного органа государственной власти является индивидуальным (Ивановская область, Республика Саха (Якутия)). Средства резервных фондов формируются за счет расходов бюджетов и отражаются по подразделу 0111 «Резервные фонды».

Конкретный порядок использования бюджетных ассигнований резервного фонда устанавливается по решению высшего исполнительного органа государственной власти субъекта. Он оформляется в виде отдельного постановления регионального правительства. Ключевая характеристика расходов за счет средств

⁹ Рисунок составлен авторами по итогам анализа регионального законодательства.

фонда – их непредвиденность и урегулированность соответствующих направлений расходов нормативным образом.

Как правило, перечень направлений расходов за счет средств резервных фондов исполнительного органа власти открыт. Лишь в 17 субъектах Российской Федерации перечень возможных направлений расходов закрытый. С одной стороны, это создает ограничения у региональной администрации, с другой – они формальны, так как во многих случаях перечень весьма большой, и существует возможность оперативного внесения изменений в соответствующий подзаконный акт. Тем не менее в некоторых регионах на расходы за счет средств фондов вводятся собственные ограничения. В Республике Саха (Якутия), например, бюджетные ассигнования не могут быть направлены на обеспечение расходных обязательств, не связанных с решением вопросов, отнесенных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В Иркутской и Сахалинской областях возможна лишь реализация тех полномочий, которые прямо отнесены к уровню субъекта, а в Кемеровской области расходы могут быть лишь направлены на «реализацию социально значимых мероприятий».

Согласно выполненному анализу региональных постановлений о порядке использования бюджетных ассигнований резервного фонда исполнительного органа власти, все ключевые направления расходов можно подразделить на несколько крупных блоков. Среди них можно выделить такие, как чрезвычайные ситуации, судебные издержки, внешняя политика и геополитика, безопасность, борьба с терроризмом, поддержка экономики, жилищно-коммунальное хозяйство, экология, культурные и спортивные мероприятия и ряд других. Каждый из этих блоков можно разделить на конкретные направления, частота реализации которых неодинакова в разных субъектах. Наиболее часто встречающимися утвержденными направлениями расходов являются расходы на ремонтно-восстановительные мероприятия и ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций (упоминаются в документах 79 субъектов).

В последние месяцы одним из дополнительных направлений расходов, предусмотренных в составе перечня расходов, осуществляемых за счет средств резервных фондов исполнительных органов субъектов, стали расходы на оказание гуманитарной помощи Донецкой и Луганской народным республикам и их населению, в том числе покинувшему территории республик и прибывших в Российскую Федерацию (Республики Калмыкия, Тыва, Башкортостан, Ульяновская область). Также появилась возможность расходовать средства фондов на оказание мер социальной поддержки лицам, участвующим (участвовавшим) в проведении специальной военной операции, и членам их семей (Приморский край, Ямало-Ненецкий автономный округ); социальной поддержки детей лиц, участвовавших в боевых действиях и выполнении специальных задач (Ямало-Ненецкий автономный округ).

Обсуждение и заключение. Научная новизна проведенного исследования заключается в сборе, анализе и систематизации разрозненной информации о нормативном регулировании, порядке формирования и использования средств, видах и индивидуальных особенностях резервных фондов на региональном уровне.

Понимание условий использования и форм резервных фондов необходимо с точки зрения совершенствования данного института обеспечения финансовой устойчивости регионов.

Самостоятельное резервирование бюджетных средств регионами как часть контрциклической бюджетной политики имеет множество преимуществ. Среди них оптимизация средств федерального бюджета и перераспределение высвободившихся ресурсов на выравнивание бюджетной обеспеченности регионов, сокращение дискреционных (антикризисных) федеральных трансфертов и уменьшение вертикальной несбалансированности в бюджетной системе. Несмотря на все преимущества, на практике резервный фонд субъекта Российской Федерации как публично-правового образования остается относительно непопулярным инструментом. В отличие от резервного фонда исполнительного органа власти его формирование не обязательно, поэтому более пристальное изучение его особенностей может пролить свет на мотивы и устройство налогово-бюджетных систем на региональном уровне в России. Более того, как показало исследование, в регионах нет единого механизма формирования средств резервного фонда субъекта Российской Федерации как публично-правового образования, а также перечня направлений, по которым допускается их использование.

Выполненное исследование указало на недостаточную осведомленность региональных органов власти о резервировании бюджетных средств как важном институте обеспечения финансовой устойчивости. Об этом свидетельствуют непрозрачность и недостаток открытой информации и признаки некорректной методологии учета и отчетности о наличии резервных фондов, смешивание понятий резервного фонда субъекта как публично-правового образования и резервного фонда администрации.

Механизм стимулирования создания резервных фондов на уровне субъектов Российской Федерации может предполагать погашение части задолженности субъекта Российской Федерации по бюджетным кредитам либо высвобождение части средств в рамках реструктуризации данной задолженности на сумму увеличения остатков средств на счете, на котором учитываются средства резервного фонда. В рамках механизма управления средствами резервного фонда целесообразно предусмотреть возможность финансирования проектов частного сектора экономики на территории соответствующего региона.

Поиск факторов, обуславливающих выбор способов формирования и использования ресурсов резервных фондов субъектов Российской Федерации, может стать перспективным направлением дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казакова С. М., Михайлова А. А. Дотационность как фактор устойчивости региональных экономических систем // Российский экономический журнал. 2018. № 2. С. 29–37. URL: https://www.re-j.ru/archive/2018/2/article_498 (дата обращения: 16.07.2024).
2. Klimanov V. V., Kazakova S. M., Mikhaylova A. A. Economic and Fiscal Resilience of Russia's Regions // Regional Science Policy & Practice. 2020. Vol. 12, issue 1. Pp. 627–640. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12282>

3. Çiçekçi C., Gaygısız E. Procyclicality of Fiscal Policy in Oil-rich Countries: Roles of Resource Funds and Institutional Quality // *Resources Policy*. 2023. Vol. 85. Article no. 103675. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.103675>
4. Goes I. Electoral Politics, Fiscal Policy, and the Resource Curse // *Studies in Comparative International Development*. 2022. Vol. 57. Pp. 525–576. <https://doi.org/10.1007/s12116-022-09367-8>
5. Aguirre-Unceta R. Kazakhstan: Extractive Resources, Governance and Inclusive Development // *Journal of Social and Economic Development*. 2024. Vol. 26. Pp. 235–257. <https://doi.org/10.1007/s40847-023-00252-1>
6. García-Albán F., González-Astudillo M., Vera-Avellán C. Good Policy or Good Luck? Analyzing the Effects of Fiscal Policy and Oil Revenue Shocks in Ecuador // *Energy Economics*. 2021. Vol. 100. Article no. 105321. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105321>
7. Al Jabri S., Raghavan M., Vespignani J. Oil Prices and Fiscal Policy in an Oil-exporter Country: Empirical Evidence from Oman // *Energy Economics*. 2022. Vol. 111. Article no. 106103. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2022.106103>
8. Zhu M., Lv D., Wu W. Market Stabilization Fund and Stock Price Crash Risk: Evidence from the Post-crash Period // *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2022. Vol. 139. Article no. 104433. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2022.104433>
9. Wu X., Wang P.-Y., Wang K. The Effect of Stabilization Fund to Rescue Stock Market Based on Expected Return-capita Circulation Equation // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2023. Vol. 87. Article no. 101493. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2022.101493>
10. Hoang T., Maher C. S. Fiscal Condition, Institutional Constraints, and Public Pension Contribution: Are Pension Contribution Shortfalls Fiscal Illusion? // *Public Budgeting & Finance*. 2022. Vol. 42, issue 4. Pp. 93–124. <https://doi.org/10.1111/pbaf.12328>
11. Hong H., Moon S. The Effects of the Job Stabilization Fund on Employment // *Applied Economics Letters*. 2024. Pp. 1–5. <https://doi.org/10.1080/13504851.2024.2371484>
12. Green D., Loualiche E. State and Local Government Employment in the COVID-19 Crisis // *Journal of Public Economics*. 2021. Vol. 193. Article no. 104321. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104321>
13. Wilson M. State Government saving Over the Business Cycle // *Regional Science and Urban Economics*. 2023. Vol. 98. Article no. 103862. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2022.103862>
14. Clemens J., Veuger S. Politics and the Distribution of Federal Funds: Evidence from Federal Legislation in Response to COVID-19 // *Journal of Public Economics*. 2021. Vol. 204. Article no. 104554. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2021.104554>
15. Гурвич Е. Т., Соколов И. А. Бюджетные правила: избыточное ограничение или неотъемлемый инструмент бюджетной устойчивости? // *Вопросы экономики*. 2016. № 4. С. 5–29. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-4-5-29>
16. Russian Regions and the Federal Center Against Global Threats: A Year Of Fighting COVID-19 / V. E. Seliverstov [et al.] // *Regional Research of Russia*. 2021. Vol. 11. Pp. 405–418. <https://doi.org/10.1134/S2079970521040158>
17. Изотова А. Ю. Резервные фонды субъектов Федерации: сопоставление сущности и практики Российской Федерации и США // *Финансы и кредит*. 2020. Т. 26, № 3. С. 590–599. <https://doi.org/10.24891/fc.26.3.590>
18. Иванова Е. Л., Арбатская Ю. В., Катрич Е. В. Законодательное регулирование резервных фондов субъектов Российской Федерации // *Вестник Института законодательства и правовой информации им. М. М. Sperанского*. 2015. № 6 (36). С. 22–36. URL: <https://www.izpi.ru/archive/vestnik/36.pdf> (дата обращения: 16.07.2024).
19. Арбатская Ю. В., Сверлова М. В. Резервный фонд субъекта Российской Федерации в составе расходов регионального бюджета: правовые вопросы // *Академический юридический журнал*. 2014. № 4 (58). С. 39–44. EDN: TEQMCB
20. Соломко И. М., Соломко М. Н. Резервные фонды субъектов Российской Федерации как инструмент обеспечения бюджетной устойчивости // *Экономика и предпринимательство*. 2013. № 4 (33). С. 111–114. EDN: PWWNNT
21. Кулян Р. А. Резервный фонд как фактор устойчивого финансового состояния моногородов // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2013. № 3. С. 67–71. URL: <https://futurepubl.ru/ru/nauka/article/35590/view> (дата обращения: 16.07.2024).

22. Изотова А. Ю. Количественная характеристика использования внебюджетных фондов субъектов Федерации резервной направленности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 2. С. 39–46. <https://doi.org/10.17513/vaael.997>
23. Галухин А. В., Ускова Т. В. Совершенствование управления рисками доходной базы консолидированных бюджетов регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 6 (48). С. 162–179. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.9>
24. Ложечко А. С. Развитие роли региональных резервных фондов в управлении доходами бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях экономической неопределенности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5-1. С. 126–134. EDN: YKOIKN
25. Ayala-Cañón L., Delgado-Rodríguez M. J., De Lucas-Santos S. Synchronization and Cyclicity of Social Spending in Economic Crises // *Empirica*. 2022. Vol. 49. Pp. 1153–1187. <https://doi.org/10.1007/s10663-022-09545-w>
26. Сильвестров С. Н., Крупнов Ю. А., Старовойтов В. Г. Определение и реализация национальных целей развития в российском стратегическом планировании // Российский экономический журнал. 2021. № 1. С. 32–44. <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-1-32-44>
27. Михайлова А. А., Яговкина В. А. Резервные фонды как инструмент антикризисной политики // Финансы. 2020. № 9. С. 14–20. EDN: KJLVJX
28. Тимушев Е. Н., Яговкина В. А. Резервные фонды в регионах России: факторы учреждения и оценка эффективности // Финансовый журнал. 2023. Т. 15, № 5. С. 61–78. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78>

REFERENCES

1. Kazakova S.M., Mikhailova A.A. Subsidization as a Factor of the Resilience of Regional Economic Systems. *Russian Economic Journal*. 2018;(2):29–37. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.re-j.ru/archive/2018/2/article_498 (accessed 16.07.2024).
2. Klimanov V.V., Kazakova S.M., Mikhaylova A.A. Economic and Fiscal Resilience of Russia's Regions. *Regional Science Policy & Practice*. 2020;12(1):627–640. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12282>
3. Çiçekçi C., Gaygısız E. Pro-cyclicality of Fiscal Policy in Oil-Rich Countries: Roles of Resource Funds and Institutional Quality. *Resources Policy*. 2023;85:103675. <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2023.103675>
4. Goes I. Electoral Politics, Fiscal Policy, and the Resource Curse. *Studies in Comparative International Development*. 2022;57:525–576. <https://doi.org/10.1007/s12116-022-09367-8>
5. Aguirre-Unceta R. Kazakhstan: Extractive Resources, Governance and Inclusive Development // *Journal of Social and Economic Development*. 2024;26:235–257. <https://doi.org/10.1007/s40847-023-00252-1>
6. García-Albán F., González-Astudillo M., Vera-Avellán C. Good Policy or Good Luck? Analyzing the Effects of Fiscal Policy and Oil Revenue Shocks in Ecuador. *Energy Economics*. 2021;100:105321. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2021.105321>
7. Al Jabri S., Raghavan M., Vespignani J. Oil Prices and Fiscal Policy in an Oil-exporter Country: Empirical Evidence from Oman. *Energy Economics*. 2022;111:106103. <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2022.106103>
8. Zhu M., Lv D., Wu W. Market Stabilization Fund and Stock Price Crash Risk: Evidence from the Post-Crash Period. *Journal of Economic Dynamics and Control*. 2022;139:104433. <https://doi.org/10.1016/j.jedc.2022.104433>
9. Wu X., Wang P.-Y., Wang K. The Effect of Stabilization Fund to Rescue Stock Market Based on Expected Return-capita Circulation Equation. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2023;87:101493. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2022.101493>
10. Hoang T., Maher C.S. Fiscal Condition, Institutional Constraints, and Public Pension Contribution: Are Pension Contribution Shortfalls Fiscal Illusion? *Public Budgeting & Finance*. 2022;42(4):93–124. <https://doi.org/10.1111/pbaf.12328>
11. Hong H., Moon S. The Effects of the Job Stabilization Fund on Employment. *Applied Economics Letters*. 2024. <https://doi.org/10.1080/13504851.2024.2371484>

12. Green D., Loualiche E. State and Local Government Employment in the COVID-19 Crisis. *Journal of Public Economics*. 2021;193:104321. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2020.104321>
13. Wilson M. State Government saving Over the Business Cycle. *Regional Science and Urban Economics*. 2023;98:103862. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2022.103862>
14. Clemens J., Veuger S. Politics and the Distribution of Federal Funds: Evidence from Federal Legislation in Response to COVID-19. *Journal of Public Economics*. 2021;204:104554. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2021.104554>
15. Gurchich E.T., Sokolov I.A. Fiscal Rules: Excessive Limitation or Indispensable Instrument of Fiscal Sustainability? *Voprosy ekonomiki*. 2016;(4):5–29. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-4-5-29>
16. Seliverstov V.E., Kravchenko N.A., Klistorin V.I., Yusupova A.T. Russian Regions and the Federal Center Against Global Threats: A Year of Fighting COVID-19. *Regional Research of Russia*. 2021;11:405–418. <https://doi.org/10.1134/S2079970521040158>
17. Izotova A.Yu. Reserve Funds of Federal Subjects: A Comparative Analysis of Nature and Practice in Russia and the U.S. *Finance and Credit*. 2020;26(3):590–599. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24891/fc.26.3.590>
18. Ivanova E.L., Arbatskaya Yu.V., Katrich E.V. [Legislative Regulation of Reserve Funds of the Subjects of the Russian Federation]. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii im. M. M. Speranskogo*. 2015;(6):22–36. (In Russ.) Available at: <https://www.izpi.ru/archive/vestnik/36.pdf> (accessed 16.07.2024).
19. Arbatskaya Yu.V., Sverlova M.V. The Reserve Fund of a Subject of the Russian Federation in the Structure of Regional Budget Expenditures: Legal Issues. *Academic Law Journal*. 2014;(4):39–44. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: TEQMCB
20. Solomko I.M., Solomko M.N. Regional Reserve Funds as the Instrument of Budgetary Stability Providing. *Journal of Economy and Entrepreneurship*. 2013;(4):111–114. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PWWNNT
21. Kulyan R.A. Reserve Fund as the Factor of the Steady Financial Condition of Monocities. *National Security and Strategic Planning*. 2013;(3):67–71. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://futurepubl.ru/ru/nauka/article/35590/view> (accessed 16.07.2024).
22. Izotova A.Yu. [Quantitative Characteristics of the Use of Extra-Budgetary Funds of the Subjects of the Federation of a Reserve Orientation]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*. 2020;(2):39–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.17513/vaael.997>
23. Galukhin A.V., Uskova T.V. Improving the System of Management of Risks of the Income Base of Regions' Consolidated Budgets. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2016;(6):162–179. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2016.6.48.9>
24. Lozhechko A.S. [The Development of the Role of Regional Reserve Funds in the Management of Budget Revenues of the Subjects of the Russian Federation in Conditions of Economic Uncertainty]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2017;(5-1):126–134. (In Russ.) EDN: YKOIKN
25. Ayala-Cañón L., Delgado-Rodríguez M.J., De Lucas-Santos S. Synchronization and Cyclicity of Social Spending in Economic Crises. *Empirica*. 2022;49:1153–1187. <https://doi.org/10.1007/s10663-022-09545-w>
26. Silvestrov S.N., Krupnov Yu.A., Starovoitov V.G. Determination and Implementation of National Development Goals in Russian Strategic Planning. *Russian Economic Journal*. 2021;(1):32–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33983/0130-9757-2021-1-32-44>
27. Mikhailova A.A., Yagovkina V.A. [Reserve Funds as an Instrument of Anti-Crisis Policy]. *Finansy*. 2020;(9):14-20. (In Russ.) EDN: KJLVJX
28. Timushev E.N., Yagovkina V.A. Reserve Funds in Russian Regions: Factors of Formation and Efficiency Assessment. *Financial Journal*. 2023;15(5):61–78. (In Russ.) <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2023-5-61-78>

Об авторах:

Тимушев Евгений Николаевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра региональной политики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской

Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82-84); Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>, Researcher ID: U-3491-2018, Scopus ID: 57201315444, SPIN-код: 2445-0220, timushev-en@ranepa.ru

Яговкина Вита Александровна, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра региональной политики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82-84), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5448-9508>, Scopus ID: 57493287200, SPIN-код: 3402-3444, yagovkina-va@ranepa.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. Н. Тимушев – постановка проблемы; разработка концепции и программы исследования; научное руководство; структурирование и анализ результатов; критический анализ первичных материалов; научная доработка текста.

В. А. Яговкина – формирование основной концепции; анализ современной литературы; сбор данных; представление результатов и формулирование выводов; первоначальный вариант текста статьи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.07.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 07.09.2024.

About the authors:

Evgeniy N. Timushev, Cand.Sci. (Econ.), Senior Researcher, Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82-84 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation); Institute for Socio-Economic & Energy Problems of North Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>, Researcher ID: U-3491-2018, Scopus ID: 57201315444, SPIN-code: 2445-0220, timushev-en@ranepa.ru

Vita A. Yagovkina, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Regional Policy, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82-84 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5448-9508>, Scopus ID: 57493287200, SPIN-code: 3402-3444, yagovkina-va@ranepa.ru

Contribution of the authors:

E. N. Timushev – statement of problem; development of the research concept and program; scientific guidance; structuring and analysis of results; critical analysis of primary materials; scientific revision of the text.

V. A. Yagovkina – main concept; analysis of literature; data collection; presentation of results and formulation of conclusions; preparation of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.07.2024; revised 26.08.2024; accepted 07.09.2024.

Экономика замкнутого цикла в сельскохозяйственном производстве: потенциал реализации в новых институциональных условиях

М. В. Терешина¹ ✉С. Г. Тяглов²Е. В. Атамась¹

¹ Кубанский государственный университет (г. Краснодар, Российская Федерация)

² Ростовский государственный экономический университет
(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

✉ mwstepanova@mail.ru

Аннотация

Введение. Концепт циркулярного сельскохозяйственного производства является перспективным трендом для обеспечения продовольственной безопасности и снижения текущих негативных экологических эффектов. Цель исследования – проанализировать перспективы развития экономики замкнутого цикла в аграрном секторе Краснодарского края в новых институциональных условиях.

Материалы и методы. В процессе исследования использовались методы критического анализа современной литературы и анализ официальных статистических данных. Изучены основные нормативные и программные документы, формирующие институциональные рамки для развития экономики замкнутого цикла в сельском хозяйстве и влияющие на текущие и перспективные институциональные трансформации процесса развития экономики замкнутого цикла и валоризации образуемых сельскохозяйственных отходов.

Результаты исследования. Определены дифференциальные характеристики понятия «циркулярное сельскохозяйственное производство», выделены основные принципы и ограничения развития экономики замкнутого цикла в сельскохозяйственном производстве, а также выгоды и издержки циркулярного перехода в сельском хозяйстве. Описаны специфические характеристики сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае, детерминирующие приоритетность реализации циркулярных практик.

Обсуждение и заключение. Складывающаяся модель управления циркулярным переходом в сельскохозяйственном производстве нашей страны имеет «нисходящий» характер с детерминирующей ролью государственных структур в ее формировании, которая имеет как преимущества, так и дефицитарные области. Трансформация характеристик этой модели будет происходить под влиянием специфических признаков российских регионов. Результаты проведенного исследования могут использоваться органами исполнительной власти и бизнес-структурами при институциональном проектировании внедрения экономики замкнутого цикла в сельскохозяйственной отрасли Краснодарского края и других аграрных регионов.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, сельскохозяйственное производство, циркулярное производство, институциональные условия, экономика Краснодарского края

© Терешина М. В., Тяглов С. Г., Атамась Е. В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ и КНФ в рамках конкурса 2024 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс), 24-18-20049 «Региональная система экономики замкнутого цикла: институциональные модели и технологии развития (на примере Краснодарского края)» (<https://rscf.ru/project/24-18-20049/>).

Для цитирования: Терешина М. В., Тяглов С. Г., Атамась Е. В. Экономика замкнутого цикла в сельскохозяйственном производстве: потенциал реализации в новых институциональных условиях // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 4. С. 635–652. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.635-652>

Circular Economy in Agricultural Production: Potential for Implementation in New Institutional Conditions

M. V. Tereshina^a✉, S. G. Tyaglov^b, E. V. Atamas^a

^a Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

^b Rostov State University of Economics (Rostov-on-Don, Russian Federation)

✉ mwstepanova@mail.ru

Abstract

Introduction. The concept of circular agricultural production is a promising trend for ensuring food security and reducing current negative environmental effects. The aim of the study is to analyse the prospects for the development of a circular economy in the agricultural sector of the Krasnodar Territory in the new institutional environment.

Materials and Methods. The research process used the methods of critical analysis of modern literature, analysis of official statistical data, regulatory and programme documents that form the institutional framework for the development of closed-loop economy in agriculture. The main regulatory and program documents influencing the current and future institutional transformations of a circular economy in agriculture and the valorization of generated agricultural waste are analyzed.

Results. The differential characteristics of the concept of circular agricultural production are determined; the basic principles and limitations of a circular economy in agriculture are highlighted, as well as the benefits and costs of a circular transition in agriculture. Some specific characteristics of agricultural production in Krasnodar Territory are described, which determine the priority of implementing circular practices.

Discussion and Conclusions. It has been revealed that the emerging model for managing the circular transition in agricultural production in our country has a “top-down” character with the determining role of governmental institutions. This model has both undeniable advantages and areas of deficiency. The transformation of the characteristics of this model will occur under the influence of the specific characteristics of Russian regions. The results of the study are important for executive authorities and business structures for the institutional design of the introduction of circular economy in the agricultural sector of the Krasnodar Territory and other agricultural regions.

Keywords: circular economy, agricultural production, circular production, institutional conditions, Krasnodar Territory economy

Conflict of interests. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research is carried out with the financial support of the Russian Science Foundation and Kuban Science Foundation within the framework of the scientific project 2024 “Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by individual scientific groups” (regional competition), project No. 24-18-20049 “Regional circular economy system: institutional models and development technologies (the case of Krasnodar Territory)” (<https://rscf.ru/project/24-18-20049/>).

For citation: Tereshina M.V., Tyaglov S.G., Atamas E.V. Circular Economy in Agricultural Production: Potential for Implementation in New Institutional Conditions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):635–652. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.635-652>

Введение. В настоящее время экономика замкнутого цикла является одной из самых обсуждаемых и исследуемых экономических моделей, которая активно институционализируется в государственных и отраслевых приоритетах развития. Большинство ученых и практиков солидарны во мнении, что модели экономики замкнутого цикла способствуют экономической, экологической и социальной устойчивости и являются перспективными с точки зрения стратегического управления. При этом степень проникновения циркулярных практик в реальный сектор экономики значительно отличается как в страновом, так и в отраслевом срезе, на макро-, мезо- и микроуровнях [1].

Основной целью сельскохозяйственного производства традиционно считалась максимизация производительности, которая в большинстве случаев осуществлялась за счет расширения масштабов использования ресурсов. Негативные последствия подобного подхода связаны не только с экологическим ущербом (деградацией почв, сокращением биоразнообразия, накоплением отходов, усиливающейся региональной аграрной специализацией, изменением климата и т. д.), но и с экономическими потерями. Так, по данным международных организаций, деградация почв затрагивает от 30 до 85 % сельскохозяйственных земель¹, потери воды, используемой для орошения сельскохозяйственных культур, достигают 60 %, при этом на сельское хозяйство уходит более 2/3 всей воды, используемой человеком, сельское хозяйство является основным антропогенным источником выбросов парниковых газов. Кроме традиционно образуемых отходов растениеводства и животноводства, современное сельское хозяйство использует значительный объем (до 12,5 млн т) пластмассовых изделий, которые также переходят в разряд отходов и требуют утилизации². В исследованиях Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН приводятся данные о скрытых издержках традиционных мировых агросистем для здоровья, экологии и общества на сумму не менее 10 трлн долл. в год, при этом около 25 % этой суммы связано с экологическим ущербом от выбросов парниковых газов, азота, отходов, а также в связи с нерациональным использованием земельных и водных ресурсов³.

Именно поэтому циркулярное сельскохозяйственное производство в научном и управленческом дискурсе рассматривается в качестве наиболее перспективного пути для переориентации с текущей неустойчивой модели на более устойчивую, способную не только обеспечить продовольственную безопасность, но и значительно уменьшить негативное воздействие на окружающую среду [2].

Актуальность исследования связана также с необходимостью перехода к экономике замкнутого цикла, фиксируемой в публичном и правовом пространстве

¹ MacArthur E., Zumwinkel K., Stuchtey M. R. Growth Within: A Circular Economy Vision for a Competitive Europe [Электронный ресурс] // Ellen MacArthur Foundation. 2015. URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/growth-within-a-circular-economy-vision-for-a-competitive-europe> (дата обращения: 12.04.2024).

² Assessment of Agricultural Plastics and their Sustainability: A call for Action [Электронный ресурс]. Rome, 2021. 160 p. URL: <https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/cb7856en> (дата обращения: 12.04.2024).

³ The State of Food and Agriculture 2023. Revealing the True Cost of Food to Transform Agrifood Systems [Электронный ресурс]. Rome, 2023. 150 p. URL: <https://openknowledge.fao.org/handle/20.500.14283/cc7724en> (дата обращения: 12.04.2024).

нашей страны⁴, принятием целого ряда нормативных правовых актов и программ, призванных сформировать институциональный каркас для имплементации различных аспектов экономики замкнутого цикла в сельскохозяйственное производство.

Целью исследования является анализ потенциала реализации экономики замкнутого цикла в сельскохозяйственном производстве Краснодарского края в условиях происходящих институциональных изменений.

Обзор литературы. Основные импульсы для изучения экономики замкнутого цикла применительно к сельскохозяйственному производству были созданы в 2013 г. серией отчетов фонда Э. Макартур⁵, в которых впервые были проанализированы потенциал замкнутых систем в сельском хозяйстве, возможные стимулы и барьеры для их внедрения, основные заинтересованные стороны, технологические разработки и потенциальные бизнес-модели. В настоящее время зарубежные и отечественные исследования в области экономики замкнутого цикла в сельском хозяйстве осуществляются по нескольким направлениям. Проанализируем главные из них.

Потенциал циркулярной экономики как основы устойчивого будущего сельскохозяйственного производства широко обсуждается в глобальном контексте⁶ [3]. При этом часть исследователей концентрирует внимание на органическом сельском хозяйстве [4] и производстве органических продуктов как магистральном векторе управления отходами и развития циркулярной экономики в сельском хозяйстве, что, на наш взгляд, является не совсем оправданным, поскольку долгосрочную устойчивость поставок продовольствия способны гарантировать только интенсивные сельскохозяйственные системы. Наибольшее значение имеет изучение тех возможностей, которые открываются перед интенсивным сельскохозяйственным производством при внедрении циркулярных моделей. Однако в исследовательском дискурсе эта тематика еще довольно молода [5].

Значительный пласт публикаций посвящен техническим и технологическим аспектам развития циркулярной экономики в сельском хозяйстве, анализу различных технологий переработки сельскохозяйственных отходов [6] с целью повторного использования [7] и создания дополнительной ценности⁷ [8]. К этому направлению можно также отнести исследования в области «умных» цифровых технологий [9], например точного земледелия, позволяющих оптимизировать использование

⁴ Федеральный проект «Экономика замкнутого цикла» [Электронный ресурс]. URL: <https://re.o.ru/ezc> (дата обращения: 12.04.2024).

⁵ MacArthur E. Towards the Circular Economy Vol. 2: Opportunities for the Consumer Goods Sector [Электронный ресурс] // Ellen MacArthur Foundation. 2013. URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/towards-the-circular-economy-vol-2-opportunities-for-the-consumer-goods> ; MacArthur E. Achieving 'Growth Within' [Электронный ресурс] // Ellen MacArthur Foundation. 2017. URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/achieving-growth-within> ; MacArthur E. Completing the Picture: How the Circular Economy Tackles Climate Change [Электронный ресурс] // Ellen MacArthur Foundation. 2019. URL: <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/videos/completing-the-picture-how-the-circular-economy-tackles-climate-change> (дата обращения: 12.04.2024).

⁶ Nazir S., Capocchi A. Systematic Literature Review of Circular Economy and Sustainable Development // Sustainability Reporting Practices and the Circular Economy. Palgrave Macmillan, Cham, 2024. Pp. 15–81. https://doi.org/10.1007/978-3-031-51845-4_2

⁷ Tom T., Eswara Reddy E. Value-Added Products from Agricultural Waste // Business Resilience and Digital Technology in the Post-Pandemic Era / eds. by J. K. P. Mukthar [et al.]. Springer, Cham, 2024. Pp. 77–85. https://doi.org/10.1007/978-3-031-48075-1_7

ресурсов и минимизировать воздействие на окружающую среду⁸. Эволюция тематических исследований в последние годы демонстрирует постепенное смещение от производственного тематического фокуса к более широкому взгляду, интегрирующему в некоторых случаях вопросы циркулярных технологических и организационных инноваций, институциональной поддержки развития циркулярного агропроизводства [10], а также социальные и культурные вопросы [11]. Значительное количество проведенных зарубежных исследований базируется на различных методологиях и характеризуется разнообразным масштабом объектов анализа на уровне стран, регионов и предприятий, что значительно усложняет их сравнение. Экспоненциальный рост публикаций в области синтеза различных аспектов развития циркулярного сельского хозяйства в последние несколько лет происходит благодаря китайским ученым. Отечественные исследования в этом направлении пока не так обширны [12–17].

Таким образом, в научно-исследовательском поле «циркулярное сельское хозяйство» продолжает оставаться довольно неоднозначным понятием, включающим несколько трактовок его сущности и возможных решений, в том числе масштабы замыкания циклов, последствия для различных акторов, актуализируя адаптацию теоретической базы к сфере сельского хозяйства с учетом специфики аграрного сектора.

Материалы и методы. Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе на основе критического обзора литературы, осуществленного по базам данных научно-информационной сети ResearchGate, научно-электронной библиотеки eLibrary.ru была проведена концептуализация понятия циркулярного сельскохозяйственного производства, определены основные принципы этой модели, а также выгоды и издержки циркулярного перехода в сельском хозяйстве.

На втором этапе на основе официальных статистических данных, собранных из различных источников, были описаны специфические характеристики сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае, детерминирующие приоритетность реализации циркулярных практик в регионе.

На третьем этапе были проанализированы основные нормативные и программные документы, определяющие новые институциональные условия развития экономики замкнутого цикла в аграрном производстве, в том числе для валоризации сельскохозяйственных отходов, и конкретизированы перспективы дальнейших исследований.

В качестве эмпирических методов исследования использовались метод традиционного анализа документов, устанавливающих приоритеты и задачи развития экономики замкнутого цикла, а также официальных данных Федеральной службы государственной статистики.

Результаты исследования. Проведенный нами обзор зарубежной и отечественной литературы по теме исследования подтвердил первоначальную гипотезу о том, что, хотя общая предпосылка концепта циркулярного сельского

⁸ Responsible Business and Sustainable Development: The Use of Data and Metrics in the Global South / eds. by D. Mhlanga, M. Dzingirai. 1st ed. Routledge, 2024. <https://doi.org/10.4324/9781032712246> ; Труфляк Е. В., Курченко Н. Ю., Креймер А. С. Мониторинг и прогнозирование в области точного сельского хозяйства по итогам 2021 г. : моногр. Краснодар : КубГАУ, 2022. 210 с.

хозяйства заключается в переходе от традиционной модели «взять – произвести – потребить – выбросить» к модели, минимизирующей количество внешних ресурсов для сельскохозяйственного производства, создание концептуальных механизмов циркулярной экономики в отношении сельскохозяйственного производства далеко не завершено. Большинство публикаций, посвященных экономике замкнутого цикла в сельском хозяйстве, представляют собой специальные тематические исследования, касающиеся отдельных аспектов проблематики и имеющие определенные ограничения. Разработка же теоретической основы, которая может быть использована на практике, остается вне научного фокуса.

Базисом для экономики замкнутого цикла в сельском хозяйстве являются концепции оценки жизненного цикла и экоэффективности, ориентированные на минимизацию используемых ресурсов и сокращение количества отходов, но не выходящими за рамки линейного подхода. Отличием экономики замкнутого цикла является то, что все отходы рассматриваются как продуктивные ресурсы, используемые в промышленном симбиозе, при котором потоки энергии и/или материалов одного предприятия или процесса могут быть использованы другим предприятием или в другом процессе [18]. Формирующаяся при этом сложная сеть создания стоимости определяет операционную и стратегическую взаимозависимость между ее участниками, а также необходимость координации [19]. Так, например, деятельность по производству биогаза охватывает не только несколько звеньев цепочки создания стоимости, но и несколько секторов, а также управленческих уровней [20].

Достаточно часто в публикациях по экономике замкнутого цикла в сельском хозяйстве понятия «биоэкономика» и «циркулярная экономика» используются как синонимы. Принципиальные отличия в терминологии, на наш взгляд, заключаются в том, что целью биоэкономики является «переход от ископаемого топлива к органическим энергетическим ресурсам» [21; 22], в то время как экономика замкнутого цикла является более широким понятием, включающим принцип перехода к возобновляемым ресурсам, но подразумевающее также более эффективное управление техническими (небиологическими) циклами.

Принципы экономики замкнутого цикла в сельскохозяйственном производстве, которые выделяются в настоящее время, можно обозначить следующим образом: защита и восстановление агроэкосистем, минимизация образования отходов и их валоризация, переработка побочных продуктов с максимальным извлечением полезных свойств [23], сокращение энергопотребления при производстве сельскохозяйственной продукции, в том числе на основе использования возобновляемых источников энергии, адаптация к местной специфике, оптимизация распределения ресурсов и т. д. [24]. Представляется, что для внедрения этих принципов в практику должны быть созданы институциональные условия, стимулирующие поиск новых управленческих решений, ориентированных на рост добавленной стоимости в сельскохозяйственном производстве, увеличение ценности отходов как ресурсов и общую координацию деятельности.

Не приуменьшая значимости технологических изменений в новых сельскохозяйственных практиках и методах ведения хозяйства, подчеркиваем,

что социальные и институциональные изменения, включающие новые правила и стандарты, новые бизнес-модели и ценовые механизмы, новые типы кооперации и отношений «производитель – потребитель» являются основой для устойчивого внедрения технологических циркулярных инноваций. Основная задача управления циркулярным переходом в сельскохозяйственном производстве состоит в том, чтобы максимально оптимизировать этот процесс, протекающий в рамках линейной институциональной матрицы.

Специфические характеристики сельскохозяйственного производства формируют как ограничения, так и преимущества внедрения циркулярных моделей в этой отрасли экономики. Так, неоднородность и небольшой срок годности сельскохозяйственных продуктов, территориальные различия в их объемах и качестве, сезонность производства, зависимость от природных процессов и количество производственных циклов делают сложной задачу создания стоимости или повышения ценности сельскохозяйственных отходов или побочных продуктов [25].

Тесная связь сельского хозяйства с природной средой, значительный потенциал для переработки материалов природных экосистем, возможность формирования между различными сельскохозяйственными секторами полноценной циркулярной сети для обмена ресурсами и производства новых продуктов, интеграция во всю систему круговорота материалов и энергии упрощают формирование замкнутых циклов с технологической точки зрения.

Основные возможные выгоды и издержки от внедрения циркулярных моделей в сельскохозяйственном производстве систематизированы в таблице 1.

Рассмотрим некоторые перспективы внедрения экономики замкнутого цикла на примере Краснодарского края.

Краснодарский край – один из самых аграрных регионов нашей страны (рис. 1), занимающий первое место в Российской Федерации по производству сельскохозяйственной продукции с устойчивой динамикой роста индекса сельскохозяйственного производства, при этом большая часть продукции сельского хозяйства производится средними и крупными сельскохозяйственными организациями. Земли сельскохозяйственного назначения занимают 62 % всей площади края, а доля сельского населения составляет около 43 % от общей численности населения (при среднем показателе по стране 26 %).

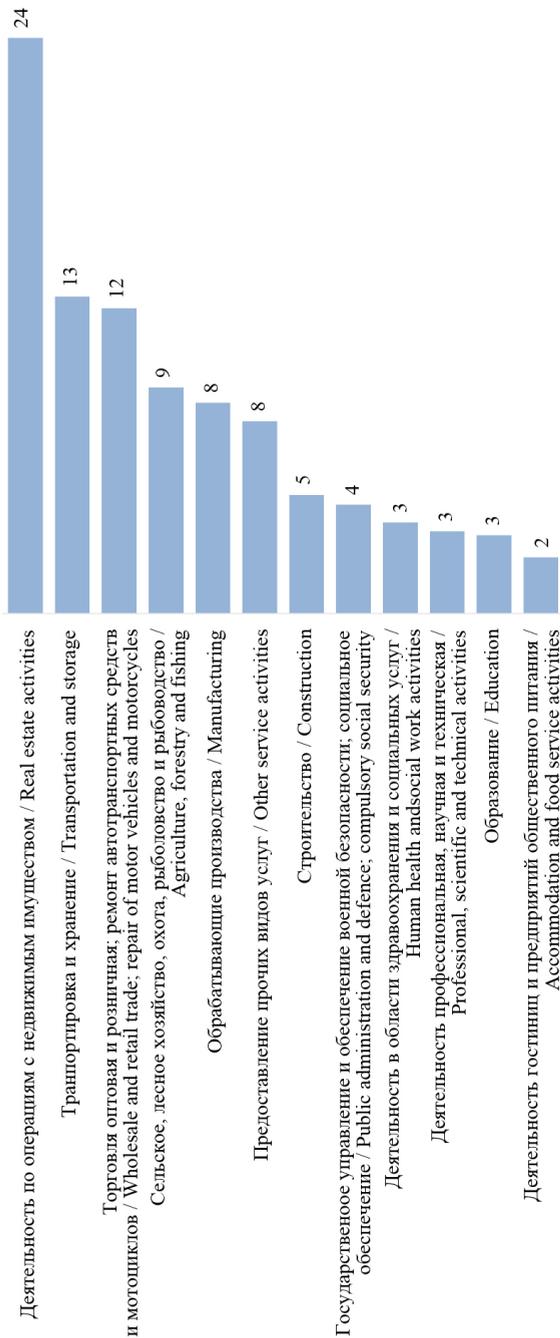
При этом существует значительная неравномерность в развитии растениеводства и животноводства между районами края, определяющая неравномерность образования различных отходов. Аграрная специализация особенно выражена в северной экономической зоне (Кущевский, Крыловский, Павловский, Староминский, Ленинградский, Каневской, Щербиновский и Ейский районы), обладающей значительным экономическим потенциалом переработки побочных продуктов сельскохозяйственного производства. Так, по экспертным оценкам, только производство тепловой энергии из отходов производства зерна в Краснодарском крае способно обеспечить около 60 % энергопотребности в жилом секторе региона и уменьшить потребление традиционных энергоресурсов, что особенно актуально в связи с текущим региональным энергодефицитом [26].

Т а б л и ц а 1. Выгоды и издержки внедрения циркулярных моделей в сельском хозяйстве⁹

Table 1. Benefits and costs of circular models in agriculture

Выгоды / Benefits	Издержки / Costs
<i>Краткосрочная перспектива / Short term</i>	
Уменьшение затрат на используемые в сельскохозяйственном и смежных секторах ресурсы, снижение себестоимости производимой продукции / Reducing the cost of inputs used in agricultural and related sectors, reducing the production cost	Необходимость первоначальных инвестиций в технологии, в некоторых случаях значительных, что может негативно повлиять на финансовую ликвидность предприятий / The need for initial investment in technology, in some cases significant. This may negatively affect the financial liquidity of enterprises
Повышение эффективности сельскохозяйственного производства, снижение эксплуатационных расходов / Increasing the efficiency of agricultural production, reducing operating costs	Сложности адаптации к новым технологиям в переходном периоде, риски временного снижения производительности на начальных этапах / Difficulties in adapting to new technologies in the transition period, risks of a temporary decrease in productivity in the initial stages
Создание возможностей для трудоустройства и новых рабочих мест / Creation of employment opportunities and new jobs	Необходимость в инвестициях в инфраструктуру и затраты на изменение логистики / The need for investment in infrastructure and the costs of changing logistics
Увеличение конкурентных преимуществ, повышение эффективности использования ресурсов и рабочих мест, развитие навыков и знаний работников / Increasing competitive advantages, increasing the efficiency of using resources and jobs, developing the skills and knowledge of employees	Необходимость государственного субсидирования на этапе становления циркулярных агростартапов для выхода на коммерческую эффективность и преодоления «долины смерти» / The need for state subsidies of circular agricultural startups to achieve commercial efficiency and overcome the “valley of death”
<i>Долгосрочная перспектива / Long-term</i>	
Минимизация воздействия на окружающую среду, сохранение агроэкосистем / Minimizing environmental impact, preserving agrarian ecological systems	Эффекты «отскока», связанные с возможным увеличением воздействия на окружающую среду отрасли переработки [27] / Rebound effects increase environmental impacts of the recycling industry
Минимизация негативных экстернатальных эффектов сельскохозяйственного производства, проявление позитивных экстернатальных эффектов, связанных с формированием межотраслевых устойчивых цепочек поставок / Minimizing negative external effects of agricultural production; manifestation of positive external effects due to the inter-industry sustainable supply chains	

⁹ Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами по материалам проведенного исследования.

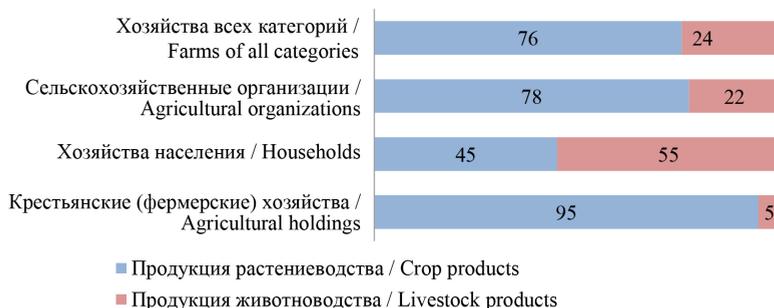

* Представляет собой суммы следующих показателей: предоставление прочих видов услуг; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; деятельность в области информации и связи; деятельность финансовая и страховая; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; деятельность домашних хозяйств как работодателей; недифференцированная деятельность частных домашних хозяйств по производству товаров и оказанию услуг для собственного потребления / Represents the sums of the following indicators: other service activities; mining and quarrying; electricity, gas, steam and air conditioning supply; water supply; sewerage, waste management and remediation activities; information and communication; financial and insurance activities; administrative and support service activities; arts, entertainment and recreation; activities of households as employers; undifferentiated goods- and services-producing activities of households for own use.

Р и с. 1. Структура валового регионального продукта Краснодарского края по отраслям экономики (в текущих основных ценах), %¹⁰
 Fig. 1. Structure of the gross regional product in Krasnodar Territory by economic sector (in current basic prices), %

¹⁰ Валовой региональный продукт. Произведенный ВВП [Электронный ресурс]. URL: https://23.rosstat.gov.ru/VRP_kk (дата обращения: 07.04.2024).

Структура производимой в регионе продукции сельского хозяйства представлена на рисунке 2.

Р и с. 2. Удельный вес продукции растениеводства и животноводства в продукции сельского хозяйства Краснодарского края, %¹¹

F i g. 2. Share of crop and livestock products in Krasnodar Territory agricultural output, %

Кроме того, перспективным с экономической точки зрения является использование отходов в качестве источника ценных материалов, востребованных на рынке. Так, Краснодарский край, являющийся ключевым рисосеющим регионом, производящим около миллиона тонн риса ежегодно, сталкивается с проблемой утилизации отходов рисовой лузги, объем которой равен примерно 20–25 % от объема производимого риса. При этом высокое содержание кремния в рисовой лузге, с одной стороны, затрудняет ее утилизацию, с другой – дает возможность извлечения диоксида кремния, ценного вещества, широко используемого в различных отраслях промышленности, фармацевтической отрасли и сельском хозяйстве. По некоторым оценкам, производство аморфного диоксида кремния из рисовой лузги способно заменить его добычу из неорганических источников [28]. Инвестиционный проект по строительству завода по производству аморфного диоксида кремния и углерода из рисовой лузги, суммарная мощность производства которого планируется на уровне 2 500 т в год, уже реализуется в настоящее время в Северском районе Краснодарского края. Данный пример ярко иллюстрирует позитивные эффекты экономики замкнутого цикла: социальные (создание новых рабочих мест на сельских территориях), экологические (сокращение воздействия на окружающую среду) и экономические (получение ценного сырья).

Задачи развития экономики замкнутого цикла в сельскохозяйственном производстве Краснодарского края тесно коррелируют со стратегическими целями регионального развития, определенными в Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г.: формирование «умного и экологизированного АПК», «эффективного, рационального и диверсифицированного сельскохозяйственного производства», «конкурентоспособных, брендированных, экологически чистых, высококачественных продуктов питания»¹².

¹¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2023 [Электронный ресурс] / Росстат. М., 2023. С. 327. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Sub_2023.pdf (дата обращения: 07.04.2024).

¹² О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года [Электронный ресурс] : закон Краснодарского края от 21 дек. 2018 г. № 3930-КЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550301926> (дата обращения: 17.05.2024).

Достижение обозначенных стратегических целей подкрепляется изменениями, происходящими на политико-управленческом и нормативно-законодательном уровне и актуализирующими внедрение циркулярных практик и валоризации сельскохозяйственных отходов.

В таблице 2 представлены механизмы управления, формирующие институциональный ландшафт циркулярного перехода в сельскохозяйственном производстве Краснодарского края.

Т а б л и ц а 2. Механизмы управления циркулярным переходом в сельскохозяйственном производстве Краснодарского края

Table 2. Mechanisms for managing circular transition in agricultural production in Krasnodar Territory

Вид механизма / Type of mechanism	Содержание / Contents	Статус / Status
1	2	3
Политико-управленческий / Political and managerial	Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» ¹³ , определяющий задачи и целевые показатели по формированию экономики замкнутого цикла / Decree of the President of the Russian Federation of May 5, 2024 No. 309 “On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030 and for the future until 2036”, which defines the tasks and targets for the formation of a circular economy	Функционирует / Functions
	Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 г. ¹⁴ , устанавливающая приоритеты в области экологизации сельского хозяйства / Strategy for socio-economic development of Krasnodar Territory until 2030, setting priorities in green agriculture	Функционирует / Functions
Нормативно-правовой / Regulatory	Федеральный закон «Об экономике замкнутого цикла» / Federal Law “On the Circular Economy”	Разрабатывается / Under development
	Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 248-ФЗ «О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ¹⁵ , регулирующий и регламентирующий вопросы обращения с отходами и побочными продуктами животноводства / Federal Law of July 14, 2022 No. 248-FZ “On livestock by-products and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”, regulating managing the waste and livestock by-products	Функционирует / Functions

¹³ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] : указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 17.05.2024).

¹⁴ О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2030 года...

¹⁵ О побочных продуктах животноводства и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон Рос. Федерации от 14 июля 2022 г. № 248-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140005> (дата обращения: 17.05.2024).

Продолжение табл. 2 / Continuation of table 2

1	2	3
	Закон Краснодарского края от 23 дек. 2020 г. № 4394-КЗ «О внесении изменений в Закон Краснодарского края “Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения на территории Краснодарского края”» ¹⁶ , устанавливающий обязанности собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов обеспечивать воспроизводство плодородия земель сельскохозяйственного назначения / Krasnodar Territory Law of December 23, 2020 No. 4394-KZ “On amendments to the Krasnodar Territory Law “On ensuring the fertility of agricultural lands in Krasnodar Territory”, establishing the obligations of land owners, land users, and tenants to ensure the reproduction of the fertility of agricultural lands	Функционирует / Functions
	Закон Краснодарского края от 7 июня 2004 г. № 723-КЗ «Об использовании возобновляемых источников энергии в Краснодарском крае» (с изм. на 5 дек. 2023 г.) ¹⁷ , регулирующий в том числе использование биомассы как потенциального источника возобновляемой энергии / Krasnodar Territory Law of June 7, 2004 No. 723-KZ “On the use of renewable energy sources in Krasnodar Territory” (as amended on December 5, 2023), regulating the use, including biomass as a potential source of renewable energy	Функционирует / Functions
	Закон Краснодарского края от 5 июля 2019 г. № 4077-КЗ «О развитии производства органической продукции на территории Краснодарского края» (с изм. на 23 дек. 2022 г.) ¹⁸ , регулирующий отношения в области производства органической продукции, сохранения агроэкосистем, использование органических удобрений для поддержания почвенного плодородия / Krasnodar Territory Law of July 5, 2019 No. 4077-KZ “On the development of the production of organic products in Krasnodar Territory” (as amended on December 23, 2022), regulating organic production, conservation of agroecosystems, and the use of organic fertilizers to maintain soil fertility	Функционирует / Functions
Информационные / Information	Межгосударственные и национальные стандарты, информационно-технические справочники в части технологий по утилизации побочных продуктов растениеводства и животноводства / Interstate and national standards, best available techniques reference documents regarding utilization of crop and livestock by-products Федеральная государственная информационная система обращения с отходами / Federal State Information System for Waste Management	Функционируют / актуализируются / разрабатываются / Functions / updated / under development Разрабатывается / Under development

¹⁶ О внесении изменений в Закон Краснодарского края «Об обеспечении плодородия земель сельскохозяйственного назначения на территории Краснодарского края [Электронный ресурс] : закон Краснодарского края от 23 дек. 2020 г. № 4394-КЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/2300202012290018?index=1> (дата обращения: 17.05.2024).

¹⁷ Об использовании возобновляемых источников энергии в Краснодарском крае [Электронный ресурс] : закон Краснодарского края от 7 июня 2004 г. № 723-КЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/461607253> (дата обращения: 17.05.2024).

¹⁸ О развитии производства органической продукции на территории Краснодарского края [Электронный ресурс] : закон Краснодарского края от 5 июля 2019 г. № 4077-КЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/553389274> (дата обращения: 17.05.2024).

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3
	Альбом типовых технических решений и технологий для увеличения глубины переработки органических отходов / Album of standard technical solutions and technologies for increasing the depth of organic waste processing	Разрабатывается / Under development
	Система мониторинга и анализа данных в сфере обращения с вторичными ресурсами / вторичным сырьем в сельском хозяйстве / Monitoring and analyzing data system for secondary resources/secondary raw materials in agriculture	Разрабатывается / Under development
Финансовые / Financial	Меры экономического стимулирования развития инфраструктуры утилизации отходов, образованных в сельском хозяйстве, по переработке побочных продуктов животноводства, а также производству органических удобрений и агрохимикатов из побочных продуктов животноводства, производству кормов и биодобавок / Measures for economic incentives for the development of infrastructure for the disposal of waste generated in agriculture, the processing of livestock by-products, as well as the production of organic fertilizers and agrochemicals from livestock by-products, the production of feed and dietary supplements	Разрабатываются / Under development
Инфраструктурные / Infrastructure	Экотехнопарк / EcoTechnoPark	Планируется к разработке / Planned for development
Гибридные / Hybrid	Федеральный проект «Экономика замкнутого цикла» / Federal project “Circular Economy”	Функционирует / Functions
	Отраслевая программа «Применение вторичных ресурсов и вторичного сырья из отходов в сфере сельского хозяйства на 2022–2030 годы» ¹⁹ / Industry program “Use of secondary resources and secondary raw materials from waste in agriculture for 2022–2030”	Функционирует / Functions

Проведенный анализ демонстрирует развитие в настоящее время в большей степени политико-управленческих и нормативно-правовых стимулов в системе управления формированием циркулярного сельскохозяйственного производства. Для достижения декларируемой цели – повышения доли использования отходов в общем объеме образованных отходов сельского хозяйства до 50 % к 2030 г. – необходимо, на наш взгляд, активно развивать финансовые, информационные и коллаборативные механизмы, в том числе механизмы стимулирования развития инфраструктуры, финансирование НИОКР по данной проблематике, реализацию пилотных проектов для апробирования различных технологий переработки.

Обсуждение и заключение. Институциональный каркас развития экономики замкнутого цикла в сельском хозяйстве нашей страны находится на начальном этапе формирования и определяется рамками уже действующих политико-управленческих и нормативно-правовых, а также разрабатываемых и планируемых к потенциальному внедрению отдельных финансовых, информационных

¹⁹ Отраслевая программа «Применение вторичных ресурсов и вторичного сырья из отходов в сфере сельского хозяйства на 2022–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://mcs.gov.ru/ministry/departments/departament-zhivotnovodstva-i-plemennogo-dela/industry-information/info-otraslevaya-programma-primenenie-vtorichnykh-resursov-i-vtorichnogo-syrya-iz-otkhodov-v-sfere-selsko/> (дата обращения: 17.05.2024).

и инфраструктурных механизмов. В то же время специфические особенности сельскохозяйственного производства, к которым относятся существенные внутриотраслевые различия (например, между содержанием производственных процессов в отраслевом разрезе, между доступом к передовым технологиям, между крупными и мелкими сельхозпроизводителями, между природными и географическими условиями размещения сельхозпредприятий), отсутствие стандартизированных методов измерения циркулярности и ее эффективности, потенциальная неконгруэнтность издержек и выгод от внедрения циркулярных практик различными сельскохозяйственными предприятиями и связанными с ними экономическими субъектами, требуют более детального и глубокого институционального проектирования системы внедрения экономики замкнутого цикла в сельскохозяйственной отрасли с учетом регионального контекста.

Представляется, что в целом система институтов, обеспечивающая продвижение циркулярных практик в сельскохозяйственном производстве, должна:

- выявлять и поддерживать циркулярные инициативы хозяйствующих субъектов, которые могут быть масштабированы в конкретном региональном контексте;
- определять и закреплять наиболее эффективные нормативные, бюджетные, налоговые, информационные, инфраструктурные механизмы;
- создавать условия для научно-технических решений под конкретные запросы сельхозпроизводителей;
- создавать условия для формирования сетей сотрудничества и партнерства между всеми заинтересованными сторонами, в том числе с использованием цифровых технологий.

Поскольку циркулярное сельское хозяйство можно рассматривать как сложную систему, соединяющую различные заинтересованные стороны, материальные, информационные и энергетические потоки, то для будущих исследований важное значение имеет выявление причинно-следственных связей между факторами влияния на развитие циркулярных практик в сельскохозяйственном производстве, между основными стейкхолдерами, межотраслевыми и внеотраслевыми мерами, а также обоснование перспективных бизнес-моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ghisellini P., Cialani C., Ulgiati S. A Review on Circular Economy: The Expected Transition to a Balanced Interplay of Environmental and Economic Systems // *Journal of Cleaner Production*. 2016. Vol. 114. Pp. 11–32. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.09.007>
2. Рыбасова Ю. В., Чередниченко О. А. Модели замкнутого цикла в аграрном секторе экономики: от теории к практике // *Вестник НГИЭИ*. 2016. № 11 (66). С. 99–108. URL: https://vestnik.ngiei.ru/?page_id=1432 (дата обращения: 12.04.2024).
3. Кузнецова Н. А. Циркулярная экономика: основные элементы и возможности // *Экономика высокотехнологичных производств*. 2023. Т. 4, № 2. С. 121–132. <https://doi.org/10.18334/evp.4.2.117359>
4. Circular Economy in Agriculture: Unleashing the Potential of Integrated Organic Farming for Food Security and Sustainable Development / T. Selvan [et al.]. // *Frontiers in Sustainable Food Systems*. 2023. Vol. 7. <https://doi.org/10.3389/fsufs.2023.1170380>
5. Identification of Opportunities for Applying the Circular Economy to Intensive Agriculture in Almeria (South-East Spain) / J. A. Aznar-Sánchez [et al.] // *Agronomy*. 2020. Vol. 10. Article no. 1499. <https://doi.org/10.3390/agronomy10101499>

6. Агапкин А. М., Махотина И. А. Переработка сельскохозяйственных отходов: рынок органических удобрений и производство органических пищевых продуктов // *Хранение и переработка сельхозсырья*. 2021. № 3. С. 212–225. <https://doi.org/10.36107/spfp.2021.221>
7. Value-added Products as Soil Conditioners for Sustainable Agriculture / M. Babla [et al.] // *Resources, Conservation and Recycling*. 2022. Vol. 178. Article no. 106079. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2021.106079>
8. Hsu E. Cost-benefit Analysis for Recycling of Agricultural Wastes in Taiwan // *Waste Management*. 2021. Vol. 120. Pp. 424–432. <https://doi.org/10.1016/J.WASMAN.2020.09.051>
9. Макрак С. SMART-система управления материальными ресурсами в условиях развития циркулярной аграрной экономики в Республике Беларусь // *Наука и инновации*. 2020. № 7 (209). С. 73–78. URL: <http://innosfera.by/files/2020/8.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
10. Determining the Transformative Potential of Circular Agriculture Initiatives / J. Silvius [et al.] // *Ambio*. 2023. Vol. 52. Pp. 1968–1980. <https://doi.org/10.1007/s13280-023-01894-5>
11. Чупин А. Л., Мизинцева М. Ф., Чупина Ж. С. Формирование экономики замкнутого цикла: теория социальной экономики, ее потенциал и проблемы // *Вестник евразийской науки*. 2023. Т. 15, № 6. URL: <https://esj.today/PDF/63ECVN623.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).
12. Валеева Ю. С., Гарипова Г. Р., Галимова Э. И. Практика внедрения принципов и механизмов циркулярной экономики в агропромышленном комплексе // *Вестник НГИЭИ*. 2023. № 7 (146). С. 72–89. URL: http://vestnik.ngiei.ru/?page_id=2265 (дата обращения: 12.04.2024).
13. Bukhtiyarova T.I., Baturina I.N., Kutenina I.A. Convergent Approach to the Formation of Regional Agricultural Ecosystem // *Вестник ВГУ. Сер.: Экономика и управление*. 2023. № 3. С. 33–45. <https://doi.org/10.17308/econ.2023.3/11378>
14. Джандарова Л. Х. Применение бизнес-моделей циркулярной экономики в сельском хозяйстве // *Журнал прикладных исследований*. 2022. № 12. С. 57–61. https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_12_57
15. Бекмурзаева Р. Х., Джандарова Л. Х. Система показателей оценки эффективности стратегий экономики замкнутого цикла в аграрном секторе // *Индустриальная экономика*. 2021. № 5-3. С. 277–281. https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_3_277
16. Институциональные условия решения проблем в сфере обращения с отходами производства и потребления / Л. А. Мочалова [и др.] // *Управление техносферой*. 2020. Т. 3, вып. 2. С. 159–179. <https://doi.org/10.34828/UdsU.2020.85.39.001>
17. Никонцов О. Е. Модель устойчивого развития АПК // *Вестник НГИЭИ*. 2023. № 6 (145). С. 116–128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-ustoychivogo-razvitiya-apk> (дата обращения: 17.08.2024).
18. Концептуальные подходы к развитию сельскохозяйственной отрасли в свете экономики замкнутого цикла / Н. А. Проданова [и др.] // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021. Т. 13, № 3. С. 321–331. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-3-321-331>
19. Макаренко Е. Н., Тяглов С. Г., Шевелева А. В. Вовлечение в хозяйственный оборот отходов производства: российский и европейский опыт // *Регионология*. 2023. Т. 31, № 2. С. 313–334. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.313-334>
20. Agricultural Biogas Plants as a Hub to Foster Circular Economy and Bioenergy: An Assessment Using Substance and Energy Flow Analysis / V. Burg [et al.] // *Resources, Conservation and Recycling*. 2023. Vol. 190. Article no. 106770. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2022.106770>
21. Spanish Strategy on Bioeconomy: Towards a Knowledge Based Sustainable Innovation / M. Lainez [et al.] // *New Biotechnology*. 2017. Vol. 40, part A. Pp. 87–95. <https://doi.org/10.1016/j.nbt.2017.05.006>
22. Бобылев С. Н., Михайлова С. Ю., Кирюшин П. А. Биоэкономика: проблемы становления // *Экономика. Налоги. Право*. 2014. № 6. С. 20–25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioekonomika-problemy-stanovleniya.pdf> (дата обращения: 12.04.2024).
23. Фисунова Л. В., Вишневецкая А. В. Анализ возможностей утилизации и переработки сельскохозяйственных отходов // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. 2022. № 5 (97). С. 232–236. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vozmozhnostey-utilizatsii-i-pererabotki-selskohozyaystvennyh-othodov> (дата обращения: 12.04.2024).

24. Circular Economy Implementation in the Agricultural Sector: Definition, Strategies and Indicators / J. F. Velasco-Muñoz [et al.] // *Resources, Conservation and Recycling*. 2021. Vol. 170. Article no. 105618. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2021.105618>
25. Donner M., de Vries H. How to Innovate Business Models for a Circular Bio-Economy? // *Business Strategy and the Environment*. 2021. Vol. 30, issue 4. Pp. 1932–1947. <https://doi.org/10.1002/bse.2725>
26. Андреевко Т. И., Киселева С. В., Рафикова Ю. Ю. Отходы зерновых Краснодарского края как местный ресурс тепловой энергии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Экология и безопасность жизнедеятельности*. 2022. Т. 30, № 4. С. 511–523. <http://doi.org/10.22363/2313-2310-2022-30-4-511-523>
27. Zink T., Geyer R. Circular Economy Rebound // *Journal of Industrial Ecology*. 2017. Vol. 21, issue 3. Pp. 593–602. <https://doi.org/10.1111/jiec.12545>
28. Нго Хонг Нгиа, Зенитова Л. А., Ле Куанг Зиен. Комплексная переработка отходов рисового производства с одновременным получением диоксида кремния, лигнина и целлюлозы // *Проблемы региональной экологии*. 2019. № 2. С. 5–11. <http://doi.org/10.24411/1728-323X-2019-12005>

REFERENCES

1. Ghisellini P., Cialani C., Ulgiati S. A Review on Circular Economy: The Expected Transition to a Balanced Interplay of Environmental and Economic Systems. *Journal of Cleaner Production*. 2016;114:11–32. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.09.007>
2. Rybasova Yu.V., Cherednichenko O.A. Models of the Closed Cycle in the Agrarian Economic Sector: From the Theory to Practice. *Bulletin NGIEI*. 2016;(11):99–108. (In Russ.) Available at: https://vestnik.ngiei.ru/?page_id=1432 (accessed 12.04.2024).
3. Kuznetsova N.A. Circular Economy: Basic Elements and Opportunities. *High-tech Enterprises Economy*. 2023;4(2):121–132. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/evp.4.2.117359>
4. Selvan T., Panmei L., Murasing K.K., Guleria V., Ramesh K.R., Bhardwaj D.R., et al. Circular Economy in Agriculture: Unleashing the Potential of Integrated Organic Farming for Food Security and Sustainable Development. *Frontiers in Sustainable Food Systems*. 2023;7. <https://doi.org/10.3389/fsufs.2023.1170380>
5. Aznar-Sánchez J.A., Velasco-Muñoz J.F., García-Arca D., López-Felices B. Identification of Opportunities for Applying the Circular Economy to Intensive Agriculture in Almería (South-East Spain). *Agronomy*. 2020;10:1499. <https://doi.org/10.3390/agronomy10101499>
6. Agapkin A.M., Makhotina I.A. Agricultural Waste Processing: Organic Fertilizer Market and Organic Food Production. *Storage and Processing of Farm Products*. 2021;(3):212–225. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36107/spfp.2021.221>
7. Babla M., Katwal U., Yong M.T., Jahandari S., Rahme M., Chen Z.H., Tao Z. Value-Added Products as Soil Conditioners for Sustainable Agriculture. *Resources, Conservation and Recycling*. 2022;178:106079. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2021.106079>
8. Hsu E. Cost-Benefit Analysis for Recycling of Agricultural Wastes in Taiwan. *Waste Management*. 2021;120:424–432. <https://doi.org/10.1016/J.WASMAN.2020.09.051>
9. Makrak S. Smart-system Management of Material Resources in Conditions of Circular Agricultural Economy Development in the Republic of Belarus. *The Science and Innovations*. 2020;(7):73–78. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://innosfera.by/files/2020/8.pdf> (accessed 17.04.2024).
10. Silvius J., Hoogstra A.G., Candel J.J.L., et al. Determining the Transformative Potential of Circular Agriculture Initiatives. *Ambio*. 2023;52:1968–1980. <https://doi.org/10.1007/s13280-023-01894-5>
11. Chupina A.L., Mizintceva M.F., Chupina Zh.S. Building a Circular Economy: Social Economy Theory, its Potential and Challenges. *The Eurasian Scientific Journal*. 2023;15(6). (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://esj.today/PDF/63ECVN623.pdf> (accessed 12.02.2024).

12. Valeeva Yu.S., Galimova E.I., Garipova G.R. Implementation of the Principles and Mechanisms of the Circular Economy in the Agro-Industrial Complex. *Bulletin NGIEI*. 2023;(7):72–89. (In Russ.) Available at: http://vestnik.ngieci.ru/?page_id=2265 (accessed 12.04.2024).
13. Bukhtiyarova T.I., Baturina I.N., Kutenina I.A. Convergent Approach to the Formation of Regional Agricultural Ecosystem. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*. 2023;(3):33–45. <https://doi.org/10.17308/econ.2023.3/11378>
14. Dzhandarova L.K. Application of Circular Economy Business Models in Agriculture. *The Journal of Applied Research*. 2022;(12):57–61. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_12_57
15. Bekmurzaeva R.Kh., Dzhandarova L.Kh. The System of Indicators for Assessing the Effectiveness of Strategies of the Circular Economy in the Agricultural Sector. *Industrial Economics*. 2021;(5-3):277–281. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.47576/2712-7559_2021_5_3_277
16. Mochalova L.A., Sokolova O.G., Polezhaeva M.V., Grinenko D.A. Institutional Conditions for Solving Problems in the Field of Waste Management of Production and Consumption. *Upravlenie tekhnosferoy*. 2020;3(2):159–179. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34828/UdSU.2020.85.39.001>
17. Nikonets O.E. The Model of Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex. *Bulletin of NGIEI*. 2023;(6):116–128. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-ustoychivogo-razvitiya-apk> (accessed 17.08.2024).
18. Prodanova N.A., Savin A.A., Kosnikov S.N., Sorgutov I.V. Conceptual Approaches to the Development of the Agricultural Sector in Terms of the Closed-Cycle Economy. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2021;13(3):321–331. <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-3-321-331>
19. Makarenko E.N., Tyaglov S.G., Sheveleva A.V. Involvement in the Economic Circulation of Production Waste: Russian and European Experience. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):313–334. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.313-334>
20. Burg V., Rolli C., Schnorf V., Scharfy D., Anspach V., Bowman G. Agricultural Biogas Plants as a Hub to Foster Circular Economy and Bioenergy: An Assessment Using Substance and Energy Flow Analysis. *Resources, Conservation and Recycling*. 2023;190:106770. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2022.106770>
21. Lainez M., González J.M., Aguilar A., Carmen V. Spanish Strategy on Bioeconomy: Towards a Knowledge Based Sustainable Innovation. *New Biotechnology*. 2017;40(A):87–95. <https://doi.org/10.1016/j.nbt.2017.05.006>
22. Bobylev S.N., Mikhailova S.Yu., Kiryushin P.A. Bio-Economics: Challenges of Development. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 2014;(6):20–26. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bioekonomika-problemy-stanovleniya.pdf> (accessed 12.04.2024).
23. Fisunova L.V., Vishnevskaya A.V. Analysis of the Possibilities of Utilization and Processing of Agricultural Waste. *Izvestiya Orenburg State Agrarian University*. 2022;(5):232–236. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-vozmozhnostey-utilizatsii-i-pererabotki-selskohozyaystvennyh-othodov> (accessed 12.04.2024).
24. Velasco-Muñoz J.F., Mendoza J.M.F., Aznar-Sánchez J.A., Gallego-Schmid A. Circular Economy Implementation in the Agricultural Sector: Definition, Strategies and Indicators. *Resources, Conservation and Recycling*. 2021;170:105618. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2021.105618>
25. Donner M., de Vries H. How to Innovate Business Models for a Circular Bio-Economy? *Business Strategy and the Environment*. 2021;30(4):1932–1947. <https://doi.org/10.1002/bse.2725>
26. Andreenko T.I., Kiseleva S.V., Rafikova Yu.Yu. Cereals Waste in the Krasnodar Region as a Local Heat Energy Resource. *RUDN Journal of Ecology and Life Safety*. 2022;30(4):511–523. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.22363/2313-2310-2022-30-4-511-523>
27. Zink T., Geyer R. Circular Economy Rebound. *Journal of Industrial Ecology*. 2017;21(3):593–602. <https://doi.org/10.1111/jiec.12545>
28. Ngoc Hong Ngia, Zenitova L.A., Le Kuang Zien. Complex Processing of Rice Production Waste with Simultaneous Production of Silicon Dioxide, Lignin and Cellulose. *Problems of Regional Ecology*. 2019;(2):5–11. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.24411/1728-323X-2019-12005>

Об авторах:

Терешина Мария Валентиновна, доктор экономических наук, профессор кафедры государственной политики и публичного управления Кубанского государственного университета (350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8982-5831>, Researcher ID: U-2650-2019, Scopus ID: 57202647649, SPIN-код: 8105-7488, mwstepanova@mail.ru

Тяглов Сергей Гаврилович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики региона, отраслей и предприятий Ростовского государственного экономического университета (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 69), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8729-5117>, Researcher ID: AAA-9728-2021, Scopus ID: 57189035954, SPIN-код: 9777-9061, tyaglov-sg@rambler.ru

Атамась Евгения Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственной политики и публичного управления Кубанского государственного университета (350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5652-5530>, Researcher ID: V-1246-2017, Scopus ID: 57220836449, SPIN-код: 8966-7038, eatamas@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

М. В. Терешина – постановка проблемы исследования; анализ данных; подготовка текста статьи; формулирование результатов исследования и выводов.

С. Г. Тяглов – подготовка текста статьи; формулирование результатов исследования и выводов.

Е. В. Атамась – подготовка текста статьи; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 27.05.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 12.09.2024.

About the authors:

Maria V. Tereshina, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8982-5831>, Researcher ID: U-2650-2019, Scopus ID: 57202647649, SPIN-code: 8105-7488, mwstepanova@mail.ru

Sergey G. Tyaglov, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Chair of Regional Economy, Industries and Enterprises, Rostov State University of Economics (69 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8729-5117>, Researcher ID: AAA-9728-2021, Scopus ID: 57189035954, SPIN-code: 9777-9061, tyaglov-sg@rambler.ru

Evgeniya V. Atamas, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5652-5530>, Researcher ID: V-1246-2017, Scopus ID: 57220836449, SPIN-code: 8966-7038, eatamas@bk.ru

Contribution of the authors:

M. V. Tereshina – statement of the research problem; data analysis; preparation of the text of the article; formulation of research results and conclusions.

S. G. Tyaglov – preparation of the text of the article; formulation of research results and conclusions.

E. V. Atamas – preparation of the text of the article; formulation of conclusions; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 27.05.2024; revised 18.07.2024; accepted 12.09.2024.

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ /
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT**

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.653-672>EDN: <https://elibrary.ru/btbayb>

УДК / UDC 342.5:316.472.4

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

**Коммуникация органов местного самоуправления
и населения в социальных медиа:
регионы Уральского федерального округа**

Г. А. Савчук

Г. А. Банных

С. В. Кульпин ✉

Р. М. Курашов

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)*✉ s.v.kulpin@urfu.ru*Аннотация*

Введение. Актуальность темы определяется необходимостью практического решения проблемы оценки коммуникации органов местного самоуправления с населением в социальных медиа. Отсутствие эффективной методики такой оценки и ее результатов повышает значимость данной работы. Цель исследования – проанализировать успешность коммуникации исполнительных органов местного самоуправления муниципальных образований регионов Уральского федерального округа с населением на официальных страницах в социальной сети «ВКонтакте» и предложить индекс, определяющий эту успешность.

Материалы и методы. Проанализирована база официальных аккаунтов администраций муниципальных, городских округов и муниципальных районов (n = 203) и глав соответствующих муниципальных образований (n = 198) регионов Уральского федерального округа в социальной сети «ВКонтакте». Сбор данных осуществлялся с помощью парсингового инструмента «Церебро 3.0»; при анализе данных рассчитывались как стандартные для анализа социальных сетей показатели, так и предложенные авторами. Для обобщения данных использовался индексный метод. Такой подход позволил систематизировать разнородную информацию и агрегировать ее для сравнения объектов анализа.

Результаты исследования. Разработана и апробирована на материалах регионов Уральского федерального округа методика расчета индекса успешности коммуникации органов местного самоуправления с населением в социальной сети «ВКонтакте». Определено, что более высокая публикационная активность не приводит к однозначно более успешным результатам коммуникационной деятельности. Выявлено, что в большинстве случаев наиболее успешную коммуникацию выстраивают муниципалитеты с небольшой численностью населения. Отмечено, что, по сравнению с аккаунтами администраций муниципальных образований, вовлеченность подписчиков выше у аккаунтов глав муниципалитетов.

Обсуждение и заключение. Предложенная авторская методика оценки успешности коммуникаций органов местного самоуправления помогает выявлять наиболее успешные практики, дифференцировать муниципалитеты и регионы, позволяет перейти от оценки информационной

© Савчук Г. А., Банных Г. А., Кульпин С. В., Курашов Р. М., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

открытости к анализу содержания публикуемого контента. Результаты исследования будут полезны государственным и муниципальным служащим, вовлеченным в вопросы коммуникации с населением.

Ключевые слова: открытость органов власти, коммуникация органов власти с населением, успешность коммуникации, паблики органов власти в социальных сетях, индекс коммуникационной успешности

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01153 (<https://rscf.ru/project/24-28-01153/>).

Для цитирования: Коммуникация органов местного самоуправления и населения в социальных медиа: регионы Уральского федерального округа / Г. А. Савчук [и др.] // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 4. С. 653–672. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.653-672>

Communication of Local Governments and the Population in Social Media: Regions of the Ural Federal District

G. A. Savchuk, G. A. Bannykh, S. V. Kulpin ✉, R. M. Kurashov
Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russian Federation)
✉ s.v.kulpin@urfu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the topic is determined by the need for a practical solution to the problem of communication assessment of local government bodies with the population in social media. The lack of an effective methodology for such an assessment and its results increases the importance of this work. The purpose of the article is to analyse the success of communication of the executive authorities of the municipal entities of the Ural Federal District with the population on the official pages of the social network “VKontakte” and to offer the success index.

Materials and Methods. The authors used the database of official accounts of municipal, municipal district and municipal area administrations (n = 203) and heads of corresponding municipalities (n = 198) of the regions of the Urals Federal District in the social network “VKontakte”. The data were collected using the parsing tool Cerebro 3.0; the data were analyzed using both standard indicators of social network analysis and those proposed by the authors. The index method was used to summarize the data. This approach made it possible to systematize and aggregate heterogeneous information in order to compare the objects of analysis.

Results. The authors have developed and tested on the materials of the regions of the Urals Federal District a methodology for calculating the index of success of communication between local governments and the population in the social network “VKontakte”. It has also been demonstrated that higher publication activity does not unequivocally lead to more successful communication outcomes. It is revealed that in most cases, municipalities with small populations are the most successful communicators. It is noted that subscriber engagement is higher in the accounts of heads of municipalities compared to the accounts of municipal administrations.

Discussion and Conclusion. The authors’ proposed methodology for assessing the success of local government communications helps to identify the most successful practices, differentiate municipalities and regions. The index allows to go from evaluation of information openness to analysis of content published and recommendations on how to what content is needed to be more successful in communicating with the public. The results of the study will be useful for state and municipal employees involved in communication with the public.

Keywords: government openness, communication of authorities with the population, success of communication, public communities in social media, index of communication success

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01153 (<https://rscf.ru/project/24-28-01153/>).

For citation: Savchuk G.A., Bannykh G.A., Kulpin S.V., Kurashov R.M. Communication of Local Governments and the Population in Social Media: Regions of the Ural Federal District. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):653–672. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.653-672>

Введение. В документах стратегического развития России и ее субъектов¹ подход к организации коммуникации органов государственной власти и местного самоуправления с населением основывается на необходимости открытости и прозрачности деятельности власти. Развитие цифровой среды создает для этого оптимальные условия через симметричную, диалоговую коммуникацию населения и представителей власти.

Федеральный закон № 270 от 14 апреля 2022 г., вступивший в силу 1 декабря 2022 г.², кардинальным образом изменил содержание и функционал взаимодействия органов публичной власти и населения. Закон определяет порядок ведения официальных страниц и работу органов власти в социальных сетях, общения с гражданами. Согласно ему, все органы власти и подведомственные им учреждения обязаны иметь официальные страницы в социальных сетях.

Выбор ролей для современного гражданина расширился от пассивного потребителя технологий и государственных услуг до активного участника, предлагающего собственные идеи [1–3]. Вовлечение – это новая форма демократизации, позволяющая гражданам участвовать в процессе принятия решений относительно развития территории и сообществ, которые составляют их жизненную среду.

Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации совместно с АНО «Диалог» разработана методика оценки коммуникации органов власти с населением в социальных сетях³. Она применяется для составления рейтингов регионов России, федеральных органов исполнительной власти, которые публикуются открыто. Данные по муниципальным образованиям и деятельности органов местного самоуправления (далее – ОМСУ) отсутствуют в открытом доступе и предоставляются главам регионов по запросу. В этой методике объединены показатели, характеризующие активность отправителя сообщения (количество публикаций, регулярность публикаций и т. п.), и показатели, характеризующие его получателей (просмотры, реакции на просмотры и т. п.). Подобный подход приводит к тому, что более высокую оценку могут получать те госпаблики, в которых ведется активная деятельность без достижения существенного отклика со стороны аудитории.

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс] : указ Президента Рос. Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102431687> ; О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] : указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> ; Стратегии и программы цифровой трансформации, принятые в каждом субъекте Федерации и пр.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : федер. закон от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140024> (дата обращения: 17.09.2024).

³ Рейтинги // Диалог : сайт. URL: <https://dialog.info/ratings/> (дата обращения: 17.09.2024).

В статье нами предлагается авторская методика, разработанная для анализа коммуникационной деятельности ОМСУ в социальных сетях и основанная на учете только тех показателей, которые характеризуют успешность коммуникации. Для проведения исследования были выбраны муниципалитеты Уральского федерального округа (далее – УФО). С одной стороны, регионы, входящие в этот округ, географически близко расположены, обладают сходными социокультурными характеристиками, у них есть общие темы в информационной повестке, с другой – данные регионы различаются по социально-экономическому развитию, по ведущим отраслям народного хозяйства. Следовательно, анализ коммуникаций ОМСУ данного федерального округа в социальных сетях может дать понимание общего и особенного в развитии цифровой коммуникации российских регионов.

Выявленная научная проблема – отсутствие эффективной методики и результатов оценки коммуникации ОМСУ с населением в социальных медиа в условиях перехода государства к цифровой открытости и цифровой трансформации регионов России.

Цель исследования – проанализировать успешность коммуникации исполнительных ОМСУ муниципальных образований регионов Уральского федерального округа с населением на официальных страницах в социальной сети «ВКонтакте» и предложить индекс, определяющий эту успешность.

Были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

- 1) в УФО существуют региональные различия в интенсификации публикационной активности в официальных аккаунтах администраций муниципальных образований с момента вступления в силу Федерального закона № 270-ФЗ;
- 2) вовлеченность подписчиков выше у аккаунтов глав муниципалитетов по сравнению с аккаунтами администраций муниципальных образований;
- 3) наиболее успешную коммуникацию выстраивают муниципалитеты с небольшой численностью населения.

Обзор литературы. Немецкий социолог Ю. Хабермас подчеркивал, что для развития демократии важен переход к коммуникативному действию в сфере публичного управления. Такое действие подразумевает достижение взаимопонимания между акторами публичной сферы через рациональное обсуждение своих позиций⁴. В контексте этой теории развитие цифровых технологий создает принципиально новую среду для коммуникации, когда ее канал позволяет не только одновременно доносить информацию до большого числа участников, но и дает возможность каждому из них включиться в обсуждение и высказать свое мнение. Такая коммуникация, с одной стороны, способствует возможности реализации коммуникативного действия, с другой – вызывает сомнения в однозначной пользе социальных медиа для публичной сферы⁵.

Профессор Дж. Кин, автор концепции мониторинговой демократии, определяет мониторинг как «публичный контроль» и «публичную проверку» тех, кто принимает решения⁶. Кин делает акцент на важности общественных институтов в принятии решений государственными органами власти.

⁴ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М. : Academia, 1995. 252 с.

⁵ Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 104 с.

⁶ Keane J. The Life and Death of Democracy. London : Simon and Schuster, 2009. 958 p.

Информационная открытость, присутствие и диалог в цифровом пространстве для органов публичного управления сегодня – насущная необходимость, а исследователи стремятся обосновать эту трансформацию цифровой коммуникации [4; 5]. Идеи цифровой трансформации в публичном управлении лежат в русле концепции партисипативного управления, предполагающей совместные коллективные действия, основанные на доверии, и копродуктивность ОМСУ и местных сообществ [2]. Отдельные исследования заставили задуматься о вопросе вовлечения граждан в практики «соучастного управления», их эффективности и о реальном влиянии на принятие общественно значимых решений [6; 7].

Основная масса публичных коммуникаций сегодня – в интернете, в частности в социальных медиа [8; 9]. Идею о том, что социальные сети «расширяют» демократию, представляет Дж. Фриман⁷. Согласимся с тем, что использование социальных сетей в управлении территориями органами местного самоуправления действительно означает инновации в коммуникациях с населением, в том числе и в двусторонней коммуникации, и в участии граждан в управлении.

Органы власти и подведомственные им структуры также используют социальные сети для различных коммуникативных целей [10; 11], однако публичная коммуникация от лица власти – сложноорганизованная деятельность, требующая выполнения определенных технических условий и наличия определенных навыков. В противном случае коммуникация власти может превратиться в «бесцельный хаос», не приводящий к каким-либо результатам [12].

Анализ использования социальных сетей в коммуникации властей в странах Европейского союза показывает отсутствие реального взаимодействия с гражданами для обсуждения и решения действительно значимых и актуальных проблем, соцсети используются как обыденный механизм информирования [13].

Отечественные исследователи также изучают эффективность и успешность коммуникации власти с населением в социальных сетях как в целом [14; 15], так и на конкретных примерах [16–18], а также информационную политику и вовлеченность населения в такую коммуникацию [19]. Результаты исследований чаще всего свидетельствуют о выполнении органами власти цифровой коммуникации как «работы» с низкими результатами в отношении интерактивности и вовлеченности граждан.

Дополняя приведенные исследования, настоящая работа фокусирует внимание на интегральной оценке успешности коммуникации ОМСУ в социальных сетях.

Материалы и методы. Среди органов местного самоуправления были выбраны администрации муниципальных и городских округов и муниципальных районов потому, что, во-первых, городские округа и муниципальные районы составляют второй уровень в системе организации местного самоуправления в России, во-вторых, именно исполнительные органы местного самоуправления являются теми органами публичной власти, которые осуществляют максимальное взаимодействие с населением в процессе решения вопросов местного значения. За пределами анализа остались городские и сельские поселения.

⁷ Freeman J. Digital Civic Participation in Australian Local Governments: Everyday Practices and Opportunities for Engagement // *Social Media and Local Governments* / ed. by M. Sobaci. Springer Cham, 2016. Vol. 15. Pp. 195–218. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17722-9_11

Методом сплошной выборки были отобраны официальные аккаунты администраций муниципальных, городских округов и муниципальных районов Уральского федерального округа. Всего выборочную совокупность составили 203 аккаунта (табл. 1).

Таблица 1. Структура муниципальных образований регионов Уральского федерального округа⁸

Table 1. Structure of municipal entities of the Urals Federal District

Регион / Region	Муниципальное образование / Municipalities				
	Всего / Total	Городской округ / Urban districts	Муниципальный округ / Municipal counties	Муниципальный район / Municipal districts	Городское и сельское поселения / Urban and rural settlements
Курганская область / Kurgan Region	26	2	24	–	–
Свердловская область / Sverdlovsk Region	94	68	–	5	21
Тюменская область / Tyumen Region	302	6	–	20	276
Ханты-Мансийский автономный округ / Khanty-Mansi Autonomous Area	105	13	–	9	83
Челябинская область / Chelyabinsk Region	316	16	1	26	273
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area	13	7	–	6	–

Для исследования была выбрана социальная сеть «ВКонтакте», так как она имеет значительно больший ежемесячный охват населения России старше 12 лет, чем «Одноклассники» (74 % против 42 %, март – май 2024 г.)⁹. Также в ней доступен сбор данных с помощью парсинговых инструментов, таких как «Церебро 3.0», TargetHunter и других аналогичных решений.

Период анализа коммуникации связан с вступлением в действие Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 270-ФЗ и составляет один год – с 1 декабря 2022 г. по 1 декабря 2023 г. Данные за год позволяют сгладить сезонные колебания. С целью проверки гипотезы об интенсификации публикационной активности был дополнительно выбран полугодичный предпериод с 1 июня 2022 г., данные за который были использованы только для анализа динамики публикационной активности.

⁸ Таблица составлена авторами статьи согласно данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2024 г.

⁹ Как устроена аудитория социальных медиа [Электронный ресурс] // Mediascope : сайт. 2024. 5 июля. URL: <https://mediascope.net/news/2544317/> (дата обращения: 15.05.2024).

С помощью доступных метрик были проанализированы основные характеристики самих пабликов и их подписчиков. Число подписчиков фиксировалось на июнь 2024 г., так как этот показатель нельзя зафиксировать ретроспективно. Затем с помощью функционала парсера «Церебро» базы подписчиков были актуализированы – из списков были удалены пользователи без аватарок и заблокированные. Это стандартный функционал парсера для валидации списка подписчиков. По мнению разработчиков «Церебро»¹⁰, указанный фильтр помогает более объективно оценить количество подписчиков и снизить влияние ботов на расчетные показатели.

На основании данных о реакциях и просмотрах стандартным для анализа социальных сетей способом были рассчитаны показатели вовлеченности по просмотрам поста (ERR) и вовлеченности по подписчикам (ER). Вовлеченность по просмотрам поста рассчитывалась как отношение любых реакций пользователей к числу просмотров поста, вовлеченность по подписчикам – как отношение любых реакций пользователей к числу подписчиков аккаунта.

Для проверки гипотезы о том, что коммуникация от лица значимой персоны способствует большей вовлеченности подписчиков, были вручную отобраны 198 аккаунтов глав соответствующих муниципальных образований (5 аккаунтов не были доступны для анализа, так как на момент исследования были удалены или не создавались).

Успешность коммуникации в социальных медиа понималась в классическом для изучения массовой коммуникации ключе: способность сформировать заинтересованную целевую аудиторию, донести до нее информацию и получить обратную связь.

Результаты исследования. Данные для исследования были собраны по муниципалитетам; для анализа региональных различий они были агрегированы и рассчитывались как средняя для данного региона. В таблице 2 приведены показатели коммуникации органов местного самоуправления в региональном разрезе.

Прирост публикационной активности, как и предполагалось, произошел во всех регионах УФО, но был различен по субъектам. Лидером по приросту стала Тюменская область. В основном прирост связан только с увеличением частоты публикаций, в Свердловской области – еще и с появлением новых аккаунтов. По частоте публикаций в лидерах оказались Ханты-Мансийский автономный округ и Тюменская область.

Вместе с тем рост публикационной активности не всегда приводит к большему числу подписчиков. Среднее число подписчиков на муниципалитет, как и доля подписчиков от населения, больше у Ямало-Ненецкого автономного округа.

Число подписчиков аккаунтов крупных городов может быть больше в связи с большей численностью населения. Поэтому была рассчитана доля подписчиков относительно населения территории. Данный показатель позволяет оценить уровень пенетрации канала коммуникации, т. е. дает понимание того, какая доля населения заинтересована в получении информации от органов местного самоуправления.

¹⁰ Церебро Таргет : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90aha1bhc1b.xn--plai/> (дата обращения: 17.09.2024).

Т а б л и ц а 2. Основные показатели коммуникации администраций муниципальных образований регионов Уральского федерального округа с населением в социальной сети «ВКонтакте», 1 декабря 2022 г. – 1 декабря 2023 г.¹¹

Table 2. Main indicators of communication among the administrations of municipalities of the constituent entities of the Ural Federal District with the population in the social network “VKontakte”, 01 December 2022 – 01 December 2023

Показатель / Indicator	Курганская область / Kurgan Region	Свердловская область / Sverdlovsk Region	Тюменская область / Tyumen Region	Ханты- Мансийский автономный округ / Khanty-Mansi Autonomous Area	Челябинская область / Chelyabinsk Region	Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area
Прирост публикационной активности с учетом полугодичного предпериода, % / Increase in publication activity taking into account the six-month pre-period, %	4,9	12,6	53,4	13,2	20,5	14,6
Среднее число постов в день, абсолютное число / Average number of posts per day, absolute number	3,94	2,60	5,87	6,28	4,09	4,19
Среднее число подписчиков на муниципалитет, абсолютное число / Average number of subscribers per municipality, absolute number	4 193	3 138	5 007	7 875	6 646	10 600
Доля подписчиков от населения муниципалитета, % / Share of subscribers from the municipality population, %	12,93	8,85	15,79	13,98	11,46	30,72
Доля медианных просмотров поста к количеству подписчиков, % / Share of median post views to the number of subscribers, %	31,18	37,29	22,48	19,39	23,10	38,98
Вовлеченность по подписчикам, % / Engagement by subscribers, %	0,70	0,89	0,53	0,44	0,47	1,06
Вовлеченность по просмотрам поста, % / Engagement by post views, %	2,21	2,28	2,26	2,12	1,97	2,60

Донесение информации до целевой аудитории мы оценивали через количество просмотров сообщений по отношению к числу подписчиков. Для агрегирования информации была выбрана медиана, чтобы нивелировать аномальные всплески просмотров сообщения. Показатель медианных просмотров поста по отношению к числу подписчиков наиболее высокий в Ямало-Ненецком автономном округе и Свердловской области, наименее – в Ханты-Мансийском автономном округе и Тюменской области.

Важный показатель реакции целевой аудитории на сообщение – это вовлеченность пользователей. Средняя вовлеченность по отношению к подписчикам (ER) не превышает 0,69 % по всему массиву. Можно отметить, что вовлеченность по отношению к числу подписчиков выше средней по УФО

¹¹ Здесь и далее в статье таблицы составлены авторами по материалам проведенного исследования.

в Ямало-Ненецком автономном округе и Свердловской области, а ниже средней – в Ханты-Мансийском автономном округе, Челябинской и Тюменской областях. Вовлеченность по просмотрам поста (ERR) в среднем по массиву составляет 2,21 % к медианным просмотрам поста. Лидерство Ямало-Ненецкого автономного округа и Свердловской области по вовлеченности сохраняется, наиболее низкая она в Ханты-Мансийском автономном округе и Челябинской области.

В таблице 3 приведены агрегированные по регионам данные по персональным аккаунтам глав муниципальных образований, которые также рассчитывались как средний показатель для региона. В большинстве случаев подписавшаяся аудитория аккаунтов меньше (исключение составляет Свердловская область), чем у администраций муниципальных образований, но ее вовлеченность заметно больше.

Т а б л и ц а 3. Основные показатели коммуникации глав муниципальных образований регионов Уральского федерального округа (персональные аккаунты) с населением в социальной сети «ВКонтакте»

Table 3. Main indicators of communication between the heads of municipalities of the constituent entities of the Ural Federal District (personal accounts) with the population in the social network “VKontakte”

Регион / Region	Среднее число подписчиков, абсолютное число / Average number of subscribers, absolute number	Доля подписчиков от населения муниципалитета, % / Share of subscribers from the municipality population, %	Вовлеченность по подписчикам, % / Engagement by subscribers, %
Курганская область / Kurgan Region	745	4,33	3,90
Свердловская область / Sverdlovsk Region	4 319	15,36	2,18
Тюменская область / Tyumen Region	2 418	9,56	2,94
Ханты-Мансийский автономный округ / Khanty-Mansi Autonomous Area	6 107	11,90	2,06
Челябинская область / Chelyabinsk Region	2 738	7,66	4,13
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area	6 533	22,61	3,72

Для проверки гипотезы о влиянии размера города на вовлеченность подписчиков в коммуникацию, на основании классификации Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ, аккаунты были разделены на четыре группы в зависимости от числа жителей. Показатель по группе рассчитывался как средняя по муниципалитетам, вошедшим в эту группу. Данные представлены в таблице 4 и демонстрируют, что публикационная активность в аккаунтах областных и крупных городов по показателю «среднее число постов в день» выше, чем в средних и малых. Также чем больше число жителей в муниципальных образованиях, тем больше подписчиков в их аккаунтах. Однако при расчете показателя «доля подписчиков от населения»

ситуация меняется, самое большое значение этого показателя у малых городов. Следовательно, данный показатель лучше оценивает успешность по формированию целевой аудитории аккаунта, позволяя сравнивать аккаунты разных по численности городов.

Также из таблицы 4 очевидно, что по донесению информации относительно числа подписчиков лидируют малые города, так как доля медианных просмотров поста к количеству подписчиков у этих аккаунтов выше, и у них более высокие показатели по вовлеченности. Однако если сравнить с таблицей 2, то показатели медианных просмотров поста и вовлеченности в региональном разрезе все равно будут выше по Ямало-Ненецкому автономному округу и Свердловской области, поэтому нельзя сделать однозначный вывод, что вовлеченность в большей степени связана с размером муниципального образования, чем с принадлежностью к региону УФО.

Т а б л и ц а 4. Основные показатели коммуникации администраций муниципальных образований регионов Уральского федерального округа с населением в социальной сети «ВКонтакте» в разрезе типа муниципального образования по числу жителей

Table 4. Main indicators of communication between the administrations of municipalities of the constituent entities of the Ural Federal District with the population in the social network "VKontakte" by type of municipality by number of residents

Показатель / Indicator	Областные города (6)* / Regional cities (6)	Крупные и большие города (16) / Large cities (16)	Средние города (25) / Medium-sized cities (25)	Малые города (156) / Small towns (156)
Среднее число постов в день, абсолютное число / Average number of posts per day, absolute number	6,09	7,73	4,11	3,52
Среднее число подписчиков на муниципалитет, абсолютное число / Average number of subscribers per municipality, absolute number	21 624	17 608	6 548	3 140
Доля подписчиков от населения муниципалитета, % / Share of subscribers from the municipality population, %	11,84	10,03	10,15	13,15
Доля медианных просмотров поста к количеству подписчиков, % / Share of median post views to the number of subscribers, %	11,75	14,12	23,52	33,07
Вовлеченность по подписчикам, % / Engagement by subscribers, %	0,24	0,27	0,49	0,78
Вовлеченность по просмотрам поста, % / Engagement by post views, %	2,01	1,94	1,98	2,29

* В скобках указано количество населенных пунктов в массиве данных / The number of settlements in the data array is indicated in brackets.

Для дальнейшего анализа коммуникации администраций муниципальных образований в региональном разрезе необходимо предложить суммарный показатель (индекс), который объединит отдельные показатели и позволит сделать вывод об успешности коммуникации каждого муниципального образования относительно других.

Учитывая полученные на первом этапе данные, было решено не использовать при составлении индекса показатели публикационной активности, так как интенсивность публикаций еще не приводит к формированию заинтересованной целевой аудитории и ее вовлеченности в коммуникацию. В индекс включались только показатели, описывающие сформированную целевую аудиторию аккаунта, донесение до нее информации, а также реакции пользователей. Кроме того, были добавлены два показателя, характеризующие возможность оставить в нем все виды обратной связи (комментарий к посту и личное сообщение в диалог сообщества; эти опции могут быть закрыты от пользователей администраторами сообществ). Первоначально было предложено объединить в индекс 10 показателей (табл. 5).

Т а б л и ц а 5. Индекс успешности коммуникации администраций муниципалитетов с населением в социальной сети «ВКонтакте»

Table 5. Index of communication success between municipal administrations and the population in the social network “VKontakte”

Показатель / Indicator	Описание показателя / Description of the indicator	Составляющая успешности / Component of success	Вхождение в финальный вариант индекса / Inclusion in the final version of the index
1	2	3	4
П1	Доля подписчиков от населения, % / Share of subscribers from the population, %	Сформированная аудитория / Formed audience	+
П2	Доля подписчиков, которые, кроме аккаунта муниципального образования, подписаны и на аккаунт его главы, % / Share of subscribers who, in addition to the municipality account, are also subscribed to the account of its head, %	Заинтересованность аудитории / Audience interest	+
П3	Доля медианных просмотров по отношению к подписчикам, % / Share of median views in relation to subscribers, %	Донесение информации / Information delivery	+
П4	Вовлеченность по отношению к числу подписчиков, % / Engagement in relation to the number of subscribers, %	Обратная связь / Feedback	–
П5	Вовлеченность по отношению к числу медианных просмотров, % / Engagement in relation to the number of median views, %	Обратная связь / Feedback	–

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3	4
П6	Возможность оставить комментарий в аккаунте / Ability to leave a comment on the account	Условие возможности обратной связи / Condition for the possibility of feedback	+
П7	Возможность написать личное сообщение в диалог сообщества / Ability to write a personal message in the community dialogue	Условие возможности обратной связи / Condition for the possibility of feedback	+
П8	Доля постов с вовлеченностью по просмотрам выше среднего по региону, % / Share of posts with engagement in views above the regional average, %	Обратная связь / Feedback	+
П9	Доля валидных подписчиков (после исключения заблокированных и без аватарки), % / Share of valid subscribers (after excluding blocked and without an "avatar"), %	Качество сформированной аудитории / Quality of the formed audience	+
П10	Доля подписчиков, которые посещали социальную сеть за последний месяц хотя бы один раз, % / Share of subscribers who visited the social network at least once in the last month, %	Качество сформированной аудитории / Quality of the formed audience	+

При расчете дополнительных показателей использовалась возможность парсера выгрузить выбранные данные по подписчикам. Чтобы пользоваться этой возможностью анализа, данные по подписчикам аккаунта сообщества должны быть открыты. В нашем массиве они были открыты у 188 аккаунтов, а у 15 – закрыты. Соответственно, в отношении 15 аккаунтов некоторые показатели были рассчитаны на основе среднего.

Далее, так как показатели имели разные единицы измерения и большие различия в достигнутых значениях, они были нормированы, т. е. определено их место на шкале, на которой за 1 было принято минимальное значение показателя по массиву, а за 100 – максимальное. Для показателей П6 и П7 при нормировании отсутствие признака обозначалось как 1, а наличие – 100, для того чтобы значение этого показателя в итоговом индексе было таким же, как у других.

Значение индекса для муниципалитета определялось как отношение суммы нормированных показателей к числу этих показателей:

$$\text{Индекс успешной коммуникации} = \frac{\sum P_i}{i},$$

где i – число показателей, входящих в индекс; P_i – нормированные показатели.

Следовательно, чем больше значение индекса, тем более успешную коммуникацию ведет администрация муниципалитета с населением в социальной сети «ВКонтакте».

Затем на полученном массиве данных был проведен анализ корреляционных связей между значением отдельных показателей, чтобы исключить двойное

влияние на индекс показателей, тесно связанных между собой. В связи с этим показатели П4 и П5 были убраны из финального варианта индекса, так как в меньшей степени характеризуют успешность коммуникации, чем П3 и П8, с которыми тесно коррелируют.

Далее был рассчитан финальный вариант индекса с 8 показателями¹². Минимальное возможное значение индекса составляет 0,01 – такой уровень возможен в условиях, когда муниципалитет занимает самые последние места по каждому отдельно взятому показателю. Максимальное возможное значение индекса составляет 1 – такой уровень, наоборот, достижим в условиях, когда муниципалитет занимает первые позиции по каждому отдельно взятому показателю. В проанализированном массиве минимальное значение индекса составило 0,1483, максимальное – 0,5119. Получается, что значительные различия в коммуникациях администраций муниципалитетов с населением в социальной сети «ВКонтакте» подтверждаются.

В топ-10 вошли 7 муниципальных образований Свердловской области: Гаринский городской округ (0,512), городской округ Верх-Нейвинский (0,505), Горноуральский городской округ (0,460), городской округ Староуткинск (0,438), муниципальное образование «поселок Уральский» (0,434), городской округ ЗАТО Свободный (0,425), Байкаловский муниципальный район (0,417); 1 из Ямало-Ненецкого автономного округа: г. Губкинский (0,445); 1 из Тюменской области: Сладковский муниципальный район (0,424); 1 из Ханты-Мансийского автономного округа: Октябрьский район (0,418). Все они относятся к малым городам.

Для анализа коммуникационной успешности все 203 муниципалитета были разделены на кварталы (25 %) в зависимости от значения индекса. Такой подход позволяет установить положение каждого из муниципалитетов относительно самого успешного и наименее успешного. Попадание в 25 % лучших – это относительная позиция, демонстрирующая, что данные муниципалитеты более успешны в коммуникации, чем другие на этом этапе. Однако даже у самого лучшего муниципалитета есть потенциал для роста до тех пор, пока индекс не будет равен 1.

В таблице 6 приведены агрегированные значения индекса по регионам и по типам муниципальных образований. Они рассчитывались как средние значения для группы. Среди регионов лидируют Ямало-Ненецкий автономный округ и Свердловская область, среди различных по численности населения муниципальных образований – малые города, за исключением Курганской и Челябинской областей.

Из таблицы видно, что значения, которые принимает индекс, различаются практически в 3,5 раза: минимальное значение индекса составило 0,1483 (г. Нижневартовск), максимальное – 0,5119 (Гаринский городской округ). Следовательно, данный индекс хорошо позволяет дифференцировать объекты анализа и выделять наиболее успешные практики.

¹² Результаты по всем 203 аккаунтам муниципальных образований можно посмотреть здесь: Индекс коммуникационной успешности [Электронный ресурс] // Yandex DataLens. URL: <https://datalens.yandex/3xvalwljtrpq> (дата обращения: 17.09.2024).

Т а б л и ц а 6. Сравнение индекса успешности коммуникации администраций муниципалитетов с населением в социальной сети «ВКонтакте» в региональном разрезе и в разрезе типа муниципального образования по числу жителей

Table 6. Comparison of the communication success index between municipal administrations and the population in the social network “VKontakte” in the regional context and in the context of the type of municipality by number of residents

Регион / тип муниципального образования / Region / type of municipality	Значение индекса / Index value	Ранг / Rank
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamal-Nenets Autonomous Area	0,343	1
Малые города / Small towns	0,372	–
Областной город / Regional city	0,340	–
Средние города / Medium-sized cities	0,328	–
Крупные и большие города / Large cities	0,245	–
Свердловская область / Sverdlovsk Region	0,334	2
Малые города / Small towns	0,340	–
Средние города / Medium-sized cities	0,335	–
Областной город / Regional city	0,310	–
Крупные и большие города / Large cities	0,250	–
Челябинская область / Chelyabinsk Region	0,305	3
Малые города / Small towns	0,308	–
Крупные и большие города / Large cities	0,308	–
Средние города / Medium-sized cities	0,295	–
Областной город / Regional city	0,286	–
Ханты-Мансийский автономный окрг / Khanty-Mansi Autonomous Area	0,296	4
Малые города / Small towns	0,320	–
Средние города / Medium-sized cities	0,277	–
Областной город / Regional city	0,248	–
Крупные и большие города / Large cities	0,235	–
Курганская область / Kurgan Region	0,288	5
Средние города / Medium-sized cities	0,304	–
Малые города / Small towns	0,290	–
Областной город / Regional city	0,214	–
Крупные и большие города / Large cities	–	–
Тюменская область / Tyumen Region	0,285	6
Малые города / Small towns	0,293	–
Средние города / Medium-sized cities	0,266	–
Крупные и большие города / Large cities	0,257	–
Областной город / Regional city	0,174	–
По всем регионам / All regions	0,312	
Малые города / Small towns	0,320	1
Средние города / Medium-sized cities	0,311	2
Областной город / Regional city	0,262	3
Крупные и большие города / Large cities	0,261	4

Обсуждение и заключение. В отношении проверки первой гипотезы можно сделать вывод о том, что после вступления в силу Федерального закона № 270-ФЗ во всех регионах УФО увеличилась публикационная активность в социальной сети «ВКонтакте». Однако ее прирост в регионах различается: минимальное и максимальное значение отличаются друг от друга более чем в 10 раз. Частота постинга также существенно различается, минимальное и максимальное значения отличаются более чем в 2,5 раза. Гипотеза подтвердилась.

В то же время высокая публикационная активность еще не приводит к более успешным результатам коммуникационной деятельности. Получается, что в настоящий момент созданы условия для ведения открытой и вовлекающей коммуникации муниципалитетов с населением в социальных сетях, как и в описанных выше исследованиях в Великобритании и США, но пока нет устойчивых результатов, доказывающих ее эффективность.

Сравнение наших данных с результатами, полученными ранее [20], доказывает, что пока нет устоявшихся практик в работе муниципалитетов в социальных медиа, сильны региональные различия. Поэтому мониторинг этой деятельности с целью выявления качественных изменений в работе такого важного канала коммуникации необходим.

Вторая гипотеза также подтвердилась: вовлеченность в коммуникацию подписчиков заметно выше у глав муниципальных образований. Возможно, коммуникация с конкретным человеком более понятна и потому больше привлекает, чем коммуникация в обезличенном сообществе. Можно предположить, что коммуникационная успешность администраций муниципалитетов в социальной сети «ВКонтакте» повысится, если она будет исходить от конкретных людей, представляющих эту администрацию.

Изучение медиактивности губернаторов за последнее десятилетие [16] показывает, что коммуникация глав регионов с населением в социальных медиа оценивается неоднозначно. Возможно, детальное изучение коммуникации глав муниципальных образований добавит глубины в понимание феномена эффективности коммуникации власти в социальных сетях «от первого лица».

Третья гипотеза была подтверждена частично: в целом просматривается тенденция, что более успешную коммуникацию в социальной сети «ВКонтакте» ведут малые по численности города УФО. Это характерно для большинства регионов, за исключением Курганской и Челябинской областей. В Курганской области на первом месте средние по численности города, а в Челябинской области значение индекса успешности коммуникации муниципалитетов малых городов равно значению индекса муниципалитетов крупных и больших городов.

Предложенный индекс хорошо зарекомендовал себя при анализе. С его помощью можно сравнивать между собой разные аккаунты ОМСУ и определять, какие из них ведут наиболее успешную коммуникацию.

Важным мы считаем расчет и использование таких показателей, как доля подписчиков от населения (позволяет сравнивать успешность работы аккаунтов разных по численности городов), доля подписчиков, которые, кроме аккаунта муниципального образования, подписаны и на аккаунт его главы (позволяет выделить наиболее заинтересованную аудиторию), доля медианных просмотров

по отношению к подписчикам (характеризует типовую ситуацию по получению информации подписчиками), доля постов с вовлеченностью по просмотрам выше среднего по региону (выделяет аккаунты, способные получать обратную связь на высоком уровне на регулярной основе).

С нашей точки зрения, использовать предложенный индекс можно для оценки успешности коммуникации органов местного самоуправления других регионов. Определение наиболее успешных практик органов местного самоуправления в социальных медиа позволяет перейти к анализу содержания публикуемого контента. На этой основе можно будет разрабатывать рекомендации относительно контента для большей успешности коммуникации с населением.

Подводя итог исследованию, можно отметить, что на данном этапе паблики муниципалитетов в социальной сети «ВКонтакте» пока не выступают в качестве площадки для активного обсуждения и совместного поиска новых решений в публичной сфере, которые необходимы для реализации коммуникативного действия в терминологии Ю. Хабермаса. Однако различия в успешности коммуникации у разных территориальных образований показывают, что такой потенциал у этой площадки есть.

При изучении данного вопроса в дальнейшем важно перейти к оценке эффективности коммуникации органов местного самоуправления в социальных медиа. Сделать выводы о том, насколько в результате коммуникации органов местного самоуправления в социальных сетях достигается цель формирования мнения общественности об открытости и прозрачности коммуникации власти и о соблюдении принципа вовлеченности, можно при использовании методов опроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Trencher G. Towards the Smart City 2.0: Empirical Evidence of Using Smartness as a Tool for Tackling Social Challenges // *Technological Forecasting & Social Change*. 2019. Vol. 142. Pp. 117–128. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.033>
2. Абрамова С. Б. Цифровая партисипация: концептуализация понятия в зарубежной практике гражданской активности // *Цифровая социология*. 2022. Т. 5, № 4. С. 4–14. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-4-14>
3. Lebezova E. M., Ovcharenko L. A. A Model of Citizens' Digital Participation in the Smart Environment // *Journal of New Economy*. 2022. Vol. 23, no. 3. Pp. 62–85. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-3-4>
4. Грис О. А., Сосновская А. М. Социальные сети как инструмент решения задач органов власти // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*. 2023. Т. 14, № 4 (61). С. 228–234. URL: https://spb.ranepa.ru/wp-content/uploads/2024/01/n-trud_2023_t14_v4.pdf (дата обращения: 17.09.2024).
5. Babash D. V. The Use of Social Networks in Public Administration // *Общество и цивилизация*. 2023. Т. 5, № 1. С. 22–24. EDN: LSPJZI
6. Allegretti G., Bassoli M., Colavolpe G. On the Verge of Institutionalisation? Participatory Budgeting Evidence in Five Italian Regions // *Financial Journal*. 2021. Vol. 13, issue 2. Pp. 25–45. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-25-45>
7. Dean R. Participatory Governance in the Digital Age: From Input to Oversight // *International Journal of Communication*. 2023. Vol. 17. Pp. 3562–3581. URL: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/18833> (дата обращения: 17.09.2024).

8. Бараш Р. Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 430–453. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1980>
9. Зотов В. В., Губанов А. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов Центрального федерального округа // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 28–39. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-28-39>
10. Lerouge R., Lema M. D., Arnaboldi M. The Role Played by Government Communication on the Level of Public Fear in Social Media: An Investigation into the Covid-19 Crisis in Italy // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40, issue 2. Article no. 101798. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101798>
11. Wang F., Li Y. Social Media Use for Work during Non-Work Hours and Work Engagement: Effects of Work-Family Conflict and Public Service Motivation // Government Information Quarterly. 2023. Vol. 40, issue 3. Article no. 101804. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101804>
12. Meyer S. J., Wiley K. A Framework for Messy Communication: A Qualitative Study of Competing Voices of Authority on Social Media // Administrative Sciences. 2024. Vol. 14, issue 7. Article no. 145. <https://doi.org/10.3390/admsci14070145>
13. Bonson E., Royo S., Ratkai M. Citizens' Engagement on Local Governments' Facebook¹³ Sites. An Empirical Analysis: The Impact of Different Media and Content Types in Western Europe // Government Information Quarterly. 2015. Vol. 32, issue 1. Pp. 52–62. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.11.001>
14. Самсонова Т. Н., Печагина Ю. В. Совершенствование работы по развитию коммуникации с населением в местной администрации в условиях применения информационных технологий // Ученые записки Алтайского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. 2021. № 18. С. 29–33. URL: https://alt.ranepa.ru/files/texts/vest/2021_uz_018.pdf (дата обращения: 17.09.2024).
15. Кожевников О. А., Савоськин А. В. Социальные сети как развивающийся способ коммуникации органов власти с гражданами: состояние и перспективы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 2 (93). С. 151–155. URL: <https://nv.omamvd.ru/wp-content/uploads/2017/11/Научный-вестник-Омской-академии-МВД-России.-2024.-№2-93.pdf> (дата обращения: 17.09.2024).
16. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть – общество» / А. А. Максименко [и др.] // Регионология. 2024. Т. 32, № 2. С. 217–241. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>
17. Красноперов А. Ю. Муниципальные органы власти как субъекты массовой сетевой коммуникации в информационную эпоху // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 224–233. URL: https://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=2378 (дата обращения: 17.09.2024).
18. Бабаева А. А. Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов правительства Москвы // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2021. № 3. С. 198–215. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.198215>
19. Абрамова В. Д., Возовиков О. И. Информационная политика органов власти в социальных сетях // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 99–103. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phyloglog/2024/02/2024-02-20.pdf> (дата обращения: 17.09.2024).
20. Василенко И. А. Госпаблики органов местного самоуправления Алтайского края во «ВКонтакте»: опыт анализа // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2023. № 28. С. 17–25. EDN: PPN0YQ

¹³ Facebook принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в Российской Федерации.

REFERENCES

1. Trencher G. Towards the Smart City 2.0: Empirical Evidence of Using Smartness as a Tool for Tackling Social Challenges. *Technological Forecasting & Social Change*. 2019;142:117–128. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2018.07.033>
2. Abramova S.B. Digital Participation: Category Conceptualization in Foreign Practice of Civic Engagement. *Digital Sociology*. 2022;5(4):4–14. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2022-5-4-4-14>
3. Lebezova E.M., Ovcharenko L.A. A Model of Citizens' Digital Participation in the Smart Environment. *Journal of New Economy*. 2022;23(3):62–85. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2022-23-3-4>
4. Gris O.A., Sosnovskaya A.M. [Social Networks as a Tool for Solving Government Problems]. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS*. 2023;14(4):228–234. (In Russ.) Available at: https://spb.ranepa.ru/wp-content/uploads/2024/01/n-trud_2023_t14_v4.pdf (accessed 17.09.2024).
5. Babash D.B. The Use of Social Networks in Public Administration. *Society and Civilization*. 2023;5(1):22–24. EDN: LSPJZI
6. Allegretti G., Bassoli M., Colavolpe G. On the Verge of Institutionalisation? Participatory Budgeting Evidence in Five Italian Regions. *Financial Journal*. 2021;13(2):25–45. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-2-25-45>
7. Dean R. Participatory Governance in the Digital Age: From Input to Oversight. *International Journal of Communication*. 2023;17:3562–3581. Available at: <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/18833> (accessed 17.09.2024).
8. Barash R.E. Social Media as a Factor Forming Social and Political Attitudes, the Russian Context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(2):430–453. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1980>
9. Zotov V.V., Gubanov A.V. Social Media as Dialogue Platforms for Citizens and Authorities of the Central Federal District's Entities. *Digital Sociology*. 2021;4(4):28–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-28-39>
10. Lerouge R., Lema M.D., Arnaboldi M. The Role Played by Government Communication on the Level of Public Fear in Social Media: An Investigation Into the Covid-19 Crisis in Italy. *Government Information Quarterly*. 2023;40(2):101798. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2022.101798>
11. Wang F., Li Y. Social Media Use for Work during Non-Work Hours and Work Engagement: Effects of Work-Family Conflict and Public Service Motivation. *Government Information Quarterly*. 2023;40(3):101804. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2023.101804>
12. Meyer S.J., Wiley K. A Framework for Messy Communication: A Qualitative Study of Competing Voices of Authority on Social Media. *Administrative Sciences*. 2024;14(7):145. <https://doi.org/10.3390/admsci14070145>
13. Bonson E., Royo S., Ratkai M. Citizens' Engagement on Local Governments' Facebook Sites. An Empirical Analysis: The Impact of Different Media and Content Types in Western Europe. *Government Information Quarterly*. 2015;32(1):52–62. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.11.001>
14. Samsonova T.N., Pechagina Yu.V. [Improving the Work on Developing Communication with the Population in the Local Administration in the Context of Using Information Technologies]. *Uchenye zapiski Altaiskogo filiala RANKhiGS*. 2021;(18):29–33. (In Russ.) Available at: https://alt.ranepa.ru/files/texts/vest/2021_uz_018.pdf (accessed 17.09.2024).
15. Kozhevnikov O.A., Savoskin A.V. Social Networks as a Developing Method of Communication between Authorities and Citizens: Status and Prospects. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;30(2):151–155. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://nv.omamvd.ru/wp-content/uploads/2017/11/Научный-вестник-Омской-академии-МВД-России.-2024.-№2-93.pdf> (accessed 17.09.2024).
16. Maksimenko A.A., Zaitsev A.V., Deyneka O.S., Zyablikov A.V., Akhunzyanova F.T. Assessment by the Population of the Effectiveness of Digital Communication of the Heads of Regions

in the Internet Dialogue “Power – Society”. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):217–241. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-24>

17. Krasnoperov A.Yu. Municipal Authorities as Subjects of Mass Network Communication in the Information Age. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2023;(74):224–233. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=2378 (accessed 17.09.2024).

18. Babaeva A.A. Government Authorities in Social Networks: Analysis of Moscow Government Accounts. *Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism*. 2021;(3):198–215. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.198215>

19. Abramova V.D., Vozovikov O.I. Information Policy of Government Bodies in Social Networks. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geoecology*. 2024;2:99–103. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogol/2024/02/2024-02-20.pdf> (accessed 17.09.2024).

20. Vasilenko I.A. State Publics of Local Government Bodies of the Altai Territory on VKontakte: An Analysis Experience. *PR and Advertising in a Changing World: A Regional Aspect*. 2023;(28):17–25. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: **PPNOYG**

Об авторах:

Савчук Галина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2980-8970>, Scopus ID: 57213002265, SPIN-код: 4639-1293, Galina.Savchuk@urfu.ru

Банних Галина Алексеевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения ГМУ Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8175-591X>, Researcher ID: T-8511-2017, Scopus ID: 55825650400, SPIN-код: 1685-7896, G.A.Bannykh@urfu.ru

Кульпин Сергей Владимирович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3998-9341>, Researcher ID: R-6859-2016, Scopus ID: 57216868677, SPIN-код: 1852-0951, s.v.kulpin@urfu.ru

Курашов Руслан Махмудович, ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620062, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6205-1813>, SPIN-код: 1151-2061, ruslan.kurashov@urfu.ru

Заявленный вклад авторов:

Г. А. Савчук – концепция исследования; дизайн исследования; методология исследования; анализ данных.

Г. А. Банних – концепция исследования; обзор научной литературы по теме исследования.

С. В. Кульпин – идея исследования; концепция исследования; анализ статистических данных.

Р. М. Курашов – концепция исследования; сбор и анализ эмпирического материала; описание результатов.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 30.07.2024; одобрена после рецензирования 04.09.2024; принята к публикации 26.09.2024.

About the authors:

Galina A. Savchuk, Cand.Sci (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2980-8970>, Scopus ID: 57213002265, SPIN-code: 4639-1293, Galina.Savchuk@urfu.ru

Galina A. Bannykh, Cand.Sci (Sociol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory, Methodology and Legal Support of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8175-591X>, Researcher ID: T-8511-2017, Scopus ID: 55825650400, SPIN-code: 1685-7896, G.A.Bannykh@urfu.ru

Sergey V. Kulpin, Cand.Sci (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3998-9341>, Researcher ID: R-6859-2016, Scopus ID: 57216868677, SPIN-code: 1852-0951, s.v.kulpin@urfu.ru

Ruslan M. Kurashov, Assistant of the Chair of Integrated Marketing Communications and Branding, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (19 Mira St., Yekaterinburg 620062, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-6205-1813>, SPIN-code: 1151-2061, ruslan.kurashov@urfu.ru

Contribution of the authors:

G. A. Savchuk – research concept; study design; methodology; data analysis.

G. A. Bannykh – research concept; review of research on the research topic.

S. V. Kulpin – research idea; research concept; analysis of statistical data.

R. M. Kurashov – research concept; collection and analysis of empirical material; description of results.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 30.07.2024; revised 04.09.2024; accepted 26.09.2024.

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.673-690>EDN: <https://elibrary.ru/jvwgtf>

УДК / UDC 165.612(510)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Традиционализм в государственном управлении Китая: региональная специфика

Е. В. Кремнев^{1,2} ✉П. П. Дерюгин^{2,3,4}Л. А. Лебединцева^{2,3}О. В. Кузнецова^{1,2}¹ Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Российская Федерация)² Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)³ Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)⁴ Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)
✉ kremnyov2005@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена возрастающей значимостью и влиянием глобальных и региональных процессов на управленческие процессы. Цель исследования – установить и описать регион-специфичные процессы системной диффузии традиционализма в процессы государственного управления в Китае как регионе – участнике глобальных и трансрегиональных отношений.

Материалы и методы. Исследование базируется на концепции социальной организации традиции социолога Р. Редфилда, который разграничивал «большую» и «малую» традиции, и адаптации этой концепции в китайской социологии. С целью выявления взаимосвязи между традиционализмом и китайской спецификой государственного управления в их историческом аспекте и определения современных регион-специфичных тенденций влияния традиционализма на государственное управление были проанализированы научные исследования китайских социологов.

Результаты исследования. Выявлены системные характеристики традиционализма, которые рассматриваются через два взаимосвязанных измерения: философское, определяющее ценностные ориентиры общества, и практическое, которое направлено на обеспечение стабильного социального взаимодействия. Определена роль «большой государственной традиции», которая в современном азиатском регионе на примере Китая проявляется в адаптации традиционных управленческих концепций к современным условиям. Обоснованы пути проникновения традиционных ценностей в политический дискурс и идеологию, при этом подчеркивается, что современный традиционализм не является возвращением к прошлому, а представляет собой инструмент поиска в прошлом аргументов для актуализации современных управленческих концепций.

Обсуждение и заключение. Региональная специфика государственного управления в Китае в значительной степени определяется «большой государственной традицией», которая остается значимым фактором системы управления, влияет на «малую традицию» и ищет способы адаптации под нее. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования ее результатов при планировании взаимодействия с административными органами и общественными структурами Китая.

© Кремнев Е. В., Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Кузнецова О. В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: государственное управление в Китае, региональная специфика традиционализма, большая государственная традиция, малая традиция, современная модель государственного управления

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 24-28-01448.

Для цитирования: Традиционализм в государственном управлении Китая: региональная специфика / Е. В. Кремнев [и др.] // Регионология. 2024. Т. 32, № 4. С. 673–690. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.673-690>

Traditionalism in China's State Governance: Regional Specificity

E. V. Kremnyov^{a,b} ✉, P. P. Deriugin^{b,c,d}, L. A. Lebedintseva^{b,c}, O. V. Kuznetsova^{a,b}

^a Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

^b Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

^c Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

^d Saint Petersburg State Electrotechnical University (St. Petersburg, Russian Federation)

✉ kremnyov2005@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the increasing importance and influence of global and, at the same time, regional processes on the process of governance. The purpose of the article is to identify the regional specifics of traditionalism as a systemic phenomenon in the processes of state governance in China; in this case, we consider China as a region participating in global and transregional relations.

Materials and Methods. The study is based on sociologist R. Redfield's concept of social organization tradition, which distinguished between "big" and "small" traditions, and the adaptation of this concept in Chinese sociology. In order to identify the relationship between traditionalism and Chinese specificity of public administration in their historical aspect and to determine the current region-specific trends of traditionalism's influence on public administration, scientific studies of Chinese sociologists were analyzed.

Results. In particular, the systemic characteristics of traditionalism are examined along two interrelated dimensions: philosophical, which determines the value orientations of society, and practical, which aims to ensure stable social interaction. Special attention is paid to the "great state tradition", which in modern Asia with China as an example manifests itself in the adaptation of traditional management concepts to modern conditions. The processes of penetration of traditional values into political discourse and ideology are studied, emphasizing that modern traditionalism is not a return to the past, but a tool for searching for arguments in the past to actualize modern management concepts.

Discussion and conclusion. The regional specificity of state governance is largely determined by the "big state tradition", which remains a significant factor of the governance system in China, influences the "little tradition" and seeks ways to adapt to it. The practical significance of the article lies in the possibility of using its results in planning interaction with administrative departments and public structures of the PRC.

Keywords: state governance in China, regional specificity of traditionalism, big state tradition, little tradition, modern model of public administration

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This work was supported by the grant No. 24-28-01448 from the Russian Science Foundation.

For citation: Kremnyov E.V., Deriugin P.P., Lebedintseva L.A., Kuznetsova O.V. Traditionalism in China's State Governance: Regional Specificity. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):673–690. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.673-690>

Введение. Традиционализм в качестве ориентации на прошлое [1] представляет одну из самых важных особенностей управленческой мысли в Китае как регионе – участнике глобальных и трансрегиональных отношений. Отношение к традиции, как полагают некоторые исследователи, становится едва ли не основной темой для споров в современном противостоянии между различными субрегионами Востока и Запада [2]. В современной социологии традиции могут пониматься и как «некие единые и постоянные формы поведения человека, общность позиций, ценностей и вкусов» (в определении К. Поппера)¹ и, например, как «социальный механизм накопления, сохранения и передачи от поколения к поколению исторического опыта, социального и культурного наследия, идеалов, социокультурных норм и ценностей, образцов поведения, обычаев, обрядов, постановки и решения возникающих проблем»². И в первой, и во второй форме традиционализм продолжает проявляться в процессах государственного управления в Китае.

В самом общем виде современное китайское государственное управление интегрирует три базовых составляющих: постулаты марксизма, практику рынка и культурные традиции [3]. В настоящем исследовании основное внимание уделяется анализу последней составляющей китайского управления – традиционализму, которое в китайском управлении может одновременно выступать и источником, и продуктом региональной специфики принятия управленческих решений и формирования управленческих структур [4]. Применяя термин «региональная специфика», мы, вслед за Б. Стифтелем и его коллегами, понимаем под ней уникальную совокупность характеристик регионального социума, сложившуюся в результате взаимодействия языковых, географических, культурных и иных факторов вне глобального контекста³, а под регионом, где сформировалась рассматриваемая в работе специфика – континентальный Китай (не включая в исследование регионы неконтинентального Китая – Тайвань, Гонконг, Макао, где факторы формирования государственного управления были другими в силу иной социальной и политической истории XX в.). Кроме того, к региональной специфике относится также и различное понимание традиции в двух типах регионов, находящихся в дихотомичных отношениях внутри Китая: разницу между центром и периферией, городом и деревней, центром города и пригородом и т. п.

Центральный проблемный вопрос исследования: чем и как обеспечивается устойчивость управления, складывающаяся как результат слияния традиционных отношений и высокой динамики происходящих социальных процессов сегодня, обеспечивающая диверсификацию практики управления? Соответственно, цель исследования – выявить региональную специфику традиционализма как системного явления в процессах государственного управления в Китае, влияющую на выбор стратегий преодоления противоречий между новым и традиционным

¹ Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск. ; общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. М. : Прогресс, 1990. 454 с.

² Бабосов Е. М. Социология : энциклопед. словарь / предисл. Г. В. Осипова. М. : Либроком, 2008. 473 с.

³ Stiftel B., Watson V., Acselrad H. Global Commonality and Regional Specificity // Dialogues in Urban and Regional Planning. London : Routledge, 2006. 384 p. <https://doi.org/10.4324/9780203967508>

в управлении, а также определить тенденции развития китайского традиционализма, позволяющие ему оставаться значимым фактором государственного управления. Опираясь на ранее полученные результаты, мы поставили ряд задач, в рамках которых: 1) раскрываются этапы эволюции диффузии традиций и управления; 2) характеризуются уровни связей между традициями и управлением; 3) обобщаются атрибутивные свойства современного регион-специфичного китайского традиционализма; 4) выявляется сочетаемость «большой» и «малой» традиции в управлении. В совокупности решаемых задач формируются основные контуры системного представления о региональной специфике традиционализма и его свойствах в китайском управлении. Гипотетически предполагается, что ответом на поставленные вопросы окажется системный характер взаимодействия китайского традиционализма и китайского управления.

Обзор литературы. Управленческие концепции XX в. все чаще рассматривают государственное управление не как вертикально-иерархичное, а как социально ориентированное [5]. Одним из первых вопросов о социальной ориентации управленческих процессов в социологии поднял Э. Мэйо [6]. Современные управленческие стратегии противопоставляются прежним концепциям начала XX в. Построенные в первую очередь на технократии и монологических вертикальных методах, эти новые стратегии, по мнению Ф. Тенорио, все чаще основываются на партиципативных формах взаимодействия; такое управление стремится к диалогу, включает в процесс принятия решений большее число участников [7; 8]. В таких условиях, отмечает Т. Реддел, перестройки требуют не только общество, вовлекаемое в процессы управления, но и государство, меняющее формы взаимодействия с социумом, пересматривающее свою роль и место в управленческой системе [9]. Эти новые стратегии управления заставляют исследователей управленческих процессов все чаще говорить о необходимости поисков новых исследовательских парадигм и даже об эпистемологическом кризисе менеджмента [10].

Именно в таких условиях глобальной перестройки концепции государственного управления Китая приходится выстраивать управление с региональной спецификой. При этом Китай, с одной стороны, ощущает на себе влияние мировых процессов, с другой – в качестве региона мира и Азиатско-Тихоокеанского региона должен учитывать собственный цивилизационный опыт с учетом текущих внутренних и глобальных интересов.

В этой связи важными в контексте нашего исследования становятся идеи А. И. Кобзева о высокой приспособленности китайской традиционалистски рафинированной духовной культуры к современным общемировым ценностям [11], В. В. Малявина о поэтапном формировании традиционализма как важной составляющей государственной идеологии с древности до наших дней [12], В. В. Бочарова о наличии механизмов инклюзии западных новаций в местные традиционные культуры [2], М. В. Букатой о полиморфизме и синкретизме китайской традиционной культуры⁴ и Е. Ю. Русяевой о ключевых факторах

⁴ Букатая М. В. Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Барнаул : Кемер. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. 184 с.

управления социальными системами в Китае («зонах притяжения» социальных систем) [13] и др. Таким образом, актуальной на сегодня темой становится выявление соотношения между новыми и традиционными образцами управленческих практик и управленческой культуры современного Китая.

Материалы и методы. В качестве теоретико-методологической основы взята концепция социальной организации традиции социального антрополога Р. Редфилда. Ученый показывает, что традиция всегда структурирована и складывается в систему общества как один из базовых элементов. Традиция сама себя поддерживает, «не нуждающаяся в том, чтобы ее поддерживала комплементарная, реципрокная, субординационная или какая-нибудь иная связь со второй системой» [14]. Традиции разделяются на «большие» и «малые». Под первыми понимаются культурные установки, культивируемые и передаваемые образованными гражданами – преимущественно рационально, чаще они выражают ценности наиболее активной части городского населения; вторые складываются спонтанно, они формируются в иных институтах – в селах, отдаленных регионах, периферийных районах, низовых городских сообществах и других локальных образованиях [14].

В китайской социологии концепция Р. Редфилда получила развитие в рамках теории «большой государственной традиции». В частности, китайский социолог Ян Дунмэй указывает, что данный термин точнее передает эту особенность в Китае, здесь она формируется государственными институтами: ее динамика и содержание неотделимы от деятельности государства по формированию культуры управления⁵. Другими словами, в отличие от типичных для западного социального дискурса дефиниций, в которых ведущая роль отводится самому социуму [15], для китайского социологического поля более свойственны определения, выделяющие *особую роль государства* в социальных процессах [16].

Другие важные методологические позиции связаны с приведенными в предыдущем разделе положениями о важной роли традиций и традиционализма в китайском управлении, разработанными А. И. Кобзевым, В. В. Малявиным, В. В. Бочаровым, М. В. Букатой, Е. Ю. Русяевой и др.

На основе указанных подходов мы проанализировали вторичные эмпирические данные, полученные из диссертаций китайских социологов по социальному управлению и собранные ими путем применения современных социологических методов (статистический анализ, анкетирование, глубинные интервью, кейс-стади и др.). Для получения необходимых данных методом сплошной выборки из китайской национальной базы данных научных работ нами было отобрано 110 диссертаций по социальному управлению, подготовленных с 2000 по 2023 г.

Результаты исследования. *Истоки традиционализма в китайском государственном управлении.* Если рассматривать этапы развития государственного управления как процесс смены определенных моделей, то

⁵ Ян Дунмэй. Сянцунь шэжуэй чжили дэ сяо чуаньтун яньцзю – цзи юй юаньнань Сяоляншань дицзюй и гэ и цзу сяо цуньло дэ фэнсьи [Исследование малых традиций в сельском социальном управлении: анализ на примере села национальности и в районе Сяоляншань провинции Юньнань] : дис. ... маг. социологии. Куньминь : Юньнаньский ун-т, 2015. 43 с. (на кит. яз.)

в трактовке исследователя китайского управления Т. В. Колпаковой⁶ выделяются четыре таких модели: традиционная (с древнейших времен вплоть до падения династии Цин в 1912 г.), тоталитарная (1949–1976 гг.), партийная (1976–2012 гг.) и «современная инновационная модель» (2012 г. – настоящее время).

На первом этапе, самом протяженном, в рамках *традиционной модели* управления главным связующим звеном традиционализма и государства является то, что функции государственной идеологии выполняли традиционные ценности. Уже в Чжоускую эпоху (XI в. – 221 г. до н. э.) управленческая традиция закрепились в наиболее важных философских трактатах и в своем кратком виде могла быть сведена к следующим значимым ценностям: высокая нравственность правителя как залог «мандата Неба», т. е. признания законности его правления; ритуальная составляющая образования и воспитания как важнейший инструмент транслирования социальных норм сверху вниз; удовлетворение нужд народа как первая необходимость для правителя; первостепенная значимость культуры для сохранения государства [12].

В полноценную идеологическую доктрину традиционализм как основа управления трансформировался в Ханьскую эпоху. В этот период сложился комплекс официальной идеологии, соединяющий космологические, религиозные (в частности, даосизм) и социально-политические идеи (в первую очередь, конфуцианство и легизм).

Заложенная в эпоху Хань традиционная модель стала основанием для имперского Китая, она была призвана обеспечить устойчивость государственной власти и выполняла эту функцию вплоть до падения последней династии Цин в 1912 г., когда управление начало претерпевать значительные преобразования. Таким образом, за более чем два тысячелетия в Китае сложилась «большая государственная традиция» – приверженность традиционализму, которая культивировалась совместными усилиями государства и образованной знати.

Социальная история Китая XX в. значительно трансформировала подходы к управлению. В этот период в социальном сознании происходят существенные сдвиги, связанные с процессами повышения уровня образования, модернизации, урбанизации. К вертикальной модели управления добавляются горизонтальные стратегии саморегуляции общества [17], при этом за государством сохраняется ведущая роль.

Уровни связей между традицией и управлением. Набор традиционных ценностей в китайском управлении подразумевает приоритет многовековых социальных принципов и ценностей управления, характерных для субрегионов Восточной Азии: социальная иерархия, основанная на сыновней почтительности и уважении старших (по возрасту, социальному статусу, должности и т. п.), избегании

⁶Морозова В. С., Колпакова Т. В. Культурное измерение китайской концепции «Сообщество единой судьбы» в проекциях глобального управления // Китай в год проведения XX съезда КПК : сб. ст. на основе докладов Ежегод. всерос. науч. конф. «Современное китайское государство» (г. Москва, 16–18 марта 2022 г.). М. : ИКСА РАН, 2022. С. 197–206. <https://doi.org/10.48647/ISSA.2022.41.21.037>

открытых конфликтов и приоритете коллектива над индивидуумом⁷. Когда речь идет об устойчивом воспроизведении традиций в управлении, подразумеваются инновационные мутации, возникающие как синергетический эффект слияния различных граней традиционной культуры Китая, одновременно и целостной и полиструктурной: «в ней сосуществует несколько основных направлений в духовной культуре, находящихся во взаимодействии – конфуцианство, даосизм, буддизм, детерминирующих ее полиморфизм и синкретизм»⁸. Новый же тип мутаций – это соединение традиций и новой глобальной и трансрегиональной социальности, влияющей на Китай и проникающей через социальные практики, нарабатывающие новую «малую традицию». В таком случае «большой традиции» приходится следовать за «малой», с одной стороны, ограничивая ее, с другой – адаптируясь под нее.

В этой системе воспроизводство «большой» и «малой традиций» следует воспринимать не как параллельные процессы, а как уровни существования традиционализма: философии – как верхней части традиционализма, – здесь формируется главный ценностный вектор развития общества, и нижней, базовой части – реализуемых в практической жизни ценностных практик. Взаимодействие верхней и нижней частей традиционализма обеспечивает стабильное и устойчивое управление. В связи с этим некоторые специалисты, изучающие китайское государственное управление, например В. С. Морозова⁹, указывают, что китайская культура характеризуется длительностью и непрерывностью развития, многообразием, уникальным сочетанием консервативной замкнутости с толерантностью к культурам других регионов.

Регион-специфичные атрибутивные свойства современного китайского традиционализма: адаптивность, вариативность, интерпретативность и конструированность. Этап зарождения и развития Китайской республики в континентальном Китае в первой половине XX в. китайские исследователи, как правило, определяют как период социально-политического хаоса, при котором отсутствовали относительно сформировавшиеся модели управления. Последовавший следом этап тоталитарной модели управления (1949–1976 гг.) строился в значительной степени на порицании традиционной культуры, декларирования ее отсталости и невозможности применения в управлении¹⁰. Речь в первую очередь шла о той части культуры, которая ассоциировалась с «большой государственной традицией»: конфуцианство и другие традиционные управленческие доктрины воспринимались в тот период как оплот свергнутой императорской власти и жестко преследовались. «Малые» же традиции интерпретировались

⁷ Chu Yun-han, Chang Yu-tzung, Huang Ming-hua. Modernization, Institutionalism, Traditionalism, and the Development of Democratic Orientation in Rural China / Asian Barometer. A Comparative Survey of Democracy, Governance and Development. Working Paper Series. No. 22. Taipei : Asian Barometer Project Office, National Taiwan University and Academia Sinica, 2004. 46 p. URL: <https://asianbarometer.org/book?page=b10&paging=6> (дата обращения: 12.10.2024).

⁸ Букатая М. В. Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая...

⁹ Морозова В. С., Колпакова Т. В. Культурное измерение китайской концепции «Сообщество единой судьбы» в проекциях глобального управления.

¹⁰ Сунь Говэнь. Цун шэжуэй гуаньли дао шэжуэй чжили дэ шаньяньян [Переход от социального менеджмента к социальному управлению] : дис. ... маг. социологии. Нанкин : Нанкинский педагогический университет, 2016. 51 с. (на кит. яз.)

в русле утверждения В. И. Ленина о том, что «в каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую...»¹¹. Другими словами, принимались во внимание только те аспекты «малой традиции», которые соответствовали задачам построения социалистического государства. Однако с переходом к партийной модели в 1976 г. ситуация снова поменялась.

С этого периода идеология повторно устанавливает связь с «большой традицией» и преодолевает установку китаизированного марксизма на восприятие традиции как отсталой феодальной морали, созданной для управления массами. Современный китайский марксизм обращается к традиции осторожно и только там, где она подтверждает его положения, а также на уровне создания новых идеологием на основе традиционной терминологии [18]: «среднезажиточное общество» («сяокан», 小康) Дэн Сяопина позаимствовано в 1979 г. из конфуцианской традиции, концепция «управления государством на основе дэ» (以德治國) Цзян Цзэминя опирается на традиционную концепцию нравственности дэ, «гармоничный социализм» Ху Цзиньтао отсылает к социальной гармонии из «Ши цзина» (VI в. до н. э.) и «Чжоу ли» (XI в. до н. э.). На примат традиционной культуры многократно указывает Си Цзиньпин¹², из нее он предлагает «черпать идеи и концепции управления страной»¹³. Таким образом, современная «большая государственная традиция» отсылает к традициям прежних периодов. При этом формально современные партийные лидеры не отказываются от китаизированного марксизма времен Мао Цзэдуна, хотя фактически относятся к традиции совершенно иначе. Таким образом, китайские власти следуют важной концепции «большой государственной традиции», выработанной в Китае: не отрицать прошлое, а обобщать его в единый комплекс, пусть даже и сущностно противоречивый.

Вместе с тем нетрудно заметить, что базовая роль современного китайского традиционализма – не возврат к прошлому, а поиск в прошлом аргументов для обоснования современных концепций (в том числе марксизма). Это позволяет усваивать новые стратегии управления через соответствие одной из важных черт китайской картины мира – глубокого этноцентризма, который конструирует в сознании современных китайцев образ уникального Китая, с древности знавшего то, что западной цивилизации пришлось «переоткрыть» гораздо позже [18].

¹¹ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 24. М.: Политиздат, 1969. С. 113–150.

¹² Си Цзиньпин. Чжунхуа юсю чуаньтун вэньхуа ши чжунхуа миныйцзу дэ гэн хэ хун [Выдающаяся китайская традиционная культура – это основа китайской нации и ее душа] [Электронный ресурс] // Дан цзянь ван [Портал партийного строительства]. 2022. 22 сент. URL: http://www.dangjian.cn/shouye/dangjianyaowen/202209/t20220928_6483686.shtml (дата обращения: 09.07.2024).

¹³ Чжан Цзюнь. Шань юй цун чжунхуа юсю чуаньтун вэньхуа чжун цзицуй чжи го ли чжэн дэ линиянь хэ сывэй [Искусство черпать идеи и концепции управления страной из выдающейся китайской традиционной культуры] [Электронный ресурс] // Жэньминь ван. Чжунго гунчандан синьвэнь ван. Лилунь [Портал «Жэньминь жибао». Новости Коммунистической партии Китая. Теория]. 2022. 16 сент. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2022/0916/c40531-32527354.html> (дата обращения: 09.07.2024).

Указанные новые стратегии формируются на основе реальной управленческой практики и представляют собой ответ на вызовы времени. Их эффективность и практикоориентированность обеспечивается присущей китайской культуре высокой степенью прагматизма. В. В. Хандархаева определяет его как «практичность, направленность на осуществление “полезных” задач в обществе» [19]. Именно прагматизм, по мнению А. И. Кобзева, с древности являет собой одну из основ китайского мировоззрения [11]. Можно предположить, что именно китайский прагматизм позволяет традиционализму и идеологии обретать реальные, применимые формы и адаптироваться в новых условиях.

Вопрос об эффективности китайского традиционализма в современных управленческих процессах и его возможностях занимает одно из ведущих мест в исследованиях китайского управления. Несмотря на ряд сугубо негативных и позитивных оценок, китайский традиционализм все чаще трактуют с уравнивающей позиции – как регион-специфичную черту китайской культуры, вполне жизнеспособную в новых условиях глобального и модернизирующегося мира, с учетом некоторых неизбежных ограничений. Так, по мнению М. В. Букатой, «в современном китайском обществе имеет место диалектика отношений традиций (базирующихся на константных внутрикультурных ценностях), новаций (формирующихся на базе модернизации традиционных ценностей) и инноваций (базирующихся на использовании принципиально новых для данного культурного контекста ценностных идей)»¹⁴. Таким образом, «цельность культуры современного Китая обеспечивается диалектическим взаимодействием фундамента прошлых традиций и постоянного поиска оптимальных инновационных решений в результате приспособления к меняющимся условиям глобализирующегося социума и природной жизни»¹⁵. По мнению А. И. Кобзева, указывающего на соединение марксизма с традиционной культурой Китая [11], Китай при этом является носителем адаптированной к нынешним глобальным ценностям собственной философии, объединяющей древнюю и традиционалистски рафинированную культуру.

Можно констатировать, что традиционализм китайцев в настоящее время остается значимым фактором системы управления. Анализ исследований состояния традиционных ценностей в современном Китае позволяет предположить, что они обладают следующими регион-специфичными свойствами:

1) адаптивность (традиция подстраивается под трансформацию в связи с процессами глобализации, урбанизации, модернизации, вестернизации, отбирая устойчивые концепции и адаптируя их под требования времени);

2) вариативность (при необходимости в разных сферах общественной жизни могут применяться противоречащие друг другу традиционные концепции, это обеспечивается синкретизмом китайских традиционных доктрин);

3) интерпретативность (традиция нередко может применяться как значимый аргумент в отстаивании позиции самооценности китайской культуры и китайских форм управления, в этом случае традиционные концепции и тексты проявляют свойство приложимости к любым феноменам социальной жизни);

¹⁴ Букатая М. В. Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая...

¹⁵ Там же.

4) образная конструируемость (диверсификация ценностей в современном мире не всегда позволяет определить, какие именно ценности действительно имеют важное значение для современного собирательного китайца, а какие конструируются в его сознании, в том числе как часть сложного образа воображаемого «традиционного Китая» или «традиционного Востока»; подобные процессы «изобретения» Азии свойственны не только процессам восприятия китайцев другими этносами, но и процессам формирования автоэтностереотипов).

Другими словами, современный традиционализм в рамках «большой государственной традиции» превратился из устойчивых форм культуры в инструмент гармонизации устойчивого и адаптивного в управлении, снижая ригидность первого и нестабильность второго.

Сочетание «большой» и «малой» традиции в управлении. Как подчеркивает М. В. Букатая, традиционализм в китайском управлении – это не только следование набору устойчивых и социально воспроизводимых ценностей, но и устойчивое воспроизведение духовной культуры¹⁶.

«Малая традиция», т. е. культивирование ценностей в относительно закрытых сообществах (селах, пригородах, некоторых городских сообществах и т. п.), сохраняет свою значимость для современного общества потому, что «системы культуры по определению, в отличие от технических, экономических систем, обладают большей инерционностью». Кроме того, для китайцев культура/традиции выступают «приоритетной зоной притяжения для социальных систем» (в отличие от западной цивилизации, для которой такой зоной являются рациональность/технизм) [13].

Ответ на вопрос, как между собой взаимодействуют два типа традиционализма в управлении, можно дать по результатам проводимых в Китае социологических и социально-антропологических исследований, основанных на данных полевых исследований (опросов, наблюдений, глубинных интервью, кейс-стади). Эти результаты позволяют осмыслить два указанных типа традиции: 1) как «малая традиция» проявляется в региональном (сельском / пригородном / горном) управлении (т. е. в неурбанизированных или низкоурбанизированных системах, где и культивируется «малая традиция»)¹⁷; 2) как современная «большая государственная традиция» адаптирует управленческие концепции древности¹⁸.

¹⁶ Букатая М. В. Аксиологические основания взаимодействия традиций и новаций в культуре Китая...

¹⁷ Ян Дунмэй. Сянцунь шэхуэй чжили дэ сяо чуаньтун яньцзю – цзи юй юаньнань Сяоляншань дицзюй и гэ и цзю сяо цуньлю дэ фэньси [Исследование малых традиций в сельском социальном управлении: анализ на примере села национальности и в районе Сяоляншань провинции Юньнань]...; У Фанфан. Цзицэн шэхуэй гуаньли: цунь чжужэнь дэ лоцзи [Социальное управление на низовом уровне: логика деревенского старосты] : дис. ... маг. социологии. Чанша : Южно-Китайский ун-т, 2012. 44 с. (на кит. яз.); Ли Яомэй. Фэньцзюй шицзю ся нунминь дэ шэхуэй чжили цаньюй синвэй яньцзю – цзи юй Шаньдун, Хубэй лян шэн дэ шуцзюй дяоча [Исследование участия сельских жителей в социальном управлении с точки зрения концепции раздельного проживания на основе статистических данных провинций Шаньдун и Хубэй] : дис. ... маг. социологии. Ухань : Сельскохозяйственный университет центрального Китая, 2016. 76 с. (на кит. яз.)

¹⁸ Чжан Сиюнь. Гуань Чжун шэхуэй чжили сысян яньцзю [Исследование идей Гуань Чжуна о социальном управлении] : дис. ... маг. социологии. Анхой : Анхойский университет, 2017. 41 с. (на кит. яз.); Лу Сяо. Лю Цзуньюань шэхуэй чжили сысян чутань [Пилотное исследование идей Лю Цзуньюаня о социальном управлении] : дис. ... маг. социологии. Цзинань : Шаньдунский университет, 2021. 37 с. (на кит. яз.)

Эти же результаты позволяют выявить тенденции взаимодействия «малой» и «большой традиции» в современном континентальном Китае.

Так, при изучении моделей управления сельскими общинами в районах проживания национальных меньшинств¹⁹ выявляется, что партийно-государственные органы напрямую руководят трансформацией местных традиций управления: это отвечает современным задачам повышения уровня жизни на селе²⁰. В качестве «малой традиции» управления Ван Лися выделяет «управление на основе ритуала», т. е. преобладание личных отношений над правовыми. «Большая государственная традиция» при этом продвигается на трех уровнях: физическом, техническом и нравственном. В первом случае речь идет о конкретном присутствии КПК и государственных органов на периферийных территориях: там должны быть наглядные пропагандистские материалы и проводиться соответствующие мероприятия. Во втором случае, когда Ван Лися говорит о техническом управлении, он указывает на необходимость применения современных информационных технологий в продвижении идей и достижений «большой государственной традиции». Третий аспект – нравственный – связан с важностью отбора на административные должности чиновников, готовых нести в массы сформированный китайской традицией образ высоконравственного руководителя²¹.

Что касается адаптации управленческих концепций древности, то содержание таких концепций в большей степени оказывается аргументом для обоснования правильности современного курса управления через его соответствие древним, устойчивым, проверенным образцам. Вместе с тем качественный анализ древних текстов и сравнительный анализ их с современными концепциями управления не позволяют говорить о реальном заимствовании традиций управления во всех случаях, когда это декларируется. Таким образом, здесь мы наблюдаем отрицательные черты китайского традиционализма: использование манипуляций общественным сознанием с целью обеспечения дополнительной значимости современных методов управления через искусственное приписывание им сходств с традиционными образцами. Такой подход несет определенные риски в связи с подменой анализа реальной практики полумифическими и исторически не обоснованными примерами. При этом таким «образцом» управления могут называться любые традиционные доктрины, вне зависимости от их реального содержания, однако задачей такого рода стратегии во многих случаях лежит не настоящее заимствование, а создание «мнимого» пространства [20], которое, при необходимости, может быть наполнено любым содержанием. Так, например, утверждается, что в основе продвигаемых в современном Китае принципов рыночной экономики, развития правового сознания, духовной цивилизации, национального единства и межэтнической солидарности лежат идеи легиста Гуань

¹⁹ Ван Лися. Баоань цзу сяньцунь шэцхой чжили моши яньцзю [Исследование моделей управления сельскими сообществами народности баоань] : дис. ... д-ра социологии. Ланьчжоу : Ланьчжоуский университет, 2014. 173 с. (на кит. яз.)

²⁰ Deriugin P., Lebedintseva L., Veselova L. Social Transformations of Chinese Society in the Focus of Modern Sociological Science // The Routledge Handbook of Chinese Studies. London : Routledge, 2021. Pp. 389–401. <https://doi.org/10.4324/9780429059704>

²¹ Ван Лися. Баоань цзу сяньцунь шэцхой чжили моши яньцзю [Исследование моделей управления сельскими сообществами народности баоань]...

Чжуна (VII в. до н. э.): «управление страной на основе закона», «благоденствие народа и процветание страны», «уважение ритуала и почитание воспитания», «человек в основе всего» и т. д.²² Подобным образом под современность интерпретируются идеи танского философа Лю Цзуньюаня²³ или идея «Великого единения», на основе которой обосновывается современная концепция «совещательного управления»²⁴.

Диффузия традиционализма в концепцию государственного управления, в том числе и использование традиционализма как обоснования современных управленческих концепций, подтверждается и числовыми социологическими данными. Так, проведенный нами анализ китайских социологических работ, направленных на изучение государственных и партийных документов с 2000 по 2023 г., показывает, что с момента обращения лидеров партии и государства в 2013 г. к концепции управления «чжили» (治理, governance), которая интерпретируется как «китаизированная» и «традиционная», обращения к прежней «вестернизированной» концепции менеджмента «гуаньли» (管理, management) практически полностью сошли на нет в течение 1–2 лет. В процентном соотношении упоминания прежней концепции до и после 2013 г. представляют соотношение 71 % и 29 %, при этом второй показатель является инерционным, поскольку отражает данные 2014–2015 гг., после чего обращения к этой концепции почти полностью исчезают. «Китаизированное» и «традиционное» управление «чжили», напротив, до и после 2013 г. используется в соотношении 6 % и 94 %. Подтверждается диффузия традиционализма в концепции современного государственного управления и данными, полученными китайскими исследователями: в частности, Лай Линчжи, проанализировавший более 300 текстов выступлений Си Цзиньпина и их описаний в китайских и зарубежных СМИ с 2012 по 2017 г., пришел к выводу, что обращение к традиционным ценностям конфуцианства содержится в подавляющем большинстве из них, в отличие от речей предыдущих лидеров, в которых такие упоминания встречались нерегулярно [21].

Приведенные результаты социологических и социально-антропологических исследований отражают крепнущую связь традиции (в ее адаптивном и конструируемом виде) и идеологии, т. е. наследование «большой государственной традиции» Древнего Китая. Этот процесс призван укрепить роль государства в социальных процессах. И если в современных западных обществах все чаще ставится вопрос об уменьшении роли государства на фоне возрастания значимости

²² Чжан Сиюнь. Гуань Чжун шэхуэй чжили сысян яньцзю [Исследование идей Гуань Чжуна о социальном управлении]...

²³ Лу Сяо. Лю Цзуньюань шэхуэй чжили сысян чутань [Пилотное исследование идей Лю Цзуньюаня о социальном управлении]...

²⁴ Хэ Вэй. Чжили гунтунти цзяньгоу: чэнши шэцзюй сешан чжили яньцзю – и Шанхай Путоцзюй вэй ле [Построение общности управления: исследование консультативного управления в городских сообществах на примере района Путо города Шанхай] : дис. ... д-ра социологии. Шанхай : Восточно-Китайский педагогический университет, 2018. 208 с. (на кит. яз.); Цзя Юйцзю. Ли шэтяо юй юсюй шэхуэй – шэхуэй чжили шицзю ся чжуаньсин ци Чжунго шэхуэй ли шэтяо лилун цзяньгоу [Координация интересов и упорядоченное общество: построение теории координации интересов в китайском обществе переходного периода с точки зрения социального управления] : дис. ... д-ра социологии. Чанчунь : Цзилиньский университет, 2010. 229 с. (на кит. яз.)

социального самоуправления [9], то в Китае государство демонстрирует иной вектор: несмотря на растущую роль социума в управлении, ведущая позиция сохраняется за партийно-государственными структурами.

Обсуждение и заключение. Китайский традиционализм как одна из основ управления сформировался довольно давно, еще в эпоху Чжоу (XI в. – 221 г. до н. э.), а закрепился уже в Ханьский период (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Вместе с тем современный традиционализм является довольно подвижной концепцией, среди его регион-специфичных атрибутивных свойств можно назвать адаптивность, вариативность, интерпретативность и конструируемость. «Большая государственная традиция» и «малая традиция» в современном управлении интегрируются в рамках четырех типов факторов, определяющих систему управления (по Е. И. Русяевой). Как системообразующие факторы и «большая», и «малая традиция» проявляются в иерархизме (централизации) и китаецентризме (вере в свое культурное превосходство); как целефункциональные – в особой роли образования и воспитания и применении манипулятивных технологий; как функционально-структурные – в иерархии структуры (традиционно управленцы рассматривают подчиненных в организации как членов семьи, ожидая от них безусловное доверие и полную отдачу); как поведенческие – в коллективизме (с одной стороны, для китайцев значимы коллективные усилия, прилагаемые к делу для достижения общих интересов на основе групповых ценностей, с другой – сама концепция перекликается с базовой идеологией коммунистической идеологии, которая на современном уровне использует традиционные доктрины для усиления легитимности своих методов управления), патернализме, примате традиционных форм поведения над рациональными, послушании, уважении к старшим, чиновочитании, ритуальности социальных практик. Эти факторы порождают особый китайский тип государственного управления, которое позволяет, с одной стороны, использовать устойчивые, проверенные формы воздействия на социум, с другой – привлекать традицию в качестве весомого аргумента для отстаивания тех или иных новых методов управления через их сопоставление с известными древними образцами.

Таким образом, современный китайский традиционализм продолжает культивироваться как в «малой», так и в «большой традиции». При этом наблюдаемое наступление «большой традиции» на «малую», т. е. приоритета центра над периферией, города над селом, государственных традиций над социальными, с одной стороны, соответствует сложившемуся для Китая вектору развития традиции «сверху вниз», с другой – проходит гибко и адаптивно. При этом китайский традиционализм в целом обладает значительным потенциалом для дальнейшей адаптации и проявляет выраженный регион-специфичный китаизированный характер. Исследование может быть продолжено в направлении изучения указанной динамики, а результаты настоящей работы могут быть полезны для формирования стратегий взаимодействия с китайскими государственными органами всех ступеней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ламажаа Ч. К. Архаизация, традиционализм и неотрадиционализм // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 88–93. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/2/Lamazhaa_Archaization-Traditionalism-Neotraditionalism/ (дата обращения: 12.10.2024).
2. Бочаров В. В. Традиционализм в востоковедческом измерении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15, № 1. С. 4–21. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.101>
3. Савченко И. А., Кремнев Е. В. Дискурсивная трихотомия в урбанистике: модели социального управления в Китае // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 113–125. URL: <https://gotlib.ru/2024/01/23/discursive-trichotomy/> (дата обращения: 12.10.2024).
4. Самсин А. И., Пономарев М. А., Сергеев П. А. Китай: реформы и управление // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2019. № 5 (79). С. 18–23. EDN: ZFNKTF
5. Костюченко Н. И. Феномен «социальное управление» как научная проблема // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1 (75). С. 143–149. URL: https://mvd.ru/upload/site126/document_text/003/590/381/Vestnik_175_2024.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
6. Терещенко Т. А., Балашова И. В. Основные элементы системы государственного управления // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Экономика. 2022. Вып. 4 (310). С. 129–134. <https://doi.org/10.53598/2410-3683-2022-4-310-129-134>
7. Exploring Social Management: An International Bibliometric Review of Varied Perspectives / L. F. Felizardo [et al.] // International Journal of Scientific Management and Tourism. 2023. Vol. 9, issue 3. Pp. 1670–1701. <https://doi.org/10.55905/ijsmvtv9n3-021>
8. Social Management beyond Procrustes' Bed: Ontological, Epistemological and Methodological Considerations / A. C. Cançado [et al.] // Business and Management Review. 2015. Vol. 4, no. 5. Pp. 208–222. URL: https://researchgate.net/publication/353665213_Business_and_Management_Review_SOCIAL_MANAGEMENT_BEYOND_PROCRUSTES'_BED_i_Ontological_Epistemological_and_Methodological_Considerations (дата обращения: 12.10.2024).
9. Reddel T. Third Way Social Governance: Where is the State // Australian Journal of Social Issues. 2004. Vol. 39, issue 2. Pp. 129–142. <https://doi.org/10.1002/j.1839-4655.2004.tb01167.x>
10. Fleetwood S. Ontology in Organization and Management Studies: A Critical Realist Perspective // Organization. 2005. Vol. 12, issue 2. Pp. 197–222. <https://doi.org/10.1177/1350508405051188>
11. Кобзев А. И. Исконные смыслы новой терминологии КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 6. С. 111–126. <https://doi.org/10.31857/S013128120029383-2>
12. Малявин В. В. О китайской цивилизации // Российское китаеведение. 2022. № 1. С. 95–111. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.49.25.006>
13. Русяева Е. Ю. Компаративный анализ управления социальными и организационными системами Китая, Запада и России // Вопросы культурологии. 2009. № 2. С. 53–57. EDN: KVLUTX
14. Редфилд Р. Искусство социальной науки / пер. с англ. В. Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. 2023. № 4. С. 156–174. URL: https://www.neosoclit.ru/files/2023_Sociology_4_156-174.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
15. Oliveira D. J. S. Social Management: Epistemology Beyond Paradigms // Organizações & Sociedade. 2021. Vol. 28, no. 98. Pp. 582–606. <https://doi.org/10.1590/1984-92302021v28n9805EN>
16. Li Chengwei. Innovation of Social Management System: Interpretation from the Perspective of Public Management // Chinese Administrative Management. 2005. Vol. 5. Pp. 39–41.
17. Ding Yuanzhu. Building the Theory of Social Management in China // Monthly Research Journal. 2008. Vol. 2. Pp. 26–36.
18. Кремнев Е. В. Идеологически-ориентированные модели изучения социального управления в Китайской Народной Республике // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2024. № 1. С. 85–100. <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2024-1-85-100>

19. Хандархаева В. В. Расчетливость, прагматичность в древних религиозных верованиях китайцев // Вестник Бурятского государственного университета. 2022. № 2. С. 44–50. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2022-2-44-50>
20. Малявин В. В., Казанцев А. Е. Верховенство мнимости: китайское мировоззрение как ресурс нового мирового порядка // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21, № 2 (120). С. 120–138. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-120-138>
21. Лай Линчжи. Концепт «конфуцианство» в политических коммуникациях и СМИ // Медиа-альманах. 2017. № 4. С. 16–25. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/86587591/_pdf (дата обращения: 16.10.2024).

REFERENCES

1. Lamazhaa C.K. Archaization, Traditionalism and Neotraditionalism. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2010;(2):88–93. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2010/2/Lamazhaa_Archaization-Traditionalism-Neotraditionalism/ (accessed 12.10.2024).
2. Bocharov V.V. Traditionalism in the Orientalist Dimension. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2023;15(1):4–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.101>
3. Savchenko I.A., Kremnyov E.V. Discursive Trichotomy in Urban Studies: Models of Social Management in China. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2023;(74):113–125. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://gotlib.ru/2024/01/23/discursive-trichotomy/> (accessed 12.10.2024).
4. Samsin A.I., Ponomarev M.A., Sergeev P.A. China: Reforms and Administration. *Industry: Economics, Management, Technology*. 2019;(5):18–23. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: ZFNKTF
5. Kostyuchenko N.I. The Phenomenon of “Social Management” as a Scientific Problem. *Vestnik of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024;(1):143–149. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://mvd.ru/upload/site126/document_text/003/590/381/Vestnik_175_2024.pdf (accessed 12.10.2024).
6. Tereshchenko T.A., Balashova I.V. Basic Elements of the System of Public Administration. *Bulletin of Adygeya State University, Series “Economics”*. 2022;(4):129–134. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.53598/2410-3683-2022-4-310-129-134>
7. Felizardo L.F., Silva V. de S., Gualberto D.R., Pereira A.L.C., Pereira J.R. Exploring Social Management: An International Bibliometric Review of Varied Perspectives. *International Journal of Scientific Management and Tourism*. 2023;9(3):1670–1701. <https://doi.org/10.55905/ijsmvtv9n3-021>
8. Cançado A.C., Pereira J.R., Tenório F.G., Vilas Boas A.A. Social Management Beyond Procrustes’ Bed: Ontological, Epistemological and Methodological Considerations. *Business and Management Review*. 2015;4(5):208–222. Available at: researchgate.net/publication/353665213_Business_and_Management_Review_SOCIAL_MANAGEMENT_BEYOND_PROCRUSTES'_BED_i_Ontological_Epistemological_and_Methodological_Considerations (accessed 12.10.2024).
9. Reddel T. Third Way Social Governance: Where is the State. *Australian Journal of Social Issues*. 2004;39(2):129–142. <https://doi.org/10.1002/j.1839-4655.2004.tb01167.x>
10. Fleetwood S. Ontology in Organization and Management Studies: A Critical Realist Perspective. *Organization*. 2005;12(2):197–222. <https://doi.org/10.1177/1350508405051188>
11. Kobzev A.I. The Original Meanings of the New Terminology of the CPC. *Problems of the Far East*. 2023;(6):111–126. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013128120029383-2>
12. Malyavin V.V. On Chinese Civilization. *Russian Sinology*. 2022;(1):95–111. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.49.25.006>
13. Rusaeva E.Yu. Comparative Analysis of Management of Social and Organizational Systems of China, the West and Russia. *Issues of Cultural Studies*. 2009;(2):53–57. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: KVLUTX
14. Redfield R. The Art of Social Science. Translated from English by V. G. Nikolaev. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology*. 2023;(4):156–174.

(In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.neosoclit.ru/files/2023_Sociology_4_156-174.pdf (accessed 12.10.2024).

15. Oliveira D.J.S. Social Management: Epistemology Beyond Paradigms. *Organizações & Sociedade*. 2021;28(98):582–606. <https://doi.org/10.1590/1984-92302021v28n9805EN>

16. Li Chengwei. Innovation of Social Management System: Interpretation from the Perspective of Public Management. *Zhongguo Xingzheng Guanli*. 2005;5:39–41. (In Chinese)

17. Ding Yuanzhu. Building the Theory of Social Management in China. *Xueshu yuekan*. 2008;2:26–36. (In Chinese)

18. Kremnyov E.V. Ideologically-Oriented Models for the Study of Social Management in the People's Republic of China. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2024;(1):85–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2024-1-85-100>

19. Khandarkhaeva V.V. Calculation and Pragmatism in Ancient Religious Beliefs of the Chinese. *Bulletin of the Buryat State University*. 2022;(2):44–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2022-2-44-50>

20. Malyavin V.V., Kazantsev A.E. Supremacy of Ostensibility: Chinese Worldview as a Resource of the New World Order. *Russia in Global Affairs*. 2023;21(2):120–138. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-120-138>

21. Lai Lingzhi The Concept of “Confucianism” in Political Communications and Mass Media. *Media-Almanac*. 2017;(4):16–25. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://pureportal.spbu.ru/files/86587591/_pdf (accessed 16.10.2024).

Об авторах:

Кремнев Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой Китаеведения, руководитель Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1); ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>, Researcher ID: Q-4396-2018, Scopus ID: 57211607591, SPIN-код: 9597-5548, kremnyov2005@mail.ru

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9); профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина) (197022, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5); руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>, Researcher ID: AFJ-7283-2022, Scopus ID: 57205375761, SPIN-код: 7816-6709, deriuginpav@yandex.ru

Лебединцева Любовь Александровна, доктор социологических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>, Researcher ID: I-7256-2013, Scopus ID: 56820216100, SPIN-код: 1996-9779, llebedintseva879@gmail.com

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, заведующий кафедрой регионоведения АТР, руководитель сектора

трансрегионализации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона Иркутского государственного университета (664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. К. Маркса, д. 1); ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института Российской академии наук – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (190005, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9895-0471>, SPIN-код: 9800-9784, kuznetsova1@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. В. Кремнев – основная идея исследования; сбор и обработка данных; критический анализ; подготовка текста статьи; формулирование выводов.

П. П. Дерюгин – развитие методологии; анализ материала; подготовка текста статьи; курирование данных; формулирование выводов.

Л. А. Лебединцева – критический анализ текста; сбор и обработка данных; изучение концепции; доработка текста статьи.

О. В. Кузнецова – анализ материала; формализованный и критический анализ данных; представление данных в тексте.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.07.2024; одобрена после рецензирования 27.09.2024; принята к публикации 21.10.2024.

About the authors:

Evgeniy V. Kremnyov, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Sinology, Head of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia Pacific, Irkutsk State University (1 Karl Marks St., Irkutsk 664003, Russian Federation); Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (25/14, 7th Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5255-3772>, Researcher ID: Q-4396-2018, Scopus ID: 57211607591, SPIN-code: 9597-5548, kremnyov2005@mail.ru

Pavel P. Deriugin, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Chair of Economic Sociology, Saint Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russian Federation); Professor of the Chair of Sociology and Political Science, Saint Petersburg State Electrotechnical University (5 Prof. Popov St., St. Petersburg 197022, Russian Federation); Head of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (25/14, 7th Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5380-8498>, Researcher ID: AFJ-7283-2022, Scopus ID: 57205375761, SPIN-code: 7816-6709, deriuginpav@yandex.ru

Lyubov A. Lebedintseva, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Faculty of Sociology, Saint-Petersburg State University (7-9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russian Federation); Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (25/14, 7th Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9458-4689>, Researcher ID: I-7256-2013, Scopus ID: 56820216100, SPIN-code: 1996-9779, llebedintseva879@gmail.com

Olga V. Kuznetsova, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Dean of the Faculty of Foreign Languages, Head of the Chair of Asia-Pacific Regional Studies, Head of the Transregionalization Sector

of the Research Center for Transdisciplinary Regionology of Asia Pacific, Irkutsk State University (1 Karl Marks St., Irkutsk 664003, Russian Federation); Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (25/14, 7th Krasnoarmeyskaya St., St. Petersburg 190005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9895-0471>, SPIN-code: 9800-9784, kuznetsova1@mail.ru

Contribution of the authors:

E. V. Kremnyov – main idea of the research; collection and processing of data; critical analysis; writing the paper; formulation of conclusions.

P. P. Deriugin – developing methodology; analyzing material; writing the paper; curating data; drawing conclusions.

L. A. Lebedintseva – critical analysis of the text; data collection and processing; conceptual research; finalization of the text.

O. V. Kuznetsova – analysis of material; formalized and critical analysis of data; presentation of data in the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 13.07.2024; revised 27.09.2024; accepted 12.10.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА / REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.691-711>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/kxzlhn>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 331.101.6:332.1

ISSN 2587-8549 (Online)

Влияние диверсификации экономики на производительность труда в российских регионах

И. В. Гришина^{1,2} ✉

А. О. Полюнев^{1,2}

А. А. Угрюмова²

¹ *Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России
(г. Москва, Российская Федерация)*

² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация)
✉ grishinaiv@mail.ru*

Аннотация

Введение. Достижение национальных целей предполагает снижение зависимости от сырьевого экспорта на основе диверсификации структуры экономики, которая имеет свои особенности в регионах с разной отраслевой специализацией, оказывая нетождественное влияние на изменение производительности труда. Цель исследования – определить влияние диверсификации структуры региональной экономики на уровень и динамику производительности труда в регионах.

Материалы и методы. Проведена оценка влияния диверсификации экономики на динамику производительности труда и экономическую активность в регионах, а также на развитие региональных отраслей специализации и резерва специализации, которые выявлены по коэффициентам локализации видов экономической деятельности. Для формирования дифференцированных предложений по приоритетам региональной политики использована структурно-отраслевая типология регионов.

Результаты исследования. Полученные оценки за 2010–2021 гг. показали отсутствие в регионах России явно выраженной жесткой взаимосвязи характера изменения производительности труда и уровня диверсификации экономики: выявлены территориально-дифференцированные их сочетания, что предопределяет необходимость избирательного подхода к определению приоритетов государственной поддержки регионов.

Обсуждение и заключение. Практической реализацией исследования должно стать уточнение приоритетов государственной региональной политики по поддержке эффективной диверсификации экономики российских регионов на основе ускоренного развития отраслей их новой специализации на продукции и услугах с высокими уровнями инновационной активности и экспортной ориентированности. Перспективы исследования связаны с обоснованием специфических механизмов поддержки опережающего развития комплекса высокотехнологичных видов экономической деятельности в регионах.

© Гришина И. В., Полюнев А. О., Угрюмова А. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: производительность труда, диверсификация экономики, экономика региона, отраслевая структура, отраслевая специализация региона

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Е. В. Нестеркиной и А. С. Гришину за неоценимую помощь в сборе и обработке данных, проведении расчетов, а также рецензентам за конструктивную критику, позволившую улучшить изложение материала.

Для цитирования: Гришина И. В., Полынев А. О., Угрюмова А. А. Влияние диверсификации экономики на производительность труда в российских регионах // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 4. С. 691–711. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.691-711>

The Impact of Economic Diversification on Labor Productivity in Russian Regions

I. V. Grishina^{a,b}✉, A. O. Polynev^{a,b}, A. A. Ugryumova^b

^a Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russian Federation)

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)

✉ grishinaiv@mail.ru

Abstract

Introduction. Achieving national goals requires reducing the dependence on commodity exports based on the diversification of the economic structure, which has its own characteristics in regions with different industrial specialization, having a different impact on labor productivity. The purpose of the article is to determine the impact of diversification of the regional sectoral structure on the level and dynamics of labor productivity in the regions.

Materials and Methods. In the first block, the impact of economic diversification on the dynamics of labor productivity and economic activity in the regions was assessed. I. In the second block, the assessment of the impact of the development of regional types of economic activities of specialization and types of economic activities of the reserve of specialization was carried out by assessing the levels of labor productivity, innovation activity and export orientation of types of economic activities. The structural and sectoral typology of regions was used to form differentiated proposals on regional policy priorities.

Results. The estimates obtained for 2010–2021 showed the absence of a pronounced rigid relationship between the nature of changes in labor productivity and the level of economic diversification in Russia's regions: geographically differentiated combinations of them were identified, which determines the need for a selective approach to determining the priorities of state support for regions.

Discussion and Conclusion. The practical implementation of the study should be the clarification of the priorities of the state regional policy to support the effective diversification of the economy of the Russian regions based on the accelerated development of their new specialized industries with high levels of innovation activity and export orientation. The prospects of the study are related to the substantiation of specific mechanisms to support the advanced development of a complex of high-tech types of economic activity in the regions.

Keywords: labor productivity, diversification of economics, regional economics, sectoral structure, regional industry specialization

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article was written within the framework of the research work of RANEPА.

Acknowledgements. The authors express their gratitude to E. V. Nesterkina and A. S. Grishin for their invaluable assistance in collecting and processing data and conducting calculations, as well as to the reviewers for constructive criticism, which made it possible to improve the presentation of the material.

For citation: Grishina I.V., Polynev A.O., Ugryumova A.A. The Impact of Economic Diversification on Labor Productivity in Russian Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):691–711. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.691-711>

Введение. Важным условием устойчивости социально-экономического развития России в среднесрочной и долгосрочной перспективе является реализация проактивной государственной стратегии пространственного развития, обеспечивающей достижение национальных целей¹ в территориальном разрезе, что предполагает повышение производительности труда и создание на базе комплекса несырьевых отраслей высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора экономики, научно-технологическое развитие.

Для практического решения данных задач необходимо проведение на федеральном и региональном уровнях политики последовательной диверсификации экономики российских регионов за счет приоритетного развития высокотехнологичных несырьевых отраслей с повышенным уровнем добавленной стоимости.

Под диверсификацией в данном исследовании понимается изменение структуры региональной экономики за счет изменения соотношений между различными видами экономической деятельности (далее – ВЭД), включая отрасли рыночного и нерыночного (бюджетного) секторов, т. е. за счет структурных сдвигов под воздействием различных экзогенных и эндогенных факторов. При анализе процессов диверсификации в регионах России первостепенное значение имеют выявление и оценка в составе рыночного сектора ВЭД с относительно высокой концентрацией в конкретном регионе, отражающей его производственную специализацию, ориентированную на мировой или общероссийский рынки. Наряду с отраслями региональной специализации, объектом комплексного исследования процессов диверсификации выступают также ВЭД, относящиеся к отраслям резерва специализации, имеющие в данном регионе относительно невысокую локализацию, но опережающую динамику роста, и за счет этого претендующие на вхождение в состав специализирующих ВЭД.

Следует выделить два основных типа диверсификации экономики региона: на основе развития новой специализации, и локально ориентированную диверсификацию, предполагающую развитие и рост доходности существующих ВЭД специализации, расширяющих перспективы развития комплексизирующих видов деятельности, ориентированных в основном на региональный рынок товаров и услуг². При этом именно первый тип диверсификации, обусловленный опережающим развитием в регионе ориентированных на мировой или национальный товарные рынки высокотехнологичных отраслей, в наибольшей степени обеспечивает рост производительности за счет наиболее эффективного использования ключевых конкурентных преимуществ данного региона.

Наличие разных типов диверсификации, обусловленных как различиями в существующей отраслевой специализации экономики регионов, так и в перспективах ее трансформации, неизбежно приводит к разным последствиям для изменения производительности труда в регионах, вызывая разные по

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] : указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015#print> (дата обращения: 30.08.2024).

² Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития : моногр. / отв. ред. Р. С. Гринберг, П. В. Савченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2021. 596 с.

масштабу и даже по направлению изменения. Целью данного исследования стал анализ и комплексная оценка влияния процессов диверсификации экономики российских регионов на уровень и динамику производительности труда в них с учетом структурно-отраслевых особенностей различных регионов и характера развития ключевых секторов их экономики, оцениваемого по расширенной номенклатуре ВЭД.

Обзор литературы. Среди используемых в современных зарубежных исследованиях методических подходов к оценке диверсификации отраслевых структур следует выделить предложенный С. Идальго и Р. Хаусманном индекс экономической сложности, позволяющий оценить сложность структуры производства страны на основе совокупности данных о номенклатуре и объемах экспортируемых товаров, а также об общем числе стран, для которых соответствующий продукт является статьей экспорта [1]. Сложность экономической структуры в значительной степени обусловлена взаимосвязанностью, близостью (proximity) производимых продуктов, например, в отраслях машиностроения, а потенциал экономического роста (в том числе на основе роста производительности труда) может быть определен через существующие разрывы между достигнутой сложностью экономики стран и фактическим уровнем их доходов.

Согласно устоявшейся международной практике, оценка производительности труда на национальном уровне осуществляется на основе объема ВВП, произведенного за 1 час рабочего времени (GDP per hour worked indicator)³. Соответственно, на региональном уровне указанный подход предполагает, как наиболее репрезентативную, оценку производительности труда на основе соотношения объема валового регионального продукта (далее – ВРП) региона и количества отработанного в его экономике рабочего времени.

Многочисленные зарубежные исследования характера развития отраслей национальной и региональной экономики, в том числе государственной поддержки процессов их диверсификации, проводились с учетом оценки воздействия различных экзогенных факторов, включая влияние инфляции на рост инновационной активности фирм [2], смягчение влияния экономических кризисов и волатильности рынков на высокодиверсифицированную экономику [3], миграцию предпринимателей и квалифицированных специалистов, в том числе в США⁴ и Китае [4], в контексте формирования глобальных (межстрановых) цепочек добавленной стоимости [5] и воздействия диверсификации на устойчивость экономического развития регионов [6].

В исследованиях зарубежных авторов нашли широкое применение различные коэффициенты (индексы), характеризующие структуру региональной экономики, степень ее диверсифицированности под определенным углом зрения. Одним из наиболее распространенных в региональных исследованиях является Индекс (коэффициент) Хэчмена, характеризующий сравнительную близость отраслевой

³GDP Per Hour Worked [Электронный ресурс] / Productivity. OECD iLibrary. <https://doi.org/10.1787/1439e590-en>

⁴Anderson S. Immigrant Entrepreneurs and U.S. Billion Dollar Companies [Электронный ресурс] // National Foundation for American Policy. 2022. July. URL: <https://www.immigrationresearch.org/system/files/2022-BILLION-DOLLAR-STARTUPS.NFAP-Policy-Brief.2022.pdf> (дата обращения: 19.04.2024).

структуры производства (или численности занятых) в регионе к аналогичной структуре по национальной экономике и позволяющий учитывать сравнительный масштаб региональной экономики.

Формирование отечественных подходов к исследованию процессов диверсификации экономики во взаимосвязи с экономическим ростом во многом опиралось на зарубежные труды, однако к настоящему времени утвердились свои научные направления, вносящие вклад в изучение диверсификации экономики, в том числе на региональном уровне. Так, в некоторых работах показано, что диверсификация региональной экономики связана с возникновением нового конкурентоспособного сектора, повышением взаимосвязи различных отраслей, ростом долей высоко- и среднетехнологичных видов экономической деятельности⁵. Я. Ю. Ефетин и Е. С. Куценко рассматривают процессы диверсификации в региональной экономике через призму изучения взаимосвязей стратегических зон хозяйствования с существующим ядром специализации региона [7].

Н. Н. Михеева определяет позитивное влияние диверсификации на экономический рост в несырьевых регионах [8]. Данный вывод подтверждается также в исследованиях, посвященных изучению диверсификации во взаимосвязи с существующей специализацией регионов⁶ [9; 10].

Отдельное направление исследований представлено изучением экспортной диверсификации регионов: в частности, определены условия развития этого процесса в Свердловской области⁷, проанализированы особенности диверсификации экспорта в приграничных регионах России [11].

Для измерения степени диверсификации экономики различных регионов России применяются широко зарекомендовавшие себя в международной практике методы (на основе эталонного, нормируемого и портфельного подходов, на основе гипотетических предположений) и коэффициенты – локализации, специализации, энтропии и др. [12]. Разнообразие применяемых подходов и методов оценки, на наш взгляд, допускает вариативность набора предлагаемых решений для каждого региона, спектр которых варьируется от целесообразности стимулирования диверсификации за счет создания новых отраслей до необходимости углубления существующей специализации экономики.

⁵Афанасьев М. Ю. Новые ориентиры в диверсификации региональной экономики // Применение многомерного статистического анализа в экономике и оценке качества : материалы XII Междунар. научн. конф. им. С. А. Айвазяна (21–23 сент. 2022 г.) / отв. ред. В. С. Мхитарян ; НИУ «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом ВШЭ, 2022. 180 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2716-0> ; Дубровская Ю. В. Управление пространственным развитием национальной экономики на основе реформирования межрегионального взаимодействия: методология и практика : автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 5.2.3. Пермь, 2023. 40 с.; Междисциплинарное исследование процессов трансформации социально-экономического пространства и территориального развития регионов России : моногр. / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф., акад. РАН В. В. Окрепилова, д-ра экон. наук, проф. С. В. Кузнецова. СПб. : ГУАП, 2021. 469 с.

⁶Крюков В. А., Коломак Е. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Что делать? Полемиические заметки к вопросу о стратегии развития России / ВЭО России, РАН. М., 2021. № 1 (227). С. 116–133. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-227-1-92-114> ; Старикова О. В. Экономическая трансформация промышленных территорий как фактор устойчивого сбалансированного развития региона : дис. ... канд. экон. наук. М., 2022. 174 с.

⁷Войтенков В. А., Уразбаева А. Р., Васильева Р. И. Факторы экспортной диверсификации в Свердловской области: определение направлений развития // Развитие территориальных социально-экономических систем. Вопросы теории и практики : сб. науч. ст. / под общ. ред. Ю. Г. Лавриковой. Екатеринбург : ИЭ УрО РАН, 2022. С. 114–116.

Для оценки производительности труда в российских регионах в качестве наиболее обобщающего показателя используется соотношение результатов экономической деятельности в регионе с оценкой экономических ресурсов, затраченных на обеспечение указанных результатов. Официальные регламенты для оценки производительности труда в регионах разработаны Росстатом и Минэкономразвития России.

Особенностями подхода Росстата⁸ являются, с одной стороны, использование исключительно индексной формы показателя производительности труда в регионе, отражающей ее изменение по отношению к предыдущему периоду, но не допускающей проведения межрегиональных сопоставлений по ее величине (например, среднечасовой, среднедушевой), а с другой – применение в знаменателе формулы индекса совокупных затрат труда в регионе, что приближает методику к международным подходам, в частности, к методологии Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) и позволяет элиминировать влияние на производительность таких современных глобальных особенностей рынка труда, как неполная занятость, дистанционная работа, неточности учета труда мигрантов и др.

В свою очередь, Минэкономразвития России утвердило собственную методику⁹, в соответствии с которой производительность труда в регионе может быть определена с использованием стоимостного показателя (валовой добавленной стоимости) в соотношении с числом работников, что допускает проведение межрегиональных сопоставлений по среднедушевой производительности труда, выраженной в рублях на человека. Особенности разных подходов к оценке производительности труда в региональном разрезе подробно рассмотрены в работе Н. В. Трофимовой и соавторов, увязывающей изменения производительности труда со спецификой региональной экономики [13].

Факторный анализ производительности труда, проведенный Г. И. Поподько и О. С. Нагаевой, выявил, что за изменение производительности труда в ресурсных и нересурсных регионах ответственны разные причины: в целом позитивное влияние диверсификации на экономический рост и производительность труда регионов увеличивается по мере роста доли несырьевого сектора в их экономике, однако для регионов с преобладанием сырьевого сектора сохраняется значимость укрепления специализации [14]. Исследование Е. А. Коломак и соавторов показало, что на возможности диверсификации и повышение производительности труда в регионе положительно влияет локализация предприятий вблизи агломерационного центра¹⁰.

⁸ Об утверждении Методики расчета показателя «Индекс производительности труда» [Электронный ресурс]: приказ Федеральной службы государственной статистики от 28 апр. 2018 г. № 274. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr274-280418\[3\].pdf](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pr274-280418[3].pdf) (дата обращения: 19.04.2024).

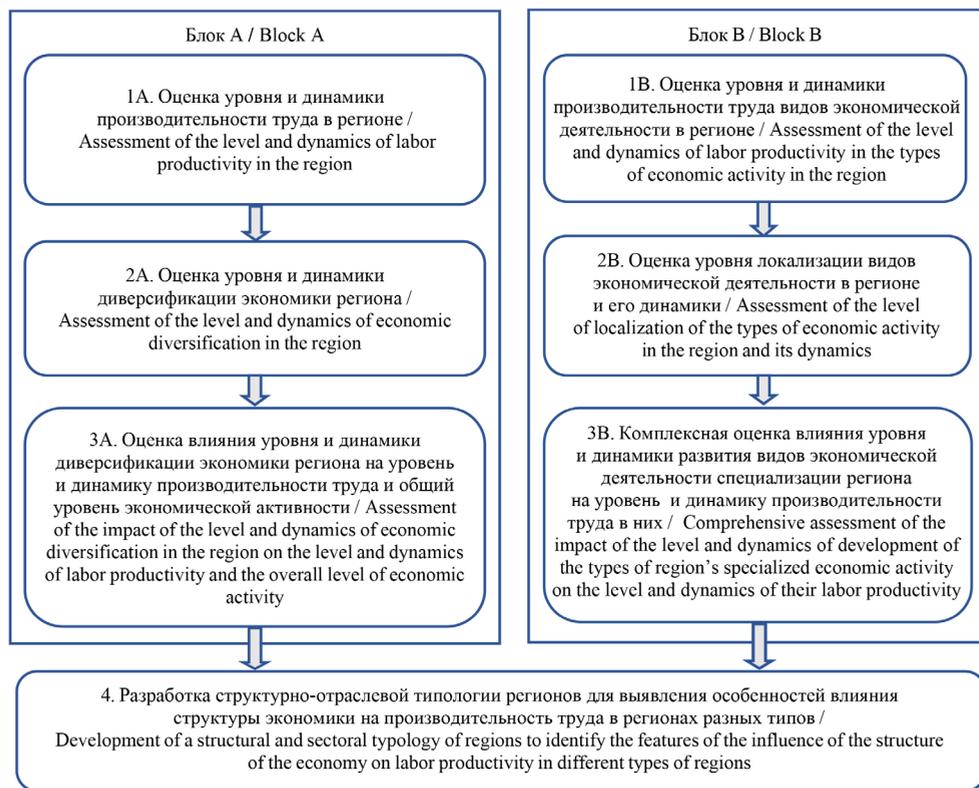
⁹ О внесении изменений в методику расчета показателей производительности труда предприятия, отрасли, субъекта Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Минэкономразвития России от 20 дек. 2021 г. № 778. URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitiija-rossii-ot-20122021-n-778-o-vnesenii/?ysclid=li7kknbsnb273390161> (дата обращения: 19.04.2024).

¹⁰ Коломак Е. А., Костин А. В., Шерубнева А. И. Оценка влияния пространственных факторов на экономическую активность Новосибирской области // Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: материалы IV Всеросс. научн.-практ. конф. ИЭОПП СО РАН и ИНП РАН (Россия, г. Белокуриха, 24–25 марта 2022 г.). Т. 4 / отв. ред. А. О. Баранов, А. А. Широков. Новосибирск, 2022. С. 139–146.

В целом, несмотря на проработанность тематики, в современных исследованиях, на наш взгляд, недостаточно полно учитывается чрезвычайно разнообразная специфика отраслевых структур всей совокупности регионов страны, что иллюстрируется, в частности, оценкой соответствующих отраслевых параметров только в разрезе укрупненных (агрегированных) видов экономической деятельности. Данное исследование призвано в максимальной степени восполнить вышеуказанные пробелы за счет рассмотрения более детализированной структуры экономики российских регионов.

Материалы и методы. Комплексная оценка влияния процессов диверсификации экономики в регионах России на уровень и динамику в них производительности труда выполнена на основе логической схемы, приведенной на рисунке 1.

Р и с. 1. Логическая схема комплексной оценки процессов диверсификации экономики регионов и их влияния на производительность труда

F i g. 1. Logical scheme for a comprehensive assessment of the processes of diversification of the regional economy and their impact on labor productivity

Информационной базой оценки процессов диверсификации экономики и производительности труда в регионах России является официальная отчетность Росстата¹¹. В качестве оцениваемого ретроспективного временного периода использован период с 2010–2012 по 2019–2021 гг.

¹¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

В рамках первого блока исследования (блок А) расчет производительности труда по экономике регионов осуществлен с применением соотношения ВРП / валовой добавленной стоимости (далее – ВДС) региона с величиной отработанных человеко-часов и индексов динамики производительности труда за период 2010–2021 гг., что позволило оценить динамику ее изменения в регионах путем сопоставления уровневых показателей производительности труда и их приведения к сопоставимому виду с вычислением годовых индексов цен.

Использованный в процессе исследования методический подход к оценке уровня диверсификации отраслевой структуры экономики по каждому региону основан на применении следующих основных принципов: 1) учет уровня локализации того или иного ВЭД на территории соответствующего региона; 2) учет фактора прогрессивности отраслевой структуры региона, исходя из приоритетных направлений государственной политики по преодолению сырьевой ориентации национальной экономики и опережающему развитию высокотехнологичных отраслей с высокой добавленной стоимостью, а также сектора услуг, включая социально-значимые виды услуг; 3) сопоставление параметров уровня диверсификации экономики оцениваемого региона с аналогичными характеристиками по России в целом.

Показатель (индекс) диверсификации отраслевой структуры экономики (I_{div}) рассчитан на основе произведения значения коэффициента Хэчмена по соответствующему региону и коэффициента прогрессивности его отраслевой структуры по следующей формуле:

$$I_{div} = H_{HAC} \cdot K_{ps} = \frac{1}{\sum_{i=1}^M [LQ_i \cdot S_i^r]} K_{ps},$$

где H_{HAC} – коэффициент диверсификации Хэчмена по региону; K_{ps} – коэффициент прогрессивности отраслевой структуры экономики региона; LQ_i – коэффициент локализации по среднесписочной численности работников i -го ВЭД в регионе; S_i^r – доля i -го ВЭД по численности работников в регионе.

Коэффициент прогрессивности отраслевой структуры (K_{ps}) вычисляется как соотношение (региональной и среднероссийской) суммарных долей ВДС по совокупности наиболее высокотехнологичных ВЭД: обрабатывающих производств, ключевых социально-значимых и основных рыночных услуг. Основными характеристиками уровня диверсификации региональной экономики выступают, таким образом, сравнительная степень разнообразия ее отраслевой структуры и совокупная доля наиболее значимых для обеспечения устойчивого развития региона ВЭД.

Региональные значения уровня диверсификации на конец анализируемого ретроспективного периода рассчитывались в среднем за 2019–2021 гг. Оценка динамики процессов диверсификации экономики российских регионов проведена на основе расчета индекса динамики ее уровня за весь рассматриваемый ретроспективный период, определяемого как соотношение индексов диверсификации соответственно на конец и начало (в среднем за 2010–2012 гг.)

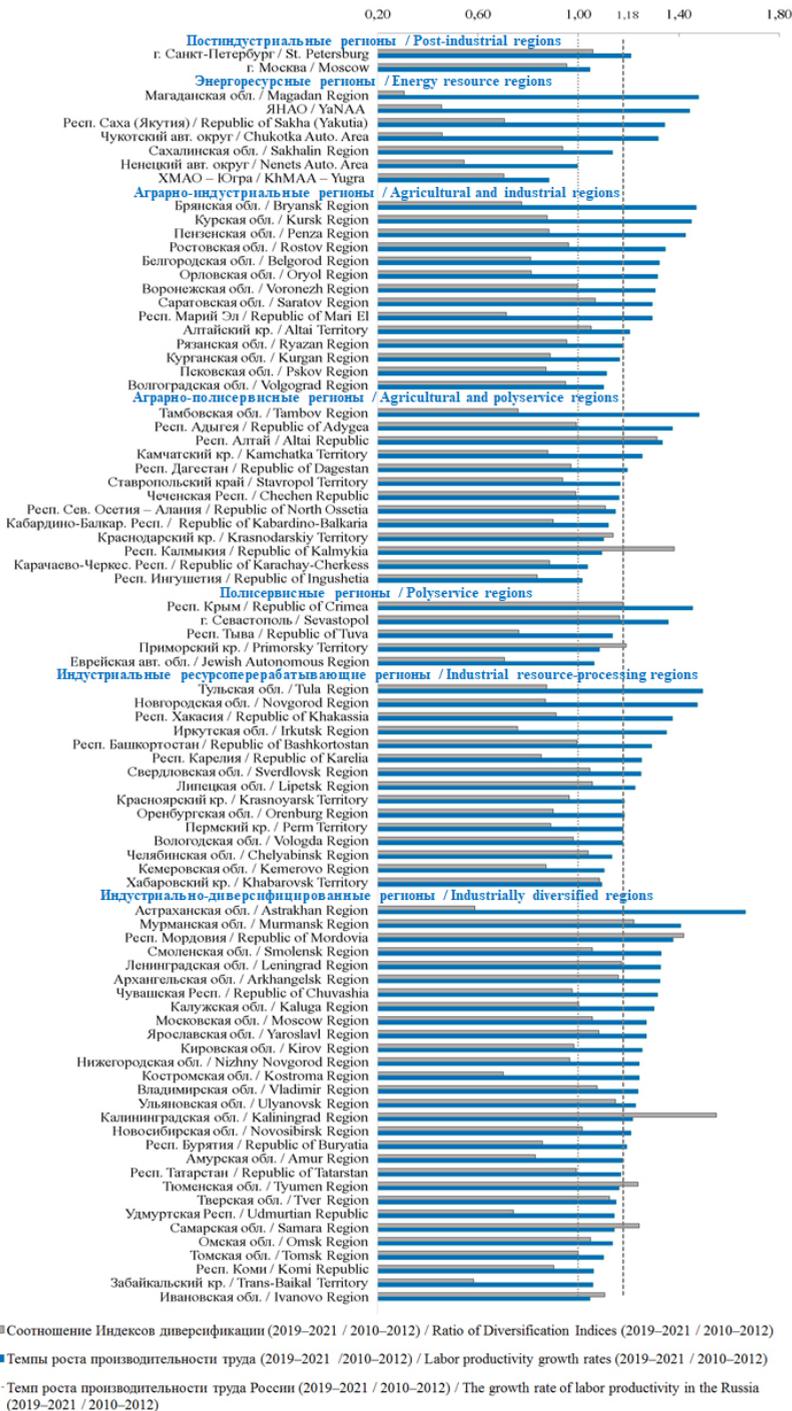
этого периода. Количественным критерием процесса диверсификации экономики региона является превышение указанным динамическим индексом значения 1,0.

Используемая в исследовании высокодетализированная структурно-отраслевая типология была ранее предложена авторами при разработке экономического блока Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. и включает следующие типы регионов, выделяемые исходя из удельного веса основных отраслей в общем объеме валовой добавленной стоимости: постиндустриальные; энергоресурсные; аграрно-индустриальные; аграрно-полисервисные; полисервисные (бюджетно-полисервисные); индустриальные ресурсоперерабатывающие; индустриально-диверсифицированные [15]. В рамках указанной типологии возможно не только четко выделить традиционно исследуемые ресурсные/нересурсные регионы, но и показать особенности влияния процессов диверсификации на производительность труда для каждой из шести типологических групп нересурсных регионов.

Выполненная в рамках второго блока исследования (блока В) комплексная оценка ключевых региональных ВЭД и их влияния на уровень и динамику производительности труда предполагает предварительную идентификацию данных видов деятельности, определяющих современный уровень и динамику диверсификации структуры региональной экономики. В число оцениваемых ВЭД включены как отрасли специализации региона, так и отрасли резерва его специализации с относительно высокими темпами роста. Для их идентификации применены коэффициенты локализации ВЭД по объему отгруженных товаров собственного производства (выполненных собственными силами работ, услуг), среднегодовой численности работников, объему инвестиций в основной капитал.

Наряду с оценкой производительности труда в отраслях специализации регионов проведена также оценка наиболее значимых факторов ее динамики, в том числе сравнительных уровней инновационной активности и экспортной ориентированности в расчете на 1 среднесписочного работника. Эффективность ключевых ВЭД оценивалась на основе соотношений регионального и среднероссийского, а также регионального и эталонного (по лидирующему региону) значений указанных характеристик.

Результаты исследования. Выполненная нами сравнительная оценка динамики производительности труда и диверсификации структуры экономики российских регионов за период с 2010 по 2021 г. указывает на отсутствие жесткой взаимосвязи и проявления противоположных трендов количественного изменения их региональных параметров. При этом, как показано на рисунке 2, по динамике производительности труда и изменению уровня диверсификации экономики отмечается значительная дифференциация региональных параметров, не связанная с общим уровнем социально-экономического развития соответствующих регионов.

Р и с. 2. Сравнительная оценка динамики производительности труда и изменения уровня диверсификации экономики в разрезе типологических групп регионов России

Fig. 2. Comparative assessment of labor productivity dynamics and changes in the level of economic diversification in the context of typological groups of Russian regions

В частности, по темпам роста производительности труда при среднероссийской динамике, равной 1,18 раза к уровню базисного периода (2010–2012 гг.), в числе лидирующих 10 субъектов Федерации с наиболее высокими ее темпами (свыше 1,4 раза к базисному уровню) представлены регионы юга России (Астраханская область, Республика Крым), Крайнего Севера (Ямало-Ненецкий автономный округ, Магаданская область), ряд регионов европейской части страны (Брянская, Курская, Новгородская, Тамбовская, Тульская, Пензенская области). Напротив, в числе замыкающих 10 регионов по динамике производительности труда с ее темпами, составившими не более 1,1 раза к уровню базисного периода, представлены как важнейшие наиболее экономически развитые субъекты Федерации (г. Москва, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), так и высокочотационные регионы с относительно низким экономическим потенциалом (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия, Забайкальский край, Еврейская автономная область), для которых на перспективу особенно востребована опережающая динамика социально-экономического развития.

Проведенный авторами анализ показал, что развитие в регионах процессов диверсификации их экономики имеет совершенно различные тренды по своей направленности и интенсивности. Диапазон вариации региональных параметров динамики ее уровней в среднем за 2019–2021 гг. к 2010–2012 гг. составил от 1,55 раза в Калининградской области до 0,31 – в Магаданской области. При этом рост уровня диверсификации за указанный период отмечен только в 32 из 85 субъектов Российской Федерации. Следует особо выделить существенный рост за данный период (не менее 1,25 раза) степени диверсификации экономики в таких разных по своему социально-экономическому положению регионах, как Тюменская и Самарская области, с одной стороны, и республики Калмыкия и Алтай – с другой [16]. Значительное снижение уровня диверсификации наиболее рельефно проявилось как в преимущественно сырьевых регионах с углублением их существующей специализации (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Республика Саха, Магаданская область, Ненецкий и Чукотский автономные округа), так и в ряде регионов центра европейской части России, включая Белгородскую, Брянскую, Орловскую, Костромскую, Курскую, Тамбовскую, Тульскую области.

По выделенным типологическим группам наиболее высокие в настоящий период уровни диверсификации отраслевых структур отмечены в постиндустриальных, индустриально-диверсифицированных и аграрно-индустриальных регионах, крайне низкие – в энергоресурсных регионах (таблица).

Результаты проведенного исследования также показывают, что, с одной стороны, наиболее высокий уровень вклада в общероссийскую экономику имеют постиндустриальные и энергоресурсные субъекты Российской Федерации, суммарно производящие почти 40 % от совокупного по всем российским регионам объема ВРП при общей их доле в стране по численности населения, равной около 15 %. С другой стороны, в совокупности 32 аграрно-индустриальных, аграрно-полисервисных, а также бюджетно-полисервисных региона (с суммарной долей в России по численности населения свыше 31 %) производят менее 17 % от общероссийского объема ВРП.

Т а б л и ц а. Динамика уровня диверсификации экономики и производительности труда по типам регионов России за 2010–2021 гг.
 T a b l e. Dynamics of the level of economic diversification and labor productivity by type of Russian regions in 2010–2021

Типы регионов / Types of regions	Число субъектов Федерации / The number of subjects of the RF	Индекс уровня диверсификации экономики / Index of the level of economic diversification		Темп роста про- изводительности труда (2019–2021 гг. к 2010–2012 гг.), % / The growth rate of labor productivity (2019–2021 to 2010–2012), %	Доля в численности населения России (2021 г.), % / Share in the population of the RF (2021), %	Доля в совокупном объеме ВРП регионов (2021 г.), % / Share in the total GRP of the regions (2021), %
		2010–2012	2019–2021			
Постиндустриальные / Post-industrial	2	0,883	0,869	108,9	12,4	28,0
Энергетические / Energy resource	7	0,102	0,070	112,8	2,7	11,2
Индустриально- диверсифицированные / Industrially diversified	29	0,662	0,694	122,4	32,8	26,3
Индустриальные ре- сурсы/перерабатываю- щие / Industrial resource processing	15	0,639	0,617	122,9	21,1	18,0
Аграрно-индустриальные / Agricultural and industrial	14	0,689	0,650	128,6	15,5	8,9
Аграрно-полисервисные / Agricultural and polyservice	13	0,582	0,598	116,3	12,3	5,8
Полисервисные (бюджетно- полисервисные) / Polyservice (budget- polyservice)	5	0,474	0,548	125,0	3,3	1,8
Все регионы / All regions	85	–	–	117,9	100,0	100,0

Выявленное в ряде российских регионов сочетание относительно высоких темпов роста производительности труда и роста уровня диверсификации экономики указывает на опережающее развитие в них высокопроизводительных отраслей специализации с высоким мультипликативным эффектом, предполагающим параллельный рост в регионе вспомогательных и обслуживающих видов деятельности.

В наибольшей мере указанное сочетание наблюдалось в индустриально-диверсифицированных регионах, в частности в Республике Мордовия, показавшей опережающий среднегодовой рост производительности труда в производстве электрических ламп и осветительного оборудования (104,9 %) и в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий (112,8 %), и в Калининградской области, где среднегодовой рост производительности труда составил 129,2 % в производстве мебели, а в деятельности морского грузового транспорта – 138,5 %. Вместе с тем сочетание роста производительности труда и снижения уровня диверсификации экономики особенно ярко проявилось в энергоресурсных, в меньшей степени – в индустриальных ресурсоперерабатывающих регионах.

В соответствии с полученными итоговыми результатами распределения специализирующих видов экономической деятельности с высокой производительностью труда между регионами различных типологических групп можно констатировать явно выраженное их сосредоточение в постиндустриальных субъектах Российской Федерации, индустриально-диверсифицированных, в меньшей степени – в индустриальных ресурсоперерабатывающих регионах (соответственно 52, 77 и 32 ВЭД) (рис. 3). Необходимо также отметить высокий уровень инновационной активности специализирующих видов экономической деятельности в регионах индустриально-диверсифицированной, индустриальной ресурсоперерабатывающей и аграрно-индустриальной типологических групп, а экспортной ориентированности – в энергоресурсных и индустриально-диверсифицированных регионах.

Анализ распределения высокоэффективных (высокопроизводительных) региональных специализаций по совокупности регионов соответственно с ростом и со снижением уровней диверсификации экономики в разрезе выделенных типологических групп показывает, что при наличии примерного равенства обеих групп специализирующих отраслей по России в целом (соответственно 107 и 103 ВЭД) значительное (шестикратное) превышение числа данных отраслей в регионах с ростом диверсификации характерно только для индустриально-диверсифицированной их группы (66 и 11 соответственно). Напротив, на фоне усиления роли существующих региональных специализаций и параллельного снижения уровня диверсификации отраслевых структур, локализация отраслей специализации с высокой производительностью труда, а также с высокой инновационной активностью и экспортной ориентированностью особенно явно выражена в энергоресурсных (соответственно 13, 5 и 29 ВЭД) и аграрно-индустриальных (24, 39 и 11 ВЭД) регионах России.

Тип региона / Type of region	Число ВЭД специализации с относительно высокой / относительно низкой / The number of branches of specialization with relatively high / relatively low					
	производительность труда / labor productivity		инновационной активностью / innovative activity		экспортной ориентированностью / export orientation	
	в регионах с ростом уровня диверсификации / regions with an increasing level of diversification	в регионах со снижением уровня диверсификации / regions with a decreasing level of diversification	в регионах с ростом уровня диверсификации / regions with an increasing level of diversification	в регионах со снижением уровня диверсификации / regions with a decreasing level of diversification	в регионах с ростом уровня диверсификации / regions with an increasing level of diversification	в регионах со снижением уровня диверсификации / regions with a decreasing level of diversification
Постиндустриальные / Post-industrial						
Энергоресурсные / Energy resource	–		–		–	
Индустриально-диверсифицированные / Industrially diversified						
Индустриальные ресурсоперерабатывающие / Industrial resource processing						
Аграрно-индустриальные / Agricultural and industrial						
Аграрно-полисервисные / Agricultural and polyservice						
Полисервисные (бюджетно-полисервисные) / Polyservice (budget-polyservice)						
Все регионы / All regions						

Относительно высокая / Relatively high
 Относительно низкая / Relatively low

Р и с. 3. Распределение видов экономической деятельности специализации регионов с высокой/низкой производительностью труда, инновационной активностью и экспортной ориентированностью в зависимости от динамики уровня диверсификации экономики в 2010–2021 гг. по основным типам регионов России

F i g. 3. The regional distribution of specialized types of economic activities with high/low labor productivity, innovation activity and export orientation, depending on the dynamics of the level of economic diversification in 2010–2021 by the main types of Russia's regions

Пространственное распределение по территории России высокопроизводительных региональных специализаций отражает исключительно высокую локализацию ВЭД со сравнительно высокими уровнями производительности труда в регионах Центрального и Северо-Западного федеральных округов, на которые суммарно приходится 152 высокопроизводительные специализирующие отрасли, включая отрасли резерва специализации, при этом 107 таких отраслей относятся к регионам Центрального, а 45 отраслей – к регионам Северо-Западного федеральных округов. В целом по совокупности регионов Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов общее количество высокоэффективных региональных специализаций составило только 34, что связано, в частности, с относительно большим числом регионов в азиатской части России с узкой специализацией на продукции преимущественно сырьевых отраслей и, соответственно, с меньшей сложностью отраслевых структур.

Наряду с этим следует отметить повышенный уровень локализации ВЭД с высокой инновационной активностью в регионах Центрального (60 отраслей) и Приволжского (35), а с высокой экспортной ориентированностью – в регионах Центрального (38) и Северо-Западного федеральных округов (30 отраслей).

Полученные нами результаты исследования по оценке влияния процессов диверсификации экономики на уровень и динамику производительности труда в регионах России с учетом их структурно-отраслевой типологии позволяют уточнить приоритетные направления структурных изменений экономики регионов различных типов на перспективу и предложить механизмы их федеральной поддержки.

Обсуждение и заключение. Устойчивый рост в России производительности труда, по нашему мнению, может быть обеспечен путем поддержки процессов диверсификации экономики в большинстве регионов, относящихся к постиндустриальной, индустриально-диверсифицированной, индустриальной ресурсоперерабатывающей, а также к аграрно-индустриальной их группам на основе приоритетного развития как существующих, так и новых специализирующих видов экономической деятельности с высокой добавленной стоимостью, обладающих одновременно высокой инновационностью и экспортной ориентированностью.

В целом полученные результаты подтверждают оценки отечественных исследователей о положительном влиянии диверсификации на экономический рост и производительность труда в регионах преимущественно нересурсного типа и с наличием агломераций. Вместе с тем установлено, что относительно высокие темпы роста производительности труда были достигнуты в индустриальных ресурсоперерабатывающих и в аграрно-индустриальных регионах даже на фоне снижения их относительно высокого уровня диверсификации (в среднем по этим группам – свыше 0,600), в индустриально-диверсифицированных регионах – при разнонаправленных тенденциях его изменения, а в полисервисных (бюджетно-полисервисных) регионах – только на фоне заметного повышения уровня диверсификации.

Проведенный анализ показал, что в качестве приоритетных направлений федеральной поддержки следует рассматривать те виды деятельности, за счет развития которых в период 2010–2021 гг. было обеспечено одновременное повышение

производительности труда и рост диверсификации экономики регионов, что в итоге должно стимулировать поддержание необходимой устойчивости их социально-экономического развития. К таким ВЭД в первую очередь относятся:

- высокотехнологичные: фармацевтика, производство летательных аппаратов, электронных компонентов, вычислительной техники;
- эколого-ориентированные: устранение загрязнений окружающей среды, сбор сточных вод, отходов;
- строительные: производство стройматериалов, инженерные сооружения;
- машиностроительные: производство машин, автотранспортных средств и комплектующих;
- аграрные: услуги в области сельского хозяйства, растениеводство, животноводство;
- ВЭД, обеспечивающие транспортную доступность различными видами транспорта;
- ВЭД, сопряженные с развитием информационных технологий и отвечающие за цифровую трансформацию всех остальных видов деятельности.

В менее развитых регионах с низким уровнем диверсификации экономики и крайне низкой производительностью труда, относящихся преимущественно к аграрно-полисервисной и бюджетно-полисервисной типологическим группам (Забайкальский край, Республика Тыва, Республика Калмыкия, ряд республик Северного Кавказа и др.), сохраняется актуальность федеральной поддержки развития отраслей их специализации, отличающихся высокой значимостью для национальной экономики (отрасли транспортной инфраструктуры, туристско-рекреационного комплекса, отдельные виды деятельности по добыче полезных ископаемых).

В основе структурных сдвигов должно лежать опережающее развитие и рост доли в отраслевой структуре экономики наиболее конкурентоспособных для каждого из регионов ВЭД, с перспективной ориентацией на общероссийский и зарубежные рынки товаров и услуг. Так, например, среди полисервисных регионов отраслевыми приоритетами для Карачаево-Черкесской Республики и Республики Алтай выступают отрасли туристско-рекреационного комплекса, для Приморского края – отрасли транспортной инфраструктуры (включая деятельность морского грузового и пассажирского транспорта), лесной комплекс, рыболовство, переработка и консервирование морепродуктов.

Учитывая результаты исследования, показавшего, что снижение уровня диверсификации в энергоресурсных регионах сопровождалось относительно низкими темпами роста производительности труда (при ее высоких исходных уровнях), для этой группы регионов углубление специализации, как оказалось, совершенно необязательно способствует росту производительности, в связи с чем в них также целесообразна реализация стратегий диверсификации. На перспективу важно закрепление для всех типов регионов Российской Федерации сформировавшегося тренда по снижению в общем количестве реализуемых мер поддержки доли сырьевых отраслей, перенесение акцентов на развитие перерабатывающего сектора и сектора услуг с обязательным отражением четко обоснованных отраслевых приоритетов в региональных стратегических документах [17].

Необходимо последовательно расширять спектр нефинансовых мер поддержки развития высокопроизводительных ВЭД – регуляторных, образовательных, информационных, имущественных и др.

Государственная поддержка, нацеленная на индустриально-диверсифицированные и постиндустриальные регионы, должна быть акцентирована на применение механизмов, призванных смягчить санкционное давление – инвестиционные вложения в технологическую и образовательную инфраструктуру, коммерциализацию прикладных исследований, поддержку инновационных стартапов и др.

Необходимо расширение сети индустриальных парков и инновационных научно-технологических центров в регионах с высокой концентрацией учреждений профессионального и среднего образования и применение всего комплекса экономических льгот для их резидентов; предоставление дополнительных льгот молодым специалистам, трудоустроенным на профильных предприятиях отраслей специализации регионов России, производящих высокотехнологичные (в том числе импортозамещающие) виды продукции и услуг; разработка и имплементация системы экономических льгот, направленных на привлечение иностранных инвестиций в производство такой продукции и услуг.

Для каждого российского региона при разработке стратегии его структурной трансформации возможен и целесообразен индивидуальный подход к оценке необходимости как роста уровня диверсификации, так и углубления специализации экономики, опирающийся на полную информацию и доскональный учет структурных особенностей конкретного региона. В долгосрочной перспективе данный подход в государственной региональной политике позволит поддержать курс на последовательное смягчение современной межрегиональной социально-экономической дифференциации.

Выявление характера и степени влияния диверсификации экономики на уровень и динамику производительности труда в регионах позволило получить развернутую картину особенностей протекания и взаимодействия данных процессов в пространстве России, которая может быть положена в основу выработки рекомендаций по наиболее актуальным мерам поддержки, дифференцированным по типологическим группам регионов. Включение в состав приоритетов государственной экономической политики курса на эффективную диверсификацию региональных экономик на основе ускоренного развития в различных регионах новых высокотехнологичных ВЭД, обеспечивающих технологический суверенитет и рост экспортного потенциала страны, будет способствовать созданию более благоприятных условий и предпосылок для успешного достижения национальных целей развития России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hidalgo C. A., Hausmann R. The Building Blocks of Economic Complexity // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2009. Vol. 106, issue 26. Pp. 10570–10575. <https://doi.org/10.1073/pnas.0900943106>
2. Inflation and Innovation Value: How Inflation Affects Innovation and the Value Strategy across Firms / L. A. Rocha [et al.] // Estudios económicos. 2021. Vol. 38, no. 76. Pp. 147–195. <https://doi.org/10.52292/j.estudecon.2021.2334>

3. Rorheim J.-E., Boschma R. Skill-Relatedness and Employment Growth of Firms in Times of Prosperity and Crisis in an Oil-Dependent Region // *Environment and Planning*. 2021. Vol. 54, issue 4. <https://doi.org/10.1177/0308518X211066102>
4. Wang G. Y. Talent Migration in Knowledge Economy: The Case of China's Silicon Valley, Shenzhen // *Journal of International Migration and Integration*. 2022. Vol. 23, issue 3. Pp. 1175–1196. <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00875-5>
5. Boschma R. Global Value Chains from an Evolutionary Economic Geography Perspective: A Research Agenda // *Area Development and Policy*. 2022. Vol. 7, issue 2. Pp. 123–146. <https://doi.org/10.1080/23792949.2022.2040371>
6. Zhong M. Does Industrial Diversification Increase the Resilience of Economic Growth? // *Frontiers in Business, Economics and Management*. 2023. Vol. 7, no. 2. Pp. 87–98. <https://doi.org/10.54097/fbem.v7i2.4849>
7. Еферин Я. Ю., Куценко Е. С. Адаптация концепции умной специализации для развития регионов // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2021. № 3. С. 75–110. URL: <https://vgmu.hse.ru/2021--3/508430731.html> (дата обращения: 19.04.2024).
8. Михеева Н. Н. Диверсификация структуры регионального хозяйства как стратегия роста: за и против // *Регион: экономика и социология*. 2016. № 4 (92). С. 196–217. <https://doi.org/10.15372/REG20160409>
9. Буфетова А. Н., Коломак Е. А. Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // *Вопросы экономики*. 2021. № 1. С. 120–142. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142>
10. Правдина Н. В., Данилова И. В. Стратегия дифференцированного развития субъектов РФ и оценка уникальности экономики регионов // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент*. 2021. Т. 15, № 4. С. 38–46. <https://doi.org/10.14529/em210404>
11. Епифанова Н. С. Возможности диверсификации отраслевой структуры торговых потоков приграничных регионов России на основе оценки выявленных сравнительных преимуществ // *Региональная экономика: теория и практика*. 2023. Т. 21, № 2. С. 204–229. <https://doi.org/10.24891/re.21.2.204>
12. Фурсенко Н. О. Проблемы измерения диверсификации региональной экономики // *Мир экономики и управления*. 2018. Т. 18, № 3. С. 126–139. <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-3-126-139>
13. Производительность труда в регионах Российской Федерации: сущность, факторы и резервы роста / Н. В. Трофимова [и др.] // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер.: Экономика*. 2022. Т. 2, № 40. С. 196–121. <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-2-40-111-121>
14. Поподько Г. И., Нагаева О. С. Оценка факторов роста производительности труда в ресурсных и нересурсных регионах России // *Фундаментальные исследования*. 2019. № 11. С. 138–143. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42601> (дата обращения: 19.04.2024).
15. Польшнев А. О., Гришина И. В. Методические подходы к построению типологии регионов для разработки стратегии пространственного развития России // *Региональная экономика. Юг России*. 2019. Т. 7, № 1. С. 29–41. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.3>
16. Гришина И. В., Польшнев А. О., Шкуропат А. В. Социально-экономическое положение регионов России в 2020 г.: методология и результаты ежемесячного мониторинга // *ЭКО*. 2021. № 7. С. 111–128. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-7-111-128>
17. Еферин Я. Ю. Роль стратегий в диверсификации экономики регионов: запланированное развитие против незапланированных результатов // *Регионология*. 2021. Т. 29, № 2. С. 283–305. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.115.029.202102.283-305>

REFERENCES

1. Hidalgo C.A., Hausmann R. The Building Blocks of Economic Complexity. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009;106(26):10570–10575. <https://doi.org/10.1073/pnas.0900943106>
2. Rocha L.A., Cárdenas L.Q., Reis F.A., Araújo Silva N.G., Soares de Almeida C.A. Inflation and Innovation Value: How Inflation Affects Innovation and the Value Strategy across Firms. *Estudios economicos*. 2021;38(76):147–195. <https://doi.org/10.52292/j.estudecon.2021.2334>

3. Rorheim J.-E., Boschma R. Skill-Relatedness and Employment Growth of Firms in Times of Prosperity and Crisis in an Oil-Dependent Region. *Environment and Planning*. 2021;54(4). <https://doi.org/10.1177/0308518X211066102>
4. Wang G.Y. Talent Migration in Knowledge Economy: The Case of China's Silicon Valley, Shenzhen. *Journal of International Migration and Integration*. 2022;23(3):1175–1196. <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00875-5>
5. Boschma R. Global Value Chains from an Evolutionary Economic Geography Perspective: A Research Agenda. *Area Development and Policy*. 2022;7(2):123–146. <https://doi.org/10.1080/23792949.2022.2040371>
6. Zhong M. Does Industrial Diversification Increase the Resilience of Economic Growth? *Frontiers in Business, Economics and Management*. 2023;7(2):87–98. <https://doi.org/10.54097/fbem.v7i2.4849>
7. Eferin Ya.Yu., Kutsenko E.S. Adjusting Smart Specialization Concept for Russian Regions. *Public Administration Issues*. 2021;(3):75–110. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vgmu.hse.ru/2021--3/508430731.html> (accessed 19.04.2024).
8. Mikheeva N.N. Diversification of the Structure of the Regional Economy as a Growth Strategy: Pros and Cons. *Region: Economics and Sociology*. 2016;(4):196–217. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15372/REG20160409>
9. Bufetova A.N., Kolomak E.A. National Heterogeneity in the Regions of Russia: Assessment, Change, Impact on Economic Development. *Voprosy ekonomiki*. 2021;(1):120–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-120-142>
10. Pravdina N.V., Danilova I.V. Strategy of Differentiated Development of the Subjects of the Russian Federation and Assessment of the Uniqueness of the Regional Economy. *Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management"*. 2021;15(4):38–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14529/em210404>
11. Epifanova N.S. Trade-flow Sectoral Structure Diversification Based on an Assessment of the Revealed Comparative Advantages: Evidence from Russia's Border Regions. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2023;21(2):204–229. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24891/re.21.2.204>
12. Fursenko N.O. Problems of Measuring the Diversification of the Regional Economy. *World of Economics and Management*. 2018;18(3):126–139. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25205/2542-0429-2018-18-3-126-139>
13. Trofimova N.V., Mamleeva E.R., Sazykina M.Yu., Shaikhutdinova G.F. Labor Productivity in the Regions of the Russian Federation: The Essence, Factors and Reserves of Growth. *Bulletin USPTU. Science, Education, Economy. Series Economy*. 2022;2(40):196–221. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17122/2541-8904-2022-2-40-111-121>
14. Popodko G.I., Nagaeva O.S. Assessment of Factors of Labor Productivity Growth in Resource and Non-Resource Regions of Russia. *Fundamental Research*. 2019;(11):138–143. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42601> (accessed 19.04.2024).
15. Polynev A.O., Grishina I.V. Methodological Approaches to the Construction of a Typology of Regions for the Development of a Strategy for the Spatial Development of Russia. *Regional Economy. The South of Russia*. 2019;7(1):29–41. (In Russ. abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.3>
16. Grishina I.V., Polynev A.O., Shkuropat A.V. The Socio-economic Situation of the Regions of Russia in 2020: Methodology and Results of Monthly Monitoring. *ECO*. 2021;(7):111–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-7-111-128>
17. Eferin Ya.Yu. The Role of Strategies in Diversification of Regional Economies: Planned Development versus Unplanned Results. *Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(2):283–305. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.115.029.202102.283-305>

Об авторах:

Гришина Ирина Владимировна, доктор экономических наук, заведующий лабораторией Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1); заместитель председателя Совета по изучению производительных сил Всероссийской академии внешней торговли (119285, Российская Федерация, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0743-7232>, Researcher ID: A-4882-2016, Scopus ID: 57223185074, SPIN-код: 8426-9617, grishinaiv@mail.ru

Полынев Андрей Олегович, доктор экономических наук, заместитель руководителя отделения Совета по изучению производительных сил Всероссийской академии внешней торговли (119285, Российская Федерация, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А); ведущий научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4850-2950>, Researcher ID: Y-8788-2018, Scopus ID: 57216930931, SPIN-код: 9810-3946, apolynev@yandex.ru

Угрюмова Александра Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4549-0117>, Researcher ID: AAE-2456-2021, Scopus ID: 57205167801, SPIN-код: 8858-7237, feminaa@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

И. В. Гришина – разработка концепции статьи; разработка методологии исследования; организация подготовки данных и проведение расчетов, анализ результатов; критический анализ и доработка текста.

А. О. Полынев – анализ теоретической и эмпирической литературы по теме исследования (обзор зарубежного опыта); разработка методологии исследования; проведение расчетов, комплексная оценка, анализ, обоснование группировок; подготовка текста статьи и инфографики.

А. А. Угрюмова – анализ теоретической и эмпирической литературы по теме исследования (обзор отечественного опыта); разработка предложений по итогам проведенного исследования; подготовка текста статьи.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 26.04.2024; одобрена после рецензирования 21.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.

About the authors:

Irina V. Grishina, Dr.Sci. (Econ.), Head of Laboratory at the Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Bldg 1, 82 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation); Deputy Chairman of the Council for the Study of Productive Forces, Russian Foreign Trade Academy (6A Vorobyovskoye Highway, Moscow 119285, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0743-7232>, Researcher ID: A-4882-2016, Scopus ID: 57223185074, SPIN-code: 8426-9617, grishinaiv@mail.ru

Andrey O. Polynev, Dr.Sci. (Econ.), Deputy Head of the Department of the Council for the Study of Productive Forces, Russian Foreign Trade Academy (6A Vorobyovskoye Highway, Moscow 119285, Russian Federation); Leading Researcher at the Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Bldg 1, 82 Vernadskogo

Ave., Moscow 119571, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4850-2950>, Researcher ID: Y-8788-2018, Scopus ID: 57216930931, SPIN-code: 9810-3946, apolynev@yandex.ru

Alexandra A. Ugryumova, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Leading Researcher at the Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Bldg 1, 82 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4549-0117>, Researcher ID: AAE-2456-2021, Scopus ID: 57205167801, SPIN-code: 8858-7237, feminaa@mail.ru

Contribution of the authors:

I. V. Grishina – development of the concept of the article; development of research methodology; organization of data preparation and calculations, analysis of results; critical analysis and revision of the text.

A. O. Polynev – analysis of theoretical and empirical literature on the subject of research (review of foreign experience); development of research methodology; calculations, comprehensive assessment, analysis, justification of groupings; preparation of the text of the article, graphic and tabular information.

A. A. Ugryumova – analysis of theoretical and empirical literature on the subject of research (review of domestic experience); development of proposals based on the results of the study; preparation of the text of the article and a list of sources.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 26.04.2024; revised 21.08.2024; accepted 30.09.2024.

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.712-732>EDN: <https://elibrary.ru/lxshvb>

УДК / UDC 338.488(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Возможности туризма жителей российской Арктики: внутри региона, в России и за рубежом

С. В. Кондратьева

В. В. Каргинова-Губинова

М. В. Морошкина ✉

*Институт экономики – обособленное подразделение Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук»
(г. Петрозаводск, Российская Федерация)*

✉ maribel74@mail.ru

Аннотация

Введение. Российские арктические регионы обладают значительным туристским потенциалом, однако реализуется он не в полной мере. Цель исследования – оценить возможности населения арктических регионов Российской Федерации к осуществлению туризма в местах проживания, в России и за ее пределами.

Материалы и методы. Методика проведения исследования основана на авторском подходе анализа девяти арктических регионов Российской Федерации, который позволяет в полной мере оценить и сопоставить со среднероссийскими значениями возможности туризма населения регионов Арктической зоны в местах постоянного проживания и за их пределами. Для анализа возможностей туризма жителей российской Арктики выбраны показатели, распределенные по четырем смысловым блокам: экономические и социальные показатели, транспортная инфраструктура, инфраструктура размещения и инфраструктура досуга и развлечения. На основе кластерного анализа методом k-средних и с помощью проведения минимаксной нормализации рассчитаны сводные балльные оценки по четырем группам показателей, характеризующих возможности туризма жителей арктических регионов Российской Федерации.

Результаты исследования. Выявлен существенный разрыв в арктических регионах Российской Федерации экономических и социальных показателей населения, транспортной связанности и уровня развития инфраструктуры размещения, досуга и развлечения. В силу этого можно говорить об ограниченных возможностях туризма жителей данных субъектов страны. Определено, что наихудшая ситуация наблюдается в Ненецком автономном округе и Республике Саха (Якутия).

Обсуждение и заключение. Полученные выводы свидетельствуют о необходимости комплексного развития арктических регионов. Материалы статьи имеют научную и практическую значимость для ученых, исследующих проблематику развития туризма в Арктике, органов региональной власти и представителей туристского бизнеса.

Ключевые слова: арктические регионы, возможности туризма в Арктике, организованный туризм, жители Арктики, туристская инфраструктура

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00092 (<https://rscf.ru/project/24-28-00092/>).

© Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Кондратьева С. В., Каргинова-Губинова В. В., Морошкина М. В. Возможности туризма жителей российской Арктики: внутри региона, в России и за рубежом // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 4. С. 712–732. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.712-732>

Tourism Opportunities for Residents of the Russian Arctic: Within the Region, in Russia and Abroad

S. V. Kondrateva, V. V. Karginova-Gubanova, M. V. Moroshkina ✉

*Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

✉ maribel74@mail.ru

Abstract

Introduction. Russian Arctic regions have a significant tourism potential, but it is not fully realized. The purpose of the study is to assess the possibilities of the population of the Arctic regions of the Russian Federation to realize tourism in their places of residence, in Russia and abroad.

Materials and Methods. The research methodology is based on the authors' approach to the analysis of nine Arctic regions of the Russian Federation. The approach allows to fully evaluate and compare with average Russian values the tourism opportunities of the population of the regions of the Arctic zone in their places of permanent residence and beyond. The analysis of tourism opportunities was carried out on the basis of indicators divided into four semantic blocks: economic and social indicators, transport infrastructure, accommodation infrastructure and leisure and entertainment infrastructure. Summary scores for four groups of indicators were calculated based on cluster analysis using the k-means method as well as minimax normalization.

Results. The study revealed a significant gap in the Arctic regions of the Russian Federation in terms of economic and social indicators of the population, transportation connectivity and the level of development of infrastructure for accommodation, leisure and entertainment. Limited tourism opportunities for residents of the Arctic regions were identified. The worst situation is observed in the Nenets Autonomous Area, somewhat better in the Republic of Sakha (Yakutia).

Discussion and Conclusion. The results indicate the need for integrated development of the Arctic regions. The article is of scientific and practical significance for scientists working on tourism development in the Arctic, regional authorities, representatives of the tourism industry.

Keywords: Arctic regions, tourism opportunities in the Arctic, organized tourism, Arctic residents, tourism infrastructure

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00092 (<https://rscf.ru/project/24-28-00092/>).

For citation: Kondrateva S.V., Karginova-Gubanova V.V., Moroshkina M.V. Tourism Opportunities for Residents of the Russian Arctic: Within the Region, in Russia and Abroad. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):712–732. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.712-732>

Введение. Российская Арктика обладает значительным ресурсным, транспортным, этнокультурным потенциалом, однако его реализация существенно осложняется высокой конфликтогенностью арктического пространства, наличием социальных и экологических рисков, изменением восприятия ценности углеводородного сырья, а в последние годы и обострением цивилизационных вызовов [1].

Сохранение контроля над территорией и реализация ее потенциала требуют комплексного подхода к пространственному развитию. Однако в первую очередь необходимо предотвратить депопуляцию Арктики и деградацию ее человеческого капитала [2]. В качестве одного из инструментов этого можно рассматривать туризм, играющий значительную роль в повышении здоровья граждан и уровня их сплоченности.

Цель исследования – проанализировать возможности осуществления внутреннего и выездного туризма населения арктических регионов Российской Федерации. Объектом исследования выступают арктические регионы Российской Федерации, предмет исследования – туристские возможности населения арктических регионов России. Данная публикация продолжает более раннюю нашу статью [3], уточняя и расширяя перечень факторов, определяющих доступность туризма для жителей российской Арктики, в том числе принимая во внимание геополитические, экономические и социальные изменения, произошедшие в последнее время.

Обзор литературы. В исследованиях при оценке подходов к развитию арктического туризма большое внимание уделяется интересам местного сообщества: очевидно, что рост туристского потока приносит не только дополнительные доходы в региональные и муниципальные бюджеты, но может и ухудшить качество окружающей среды [4; 5]. И хотя туризм представляется потенциальным источником занятости местного населения и его доходов, при увеличении туристского потока возможно также и повышение уровня негативного воздействия на среду обитания [6]. В этой связи значимой представляется выработка инструментария согласования и учета интересов местного сообщества для достижения баланса между экономическими выгодами, защитой экологической среды и качеством жизни населения¹.

Учеными подтверждено, что туризм способствует снятию стресса [7], укрепляет здоровье граждан, в том числе, что особенно важно, его психические аспекты. Также он оказывает положительное воздействие на ощущение благополучия². При этом существует, хотя и не до конца исследованная, связь между аномальными отклонениями в уровне дневного света и ухудшением здоровья населения [8]. И именно жители Арктики испытывают сезонный дефицит или избыток света [9], имеют более низкие показатели психического здоровья, в частности, более частые депрессии, аффективные расстройства, повышенный уровень тревожности и самоубийств, в сопоставлении с проживающими в средней полосе [10].

Д. А. Аманжолова приходит к выводу, что туризм вместе с другими факторами влияет на формирование национального единства и патриотизма [11], а это, особенно принимая во внимание низкий уровень сплоченности жителей Арктики [1], также представляется важной задачей.

Возможности туризма и, как следствие, туристский поток существенно определяются наличием и доступностью туристско-рекреационных ресурсов, уровнем и качеством развития туристской и сопутствующей инфраструктуры, продвижением на международном и российском рынке туристских услуг. Показано, что в 2010–2018 гг. туристский потенциал всех арктических регионов увеличился [12]. Однако можно говорить о низкой мере использования имеющегося

¹ Marine Tourism Development in the Arkhangelsk Region, Russian Arctic: Stakeholder's Perspectives / J. Olsen [et al.] // Arctic Marine Sustainability / eds by E. Pongrácz, V. Pavlov, N. Hänninen. Springer Polar Sciences, 2020. Pp. 365–389. https://doi.org/10.1007/978-3-030-28404-6_17

² Marmion M., Hindley A. Tourism and Health: Understanding the Relationship // Good Health and Well-Being. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals / ed. by L. Filho. Cham : Springer, 2020. Pp. 738–746. https://doi.org/10.1007/978-3-319-95681-7_16

потенциала (в частности, для осуществления арктических круизов) [13]. Вместе с тем лимитирующий фактор удаленности от основных экономических центров является и «конкурентным преимуществом развития нишевых видов туризма» [14].

Фактором, существенно ограничивающим доступность арктического туризма, является его высокая стоимость [15; 16]. При этом отмечается расхождение между ценой и качеством туристского продукта, предлагаемого в российской Арктике [17]. Для населения, не проживающего в арктических регионах, сдерживающими факторами являются удаленность территории Арктики и, как следствие, труднодоступность большей части туристских аттракций [18], значительные расходы на транспорт [19]. Для местного населения при осуществлении туризма внутри региона данная проблема, безусловно, стоит менее остро, однако удаленность территории имеет большое значение при выборе туристских дестинаций в других регионах Российской Федерации или за рубежом.

Также допустимо предположить, что более высокие доходы жителей российской Арктики, по сравнению с проживающими в средней полосе [3], в меньшей степени ограничивают и их спрос на арктический туризм по причине его высокой стоимости. Однако данный вывод нуждается в уточнении, поскольку при более высоком доходе жителей российской Арктики стоимость жизни для них тоже выше.

На основе данных за 2019 г. показано, что для населения арктических регионов при более высоком доходе характерна меньшая доля расходов на отдых в их общей величине. Доля расходов на услуги гостиниц и предприятий общественного питания ниже среднего уровня по России в субъектах, полностью включенных в Арктическую зону Российской Федерации, и выше в тех, где к арктическим отнесена лишь часть муниципальных образований [3]. Однако низкая доля расходов может быть связана как с отсутствием экономических возможностей для отдыха и туризма, так и с наличием иных приоритетов.

В качестве еще одного фактора, определяющего возможности туризма, выступают ограничения, вводимые в отношении перемещений, что, в частности, имело место во время пандемии COVID-19 [20].

Кроме того, стоит подчеркнуть, что значительную роль в обеспечении транспортной связанности арктических регионов играет авиация, а многие эксплуатируемые самолеты произведены в других странах и там же должны проходить технический регламент. Однако возможность этого, начиная с 2022 г., отсутствует. Соответственно, существует угроза сокращения интенсивности авиасообщения при росте цен на перелеты. И это, бесспорно, приведет к снижению доступности как арктического туризма [19], так и туризма вне Арктики для ее жителей. При этом транспортно-туристическое направление развития российской Арктики в ближайшей перспективе ограничивается «отсутствием эффективной логистики, нормальной инфраструктуры и стабильных телекоммуникаций», несвязанностью интересов частных инвесторов с Арктикой, ограниченностью местных бюджетных ресурсов [21].

В качестве потенциальных угроз развития арктического туризма следует назвать и изменение климата: экстремальные погодные явления блокируют работу горнолыжных подъемников, а повышение температуры может привести

к увеличению числа плавучих льдов и усложнить движение круизных судов. Также возможна утрата уникального природного ландшафта [5]. Местным населением среди рисков интенсивного развития туризма в Арктике указывается нанесение ущерба природе [22].

Также можно отметить, что даже при доступности арктического туризма для отдельных категорий граждан спрос на туристский продукт с их стороны может отсутствовать. В первую очередь это связано с целевой направленностью туризма в Арктике, его немассовым характером. Так, значительная площадь акваторий способствует развитию арктического круизного туризма [23], суровые климатические условия – распространению горнолыжных курортов [16].

При этом интерес к арктическому туризму часто связан с желанием познакомиться с особенностями жизни за полярным кругом и испытать чувство новизны [24], увидеть редкое природное явление – северное сияние [15]. В силу того, что туризм в Арктике всегда сопряжен с определенной долей экстрима, многие выбирают его, так как хотят определенным образом себя позиционировать³, однако это вряд ли характерно для местного населения. В то же время потенциально в Арктике возможны и такие виды туризма, как событийный, спортивный, экстремальный, экологический и многие другие [15], которые представляют интерес и для жителей Арктики, и для проживающих за ее пределами.

Таким образом, проведенный обзор литературы показал важность учета потребностей жителей арктических регионов в туристских услугах, а также значимость оценки их возможностей в осуществлении туризма по трем основным направлениям: в регионе проживания, в иных субъектах страны (внутренний туризм) и за рубежом (международный). Данные аспекты остаются недостаточно изученными и именно им будет посвящена эта работа.

Материалы и методы. Методика проведения исследования основана на авторском подходе анализа девяти арктических регионов Российской Федерации. Данный подход позволяет в полной мере оценить и сопоставить со среднероссийскими значениями возможности туризма населения регионов Арктической зоны в местах постоянного проживания и за их пределами.

В работе использованы данные официальной статистики и сайта TripAdvisor – крупнейшей в мире интернет-платформы о путешествиях⁴. Данные по зарегистрированным в Арктической зоне туроператорам взяты из единого реестра туроператоров России. В качестве достаточных выбраны следующие показатели, распределенные по четырем смысловым блокам:

1) *экономические и социальные показатели*: медианный среднедушевой доход населения в 2022 г. (руб.); уровень безработицы за 2022 г. (%); доля населения в трудоспособном возрасте на 1 января 2022 г. (%); средний прожиточный минимум в 2022 г. (руб.);

2) *транспортная инфраструктура*: плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием на конец 2022 г. (км путей на 1 000 км² территории); плотность железнодорожных путей общего пользования

³ Бызова Н. М., Гаврилов Ю. Г., Голубева Е. И. Арктический туризм в России / отв. ред. Ю. Ф. Лукин ; Арктический центр стратегических исследований. Архангельск, 2016. 255 с.

⁴ TripAdvisor : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tripadvisor.ru/> (дата обращения: 18.06.2024).

на конец 2022 г. (км путей на 10 000 км² территории); количество аэродромов и вертодромов гражданской авиации в 2022 г. (единиц на 10 000 км²);

3) *инфраструктура размещения*: число мест в коллективных средствах размещения (ед., 2022 г.); число санаторно-курортных организаций (ед., 2022 г.); число эксплуатировавшихся детских и подростковых летних оздоровительных учреждений (ед., 2022 г.);

4) *инфраструктура досуга и развлечений*: число ресторанов, кафе, баров (ед., 2021 г.); число достопримечательностей (ед.); число особо охраняемых природных территорий федерального значения (ед., 2022 г.); число туристских фирм (ед.); число туроператоров (ед.).

Были рассчитаны показатели для каждого региона, а также медианные значения для всех арктических регионов.

Согласно гипотезе исследования, при прочих равных условиях более высокие возможности для туризма имеют жители тех регионов, где:

- выше уровень среднедушевых доходов;
- выше доля трудоспособного населения, т. е. более высокая доля более мобильного населения по сравнению с другими категориями;
- лучше транспортная инфраструктура, определяющая доступность туристских объектов внутри региона и за его пределами.

Кроме того, если рассматривать в целом возможности населения в осуществлении туризма и отдыха в регионе проживания, можно утверждать, что их повышение происходит при улучшении инфраструктуры размещения, инфраструктуры досуга и развлечения, а также транспортной инфраструктуры. При этом возможности туризма снижаются в случае роста уровня безработицы и величины прожиточного минимума, отражающей региональные цены.

Принимая во внимание описанное направление взаимосвязей характеристик регионов и проживающего на их территории населения, для каждой из характеристик проведен кластерный анализ методом *k*-средних. В результате кластерного анализа выделено три группы арктических регионов:

- регионы с наилучшими показателями (третий кластер);
- регионы со средними показателями (второй кластер);
- регионы с наихудшими показателями (первый кластер).

Далее для всех арктических регионов рассчитаны сводные показатели по каждому выделенному блоку как сумма кластерных групп по входящим в него характеристикам. С учетом разного числа характеристик в различных блоках, для большей наглядности сопоставления полученных оценок проведена их минимаксная нормализация, где:

- региону с наилучшим сводным показателем по блоку присвоено значение 1;
- региону с наихудшим сводным показателем по блоку присвоено значение 0.

Подтверждение или опровержение полученных результатов о возможностях туризма жителей арктических регионов Российской Федерации базируется на сопоставлении с данными выездных туристских потоков в разрезе международного и внутреннего туризма. В качестве достаточного показателя, демонстрирующего реализацию возможностей совершения туристских поездок жителями арктических регионов, выбран показатель интенсивности выездного туризма.

Следует уточнить, что в работе рассматривается исключительно организованный туристский поток, самостоятельные поездки жителей не учтены.

Результаты исследования. По большинству экономических и социальных показателей (табл. 1) арктические регионы опережают средние значения по России. При этом показатель «средний прожиточный минимум» в 2022 г. для всех исследуемых регионов является выше среднероссийского. Среди регионов выделяются Ненецкий автономный округ и Мурманская область, характеризующиеся превышением среднероссийских значений по всем показателям.

Таблица 1. Экономические и социальные показатели за 2022 г.⁵

Table 1. Economic and social indicators in 2022

Регион / Region	Медианный среднедушевой доход населения, тыс. руб. / Median per capita income of the population, thousand rubles	Уровень безработицы, % / Unemployment rate, %	Доля населения в трудоспособном возрасте (на 01.01.2022), % / Share of working-age population (as of 01.01.2022), %	Средний прожиточный минимум, тыс. руб. / Average subsistence minimum, thousand rubles
Мурманская область / Murmansk Region	48,4	4,8	59,8	21,2
Республика Карелия / Republic of Karelia	33,4	5,8	55,2	15,9
Республика Коми / Republic of Komi	34,6	6,7	58,0	16,6
Архангельская область без автономного округа / Arkhangelsk Region without Autonomous Area	34,3	5,5	55,5	15,4
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	71,5	7,4	59,2	24,3
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area	76,9	1,7	64,5	18,9
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	32,9	2,7	58,1	14,7
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	43,9	6,5	60,2	20,0
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	82,0	1,9	65,0	30,3
В среднем по России / Average for Russia	34,8	4,1	57,4	13,3

Примечания. Здесь и далее в таблицах: 1. Фоном выделены регионы с показателями выше среднего по России. 2. Медиана по арктическим регионам выделена курсивом.

Notes. Hereinafter in the tables: 1. Regions with indicators above the Russian average are highlighted in the background. 2. Median for Arctic regions is highlighted in italic.

⁵ Здесь и далее в статье таблицы и рисунки составлены авторами статьи по материалам проведенного исследования.

Сопоставление показателей развития транспортной инфраструктуры арктических регионов со среднероссийскими значениями невыгодно характеризует исследуемые субъекты Российской Федерации (табл. 2). Так, медианы плотности автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием и железнодорожных путей значительно меньше среднего показателя по России (соответственно в 5,4 раза и 5,7 раза). Среди арктических регионов только Республика Карелия и Мурманская область, в силу специфики экономико-географического положения, характеризуются высокими показателями плотности железнодорожных путей (превышение среднероссийских значений в 2,4 и 1,2 раза соответственно).

Инфраструктура размещения рассматриваемых регионов значительно менее развита, чем в среднем по России (табл. 3). Так, медиана числа коллективных средств размещения и мест в них ниже средних показателей по России в 1,7 и 4,9 раза, число санаторно-курортных учреждений – ниже в 3,5 раза, а число эксплуатировавшихся детских и подростковых летних оздоровительных учреждений – в 4,4 раза. Из арктических регионов только у Красноярского края рассматриваемые показатели сопоставимы или выше средних по России.

Таблица 2. Транспортная инфраструктура (показатели за 2022 г.)
Table 2. Transport infrastructure (indicators for 2022)

Регион / Region	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием на конец года, км путей на 1 000 км ² территории / Density of public roads with hard surfaces at the end of 2022, km of tracks per 1000 km ² of territory	Плотность железнодорожных путей общего пользования на конец года, км путей на 10 000 км ² территории / Density of public railway tracks at the end of 2022, km of tracks per 10 thousand km ² of territory	Количество аэродромов и вертодромов гражданской авиации, шт. на 10 000 км ² / Number of airfields and heliports of civil aviation in 2022, units per 10 thousand km ²
1	2	3	4
Мурманская область / Murmansk Region	24,0	60	138
Республика Карелия / Republic of Karelia	47,0	123	55
Республика Коми / Republic of Komi	16,0	41	96
Архангельская область без автономного округа / Arkhangelsk Region without Autonomous Area	30,0	30	48
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	1,8	0	113
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area	3,6	6	143
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	12,0	9	76

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	4,1	3	101
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	1,3	0	52
В среднем по России / Average for Russia	65,0	51	–

Таблица 3. Инфраструктура размещения

Table 3. Hosting infrastructure

Регион / Region	Число мест в коллективных средствах размещения, ед. / Number of places in collective accommodation facilities, units	Число санаторно-курортных организаций, ед. / Number of health resort organizations, units	Число эксплуатируемых детских и подростковых летних оздоровительных учреждений, ед. / Number of children's and adolescent summer health resorts in operation, units
Мурманская область / Murmansk Region	9 953	6	64
Республика Карелия / Republic of Karelia	12 523	3	102
Республика Коми / Republic of Komi	6 316	9	469
Архангельская область без автономного округа / Arkhangelsk Region without Autonomous Area	13 110	10	348
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	293	0	28
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area	6 635	0	80
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	37 272	22	790
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	6 376	10	520
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	792	1	41
В среднем по России / On average for Russia	32 472	21	450

В показателях развития инфраструктуры досуга и отдыха наблюдаются самые значительные расхождения (табл. 4). Лидером по предоставлению услуг питания в Арктической зоне России является Красноярский край, опережающий по этому показателю условный среднероссийский регион. Например, по числу ресторанов Красноярский край (1 112 ед.) превосходит Ненецкий автономный округ в 36 раз. Достаточно существенно дифференцировано и количество достопримечательностей. Лидирующие позиции по данному показателю также у Красноярского края. При этом Красноярский край и Архангельская область имеют наибольшее число туристских фирм среди арктических регионов. Если брать во внимание туроператорскую деятельность, то арктические регионы уступают среднероссийским показателям (медиана ниже в 2 раза). Только в Республике Карелия, Мурманской области и Красноярском крае число зарегистрированных туроператоров Единого федерального реестра превышает среднее значение по стране. Одновременный учет туристских фирм и туроператоров не является излишним и дублирующим, так как у данных компаний значительная разница функционала. Например, туристские фирмы региона не могут создавать собственные турпродукты, в отличие от туроператоров, вместе с тем туристские фирмы могут продавать сформированные туры не только местных, но и у тех, что расположены в других регионах. Среди рассмотренных показателей самым благоприятным, в сравнении с условным среднероссийским регионом, является показатель наличия особо охраняемых природных территорий федерального значения.

Таблица 4. Инфраструктура досуга и отдыха

Table 4. Leisure and recreation infrastructure

Регион / Region	Число ресторанов, кафе, баров, ед. / Number of restaurants, cafes, bars, units	Число достопримечательностей, ед. / Number of attractions, units	Число особо охраняемых природных территорий федерального значения, ед. / Number of specially protected natural areas of federal significance, units	Число туристских фирм, ед. / Number of travel agencies, units	Число туроператоров, ед. / Number of tour operators, units
1	2	3	4	5	6
Мурманская область / Murmansk Region	548	537	14	103	69
Республика Карелия / Republic of Karelia	526	491	10	143	56
Республика Коми / Republic of Komi	451	172	6	104	12
Архангельская область без автономного округа / Arkhangelsk Region without Autonomous Area	818	394	8	161	28

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5	6
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	31	16	2	5	2
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area	449	127	2	41	11
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	1 112	976	13	329	63
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	553	152	9	63	25
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	45	21	2		3
В среднем по России / Average for Russia	1 079	н/д	4	160	53

Арктические регионы: кластерный анализ. На основе кластерного анализа методом к-средних и с помощью проведения минимаксной нормализации рассчитаны сводные балльные оценки по четырем группам показателей, характеризующих возможности туризма жителей арктических регионов Российской Федерации (табл. 5).

Таблица 5. Сводные балльные оценки показателей, характеризующих возможности туризма местного населения

Table 5. Summary scores of indicators characterizing the tourism opportunities of the local population

Регион / Region	Экономические и социальные показатели / Economic and social indicators	Транспортная инфраструктура / Transport infrastructure	Инфраструктура размещения / Accommodation infrastructure	Инфраструктура досуга и развлечения / Leisure and entertainment infrastructure
1	2	3	4	5
Мурманская область / Murmansk Region	0,3	1,0	0,5	0,7
Республика Карелия / Republic of Karelia	0,0	1,0	0,3	0,6
Республика Коми / Republic of Komı	0,0	0,7	0,7	0,3
Архангельская область без автономного округа / Arkhangelsk Region without Autonomous Area	0,0	0,3	0,7	0,5
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	0,3	0,0	0,0	0,0

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3	4	5
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area	1,0	0,3	0,3	0,1
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	0,5	0,0	1,0	1,0
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	0,0	0,0	0,7	0,3
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	0,8	0,3	0,2	0,0

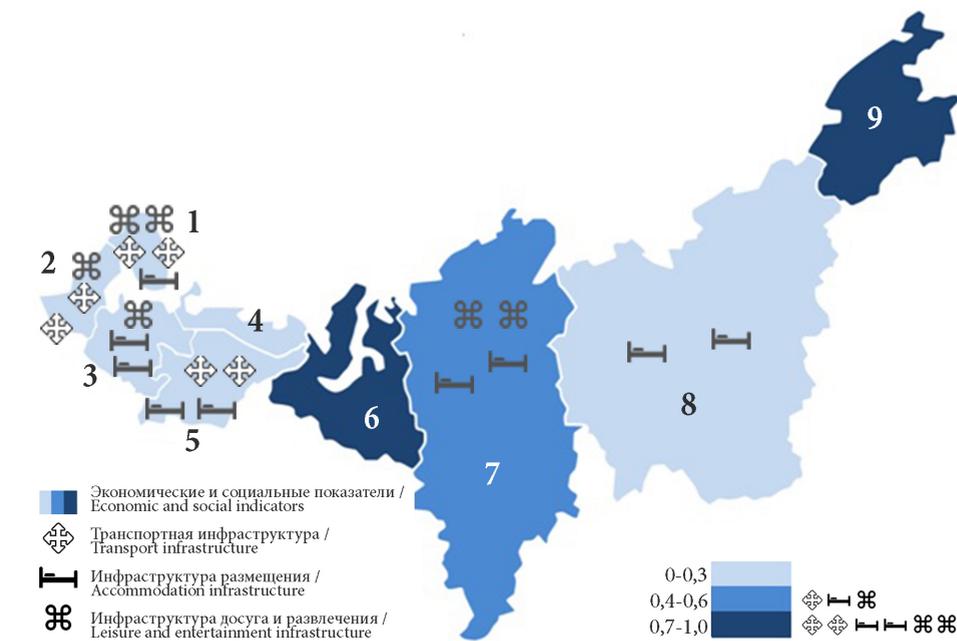
Полученные оценки регионов по всем выделенным блокам показателей характеризуются значительным расхождением, однако его уровень по всем блокам сопоставим (медиана 0,3; за исключением инфраструктуры размещения, где медиана 0,5).

Произведенные расчеты (табл. 5) и их визуализация (рис. 1) показывают значительную дифференциацию арктических регионов по возможностям туризма местного населения. При этом существует расхождение экономических и социальных возможностей туризма жителей Арктики, с одной стороны, и наличия транспортной связанности и объектов туризма – с другой. Так, Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, имеющие наилучшие относительные экономические и социальные показатели населения среди всех арктических регионов, характеризуются наихудшим уровнем развития транспортной инфраструктуры и инфраструктуры туризма внутри региона. Предположим, что для жителей данных субъектов недоступны и выездной (по России и за рубежом), и внутренний туризм в сравнении с другими арктическими субъектами России. Аналогичная ситуация в Ненецком автономном округе, однако там она осложняется и низкими экономическими и социальными возможностями туризма для населения.

С другой стороны, при хорошей транспортной связанности Мурманской области, республик Карелия и Коми жители этих регионов также ограничены в возможностях туризма экономическими и социальными факторами. И если, в силу наличия инфраструктуры досуга и развлечений, жителям первых двух субъектов доступен туризм внутри региона проживания (особенно выходного дня, без ночевки, или предполагающий проживание в съемной квартире, палатке или в автомобиле), то жителям Республики Коми, вероятно, приходится ориентироваться на выездной туризм (по России или за рубежом). Архангельская область и особенно Красноярский край имеют хорошую туристскую инфраструктуру, однако крайне низкую транспортную связанность, что ограничивает отдых как внутри региона, так и за его пределами.

Таким образом, настоящее исследование показало существенный разрыв в арктических регионах Российской Федерации экономических и социальных показателей населения, транспортной связанности и уровня развития инфраструктуры размещения, досуга и развлечения. В силу этого можно говорить об ограниченных возможностях туризма жителей данных субъектов страны. Наихудшая ситуация

наблюдается в Ненецком автономном округе, лишь несколько лучше – в Республике Якутия. Мурманская область и Республика Карелия среди арктических регионов являются самыми «туристскими» регионами, учитывая возможности инфраструктуры досуга и развлечения, а также высокую транспортную доступность. Это позволяет предположить возможности населения отдохнуть как внутри региона, так и за его пределами (по России или за рубежом), ограниченные только низкими социально-экономическими показателями. Также к группе благополучных субъектов Арктики в сфере туризма можно отнести и Красноярский край, где хорошо развита туристская инфраструктура и средние экономические и социальные показатели. Однако крайне низкие транспортные возможности резко ограничивают вероятность отдыха населения как внутри региона, так и за его пределами. В Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах высокие социально-экономические возможности населения для туризма не могут быть реализованы в местах проживания, а учитывая крайне низкую транспортную связность – и за пределами регионов.

Цифрами обозначены / Indicated by numbers:

- 1 – Мурманская область / Murmansk Region
- 2 – Республика Карелия / Republic of Karelia
- 3 – Архангельская область без автономного округа / Arkhangelsk Region without Autonomous Area
- 4 – Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area
- 5 – Республика Коми / Republic of Komi
- 6 – Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area
- 7 – Красноярский край / Krasnoyarsk Territory
- 8 – Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)
- 9 – Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area

Р и с. 1. Карта-схема возможностей туризма жителей Арктических регионов России

F i g. 1. Map of tourism opportunities for residents of the Arctic regions of Russia

Подтверждение или опровержение полученных результатов о возможностях выездного туризма жителей арктических регионов Российской Федерации базируется на сопоставлении с данными выездных туристских потоков в разрезе международного и внутреннего туризма.

В качестве достаточного показателя, демонстрирующего реализацию возможностей совершения туристских поездок жителями арктических регионов, выбран показатель интенсивности выездного туризма (табл. 6). Следует напомнить, что в работе рассматривается только организованный туристский поток [25].

Т а б л и ц а 6. Интенсивность выездного организованного туризма в 2022 г.

Table 6. Intensity of outbound organized tourism in 2022

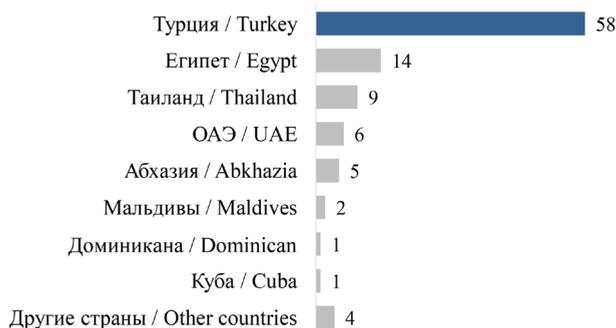
Регион / Region	Интенсивность выездного организованного туризма / Intensity of outbound organized tourism	
	Внутреннего (Россия) / Domestic Russia	Международного / International
Мурманская область / Murmansk Region	49,7	17,7
Республика Карелия / Republic of Karelia	122,8	26,2
Республика Коми / Republic of Komi	17,6	21,8
Архангельская область без автономного округа / Arkhangelsk Region without Autonomous Area	31,5	24,6
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Area	9,9	21,7
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamalo-Nenets Autonomous Area	5,6	8,5
Красноярский край / Krasnoyarsk Territory	14,3	13,1
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	18,5	11,0
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Area	0,5	0
В среднем по России / Average for Russia	47,1	32,5

В соответствии с полученными данными, туристская активность жителей Арктики существенно ниже средней по Российской Федерации. Так, медиана внутреннего туризма арктических регионов в 2,7 раза ниже среднего значения по России, а медиана международного – в 1,8 раза. Среди девяти регионов выделяются лишь Республика Карелия и Мурманская область, характеризующиеся превышением показателя интенсивности внутреннего туризма над средне-российскими значениями. Показатели интенсивности международного туризма всех арктических регионов хуже, чем по России в целом. Кроме того, Чукотский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа выделяются крайне низкой интенсивностью внутреннего туризма, при этом для первых двух регионов это утверждение справедливо и в отношении международного туризма.

Всего за исследуемый 2022 г. туры за рубеж выбрали 121,4 тыс. жителей арктических регионов, при этом туры по России – почти в два раза больше

(206,6 тыс. чел.). Таким образом, жители арктических регионов отдают предпочтение внутреннему туризму.

На основании выбора зарубежных направлений жителями арктических регионов выделяются два лидера: Турция и Египет (рис. 2). Во многом выбор данных направлений определяется широким спектром предлагаемых туристских пакетов в категории «все включено» и их стоимостью, климатическими характеристиками дестинации, богатым природным и культурно-историческим потенциалом. Следует подчеркнуть, что Турция в качестве места отдыха доминирует в выборе жителей восьми исследуемых арктических регионов, за исключением Чукотского автономного округа.

Р и с. 2. Выбор зарубежных туристских дестинаций жителями арктических регионов в 2022 г., %

F i g. 2. Choice of foreign tourist destinations by residents of the Arctic regions in 2022, %

Высокие позиции Таиланда во многом определяются интересами жителей Красноярского края (76 % от общего числа отправленных в туры в Таиланд жителей арктических регионов) к посещению данной туристской дестинации. Кроме того, жителями Арктики выбираются Объединенные Арабские Эмираты, Абхазия, Мальдивы, Доминиканская Республика и Куба. Исходя из перечня лидирующих зарубежных дестинаций, выбор жителей Арктики во многом определяется природно-климатическими условиями приморских территорий и во вторую очередь иными факторами.

Анализируя возможности отдыха внутри арктических регионов, следует подчеркнуть достаточно низкую в сравнении со средним по Российской Федерации численность действующих аккредитованных экскурсоводов и гидов-переводчиков по состоянию на 10 июня 2024 г.⁶ Так, в среднем по России число аккредитованных экскурсоводов составляет 89 человек, при этом лишь по десять таких экскурсоводов зарегистрировано в шести арктических регионах: республиках Карелия, Коми, Красноярском крае, Мурманской и Архангельской областях, а также в Ямало-Ненецком автономном округе. В Республике Саха (Якутия) не было зарегистрировано ни одного экскурсовода. Таким образом,

⁶ Реестр экскурсоводов и гидов-переводчиков [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/turizm/reestr_turizm/reestr_ekskurovodov_i_gidov_perevodchikov/ (дата обращения 12.06.2024).

медиана арктических регионов в девять раз ниже средней по России. Вместе с тем, учитывая изменение законодательства Российской Федерации с 1 марта 2025 г., предполагается, что число аккредитованных экскурсоводов и гидов-переводчиков значительно увеличится в ближайшее время.

Таким образом, достаточно высокие значения числа туроператоров, а также числа экскурсоводов и гидов-переводчиков выгодно выделяют Архангельскую область (без автономного округа) на фоне остальных арктических регионов. При этом отсутствие и крайне низкое их число в Республике Саха (Якутия), Чукотском и Ненецком автономных округах значительно затрудняют развитие как внутреннего, так и международного въездного туризма в указанных регионах. Отдельно отметим, что по территории арктических регионов проходят 3 из 53 национальных туристских маршрутов: «Архангельск. Здесь начинается Арктика» (Архангельская область), «Заполярный калейдоскоп» и «От Баренцева до Белого» в Мурманской области⁷.

Рассмотрение исследуемых регионов в разрезе полного или частичного отнесения к российской Арктике выявляет значительную межрегиональную дифференциацию субъектов Федерации по возможностям туризма населения. Так, принимая во внимание данные кластерного анализа, показатели интенсивности внутреннего (по России) и выездного международного туризма, а также число аккредитованных экскурсоводов и гидов-переводчиков, туристским лидером в Арктике можно назвать Мурманскую область, полностью включенную в состав Арктической зоны Российской Федерации и жители которой обладают наилучшими возможностями туризма как в месте постоянного проживания, так и за ее пределами. Противоположную позицию занимают два также полностью включенных в состав Арктической зоны Российской Федерации автономных округа: Ямало-Ненецкий и Чукотский. Несмотря на самые благоприятные экономические и социальные показатели, крайне низкие значения туристской и транспортной инфраструктуры резко ограничивают жителей этих регионов в возможностях туризма как внутри субъекта, так и за его пределами, что подтверждается и данными об интенсивности туризма. Наихудшие возможности туризма у жителей Ненецкого автономного округа, осложненные еще и низкими экономическими и социальными показателями.

Обсуждение и заключение. Таким образом, настоящее исследование не подтвердило выдвинутую гипотезу и показало существенный разрыв в арктических регионах Российской Федерации экономических и социальных показателей населения, транспортной связанности и уровня развития инфраструктуры размещения, досуга и развлечения. В силу этого можно говорить об ограниченных возможностях туризма жителей данных субъектов страны. Наихудшая ситуация наблюдается в Ненецком автономном округе, лишь несколько лучше – в Республике Саха. Безусловно, это свидетельствует о необходимости комплексного развития арктических регионов, особенно двух вышеназванных: повышения уровня дохода граждан; развития транспортной инфраструктуры

⁷ Национальные туристические маршруты [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации : сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/turizm/reestry_turizm/nacionalnye_turisticheskie_marshruty/ (дата обращения: 13.06.2024).

(особенно строительство новых дорог, аэропортов и вертодромов); обеспечения туристской привлекательности территорий. Однако проведенный анализ показывает и высокий потенциал особых мер развития туризма для некоторых из территорий:

– Мурманская область и Республика Карелия – строительство кемпингов, позволяющих организовать бюджетный отдых, который из-за развитой сети дорог и наличия достопримечательностей может иметь спрос у жителей с невысоким доходом из этих регионов;

– Архангельская область и Красноярский край – предоставление транспортных услуг средствами размещения и туристскими операторами на «проходимом» транспорте, среди местного населения – популяризация объектов вблизи места проживания;

– Республика Коми – развитие событийного туризма (в ряде случаев это может быть эффективнее строительства объектов досуга и развлечения);

– Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа – развитие экстремального и спортивного туризма (организация указанных видов туризма возможна без широкой сети дорог, множества объектов досуга и развлечений; часто требуются особая дорогая экипировка и услуги опытных инструкторов, но жители названных субъектов ввиду высокого уровня дохода могут себе позволить их приобретение).

С учетом текущей интенсивности выездного организованного туризма можно говорить о наличии первостепенной необходимости развития туризма внутри региона в Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах.

Реализация на практике сделанных рекомендаций позволит повысить качество жизни населения арктических регионов за счет укрепления их ментального здоровья, приведет к повышению уровня сплоченности местного сообщества, его чувства идентичности с территорией проживания.

Дальнейшее исследование будет направлено на выявление специфики развития туризма в Арктике и туристских возможностей ее жителей в муниципальном разрезе с целью выработки рекомендаций органам региональной власти, бизнесу и некоммерческому сектору.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукин Ю. Ф. Арктические вызовы России // Россия: общество, политика, история. 2022. № 2 (2). С. 59–87. URL: https://www.ru-society.com/jour/article/view/24?locale=ru_RU (дата обращения: 13.06.2024).

2. Привлечение инвестиций в Арктике: в каких регионах арктические резиденты наиболее значимы, эффективны и устойчивы? / В. В. Каргинова-Губинова [и др.] // Арктика: экология и экономика. 2023. Т. 13, № 3. С. 394–404. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2023-3-394-404>

3. Кондратьева С. В., Морошкина М. В. Туризм и отдых населения арктических регионов России: возможности и ограничения // Арктика и Север. 2021. № 45. С. 113–126. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.45.113>

4. Perceived Impacts of Tourism in the Arctic / J. S. Chen [et al.] // Journal of Tourism and Cultural Change. 2021. Vol. 19, issue 4. Pp. 494–508. <https://doi.org/10.1080/14766825.2020.1735403>

5. Polar Tourism and Environment Change: Opportunity, Impact and Adaptation / W. Shijin [et al.] // Polar Science. 2020. Vol. 25. Article no. 100544. <https://doi.org/10.1016/j.polar.2020.100544>

6. Olsen J., Nenasheva M. Adaptive Capacity in the Context of Increasing Shipping Activities: A Case from Solovetsky, Northern Russia // *Polar Geography*. 2018. Vol. 41, issue 6. Pp. 241–261. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2018.1513960>
7. Buckley R., Zhong L., Martin S. Mental Health Key to Tourism Infrastructure in China's New Megapark // *Tourism Management*. 2021. Vol. 82. Article no. 104169. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2020.104169>
8. Aries M., Aarts M., van Hoof J. Daylight and Health: A Review of the Evidence and Consequences for the Built Environment // *Lighting Research & Technology*. 2013. Vol. 47, issue 1. Pp. 6–27. <https://doi.org/10.1177/1477153513509258>
9. Hematological Reactions in the Inhabitants of the Arctic on a Polar Night and a Polar Day / S. N. Balashova [et al.] // *Immunity, Inflammation and Disease*. 2020. Vol. 8, issue 3. Pp. 415–422. <https://doi.org/10.1002/iid3.323>
10. Diet and Mental Health in the Arctic: Is Diet an Important Risk Factor for Mental Health in Circumpolar Peoples? A Review / N. K. McGrath-Hanna [et al.] // *International Journal of Circumpolar Health*. 2003. Vol. 62, issue 3. Pp. 228–241. <https://doi.org/10.3402/ijch.v62i3.17560>
11. Аманжолова Д. А. Внутренний туризм как инструмент укрепления гражданского единства полиэтничного российского общества // *Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса*. 2012. № 3. С. 34–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrenniy-turizm-kak-instrument-ukrepleniya-grazhdanskogo-edinstva-polietnichnogo-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 13.06.2024).
12. Мяскин В. Н., Шапаров А. Е., Тиханова Д. В. Совершенствование оценки туристского потенциала субъектов Арктической зоны РФ // *Экономика региона*. 2021. Т. 17, № 1. С. 235–248. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-18>
13. Гаджиева Е. А., Севастьянов Д. В. Тенденции социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и роль круизного туризма на Севморпути // *Россия: общество, политика, история*. 2023. № 1 (6). С. 66–87. [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-66-87](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-66-87)
14. Балабейкина О. А., Гаврилова К. С., Кузнецова Ю. А. Религиозный туризм как составляющая брендинга Архангельской области // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2021. № 3. С. 118–128. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2021.73.008>
15. Тимошенко Д. С. Брендинг арктических туристских дестинаций в России // *Арктика и Север*. 2021. № 42. С. 257–270. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.42.257>
16. Грушенко Э. Б. Разработка стратегических направлений и определение значения туристской отрасли в устойчивом развитии Западной Арктики РФ // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2018. № 1 (57). С. 132–139. <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X-1-2018-57-131-139>
17. Цветков А. Ю. Перспективы арктического туризма в России в современных условиях // *Арктика и Север*. 2023. № 51. С. 233–246. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.233>
18. Севастьянов Д. В. Арктический туризм и рекреационное природопользование – новый вектор развития северных территорий // *Россия в глобальном мире*. 2017. № 10 (33). С. 75–88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arkticheskiy-turizm-i-rekreatsionnoe-prirodopolzovanie-novyy-vektor-razvitiya-severnyh-territoriy> (дата обращения: 13.06.2024).
19. Rethinking Connectivity in Arctic Tourism Development / C. Ren [et al.] // *Annals of Tourism Research*. 2024. Vol. 105. Article no. 103705. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103705>
20. Коньшев Е. В., Лутошкина А. К. Экономические последствия влияния COVID-19 на развитие туризма в арктических регионах России // *Арктика: экология и экономика*. 2021 Т. 11, № 4. С. 504–518. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-4-504-518>
21. Цветков В. А., Дудин М. Н., Юрьева А. А. Стратегическое развитие Арктического региона в условиях больших вызовов и угроз // *Экономика региона*. 2020. Т. 16, № 3. С. 680–695. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-1>
22. Давыдова А. С. Природный парк как часть стратегии развития устойчивого туризма в селе Териберка (Мурманская область) // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2021. № 4. С. 114–127. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2021.74.009>
23. Кунников А. В. Перспективы развития арктического круизного туризма в западном секторе российской Арктики // *Арктика: экология и экономика*. 2020. № 4 (40). С. 130–138. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-130-138>

24. Желнина З. Ю., Терещенко Н. В. Мотивация и культурные стереотипы как факторы развития арктического туризма // Общество: философия, история, культура. 2019. № 2 (58). С. 72–76. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.2.15>

25. Кондратьева С. В. Выбор туристских дестинаций жителями Арктической зоны РФ: общие тенденции и специфика (2004–2021 гг.) // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 195–211. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.195>

REFERENCES

1. Lukin Yu.F. Russia's Arctic Challenges. *Russia: Society, Politics, History*. 2022;(2):59–87. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://www.ru-society.com/jour/article/view/24?locale=ru_RU (accessed 13.06.2024).

2. Karginova-Gubinova V.V., Vasilieva A.V., Moroshkina M.V., Potasheva O.V. Attracting Investment in the Arctic: In Which Regions Are Arctic Residents the Most Significant, Effective and Sustainable? *Arctic: Ecology and Economy*. 2023;13(3):394–404. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2023-3-394-404>

3. Kondrateva S.V., Moroshkina M.V. Tourism and Recreation of the Russian Arctic Population: Opportunities and Limitations. *Arctic and North*. 2021;(45):113–126. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.45.113>

4. Chen J.S., Wang W., Jensen O., Kim H., Liu W.Y. Perceived Impacts of Tourism in the Arctic. *Journal of Tourism and Cultural Change*. 2021;19(4):494–508. <https://doi.org/10.1080/14766825.2020.1735403>

5. Shijin W., Yaqiong M., Xueyan Z., Jia X. Polar Tourism and Environment Change: Opportunity, Impact and Adaptation. *Polar Science*. 2020;25:100544. <https://doi.org/10.1016/j.polar.2020.100544>

6. Olsen J., Nenashева M. Adaptive Capacity in the Context of Increasing Shipping Activities: A Case from Solovetsky, Northern Russia. *Polar Geography*. 2018;41(6):241–261. <https://doi.org/10.1080/1088937X.2018.1513960>

7. Buckley R., Zhong L., Martin S. Mental Health Key to Tourism Infrastructure in China's New Megapark. *Tourism Management*. 2021;82:104169. <https://doi.org/10.1016/j.tourman.2020.104169>

8. Aries M., Aarts M., van Hoof J. Daylight and Health: A Review of the Evidence and Consequences for the Built Environment. *Lighting Research & Technology*. 2013;47(1):6–27. <https://doi.org/10.1177/1477153513509258>

9. Balashova S.N., Samodova A.V., Dobrodeeva L.K., Belisheva N.K. Hematological Reactions in the Inhabitants of the Arctic on a Polar Night and a Polar Day. *Immunity, Inflammation and Disease*. 2020;8(3):415–422. <https://doi.org/10.1002/iid3.323>

10. McGrath-Hanna N.K., Greene D.M., Tavernier R.J., Bult-Ito A. Diet and Mental Health in the Arctic: Is Diet an Important Risk Factor for Mental Health in Circumpolar Peoples? A Review. *International Journal of Circumpolar Health*. 2003;62(3):228–241. <https://doi.org/10.3402/ijch.v62i3.17560>

11. Amanzholova D.A. [Domestic Tourism as a Tool for Strengthening the Civil Unity of Multi-Ethnic Russian Society]. *Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service*. 2012;(3):34–36. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrenniy-turizm-kak-instrument-ukrepleniya-grazhdanskogo-edinstva-polietnichnogo-rossiyskogo-obschestva> (accessed 13.06.2024).

12. Myakshin V.N., Shaparov A.E., Tihanova D.V. Improving the Assessment of the Tourism Potential of the Russian Arctic. *Economy of Region*. 2021;17(1):235–248. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-18>

13. Gadzhieva E.A., Sevastyanov D.V. Trends in the Socio-Economic Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and the Importance of Cruise Tourism on the Northern Sea Route. *Russia: Society, Politics, History*. 2023;(1):66–87. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1\(6\)-66-87](https://doi.org/10.56654/ROPI-2023-1(6)-66-87)

14. Balabeikina O.A., Gavrilova K.S., Kuznetsova J.A. The North and the Market: Forming the Economic Order. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2021;(3):118–127. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2021.73.008>

15. Timoshenko D.S. Branding of Arctic Tourist Destinations in Russia. *Arctic and North*. 2021;(42):257–270. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2021.42.257>
16. Grushenko E.B. Development of Strategic Directions and Determination of the Importance of the Tourism Industry in the Sustainable Development of the Western Arctic of the Russian Federation. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2018;(1):132–139. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25702/KSC.2220-802X-1-2018-57-131-139>
17. Tsvetkov A.Yu. Prospects for Arctic Tourism in Russia in Modern Conditions. *Arctic and North*. 2023;(51):233–246. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.233>
18. Sevastyanov D.V. Arctic Tourism and Recreational Environmental Management – A New Vector for the Development of Northern Territories. *Russia in the Global World*. 2017;(10):75–88. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/arkticheskiy-turizm-i-rekreatsionnoe-prirodopolzovanie-novyy-vektor-razvitiya-severnnyh-territoriy> (accessed 13.06.2024).
19. Ren C., Jóhannesson G.T., Ásgeirsson M.H., Woodall S., Reigner N. Rethinking Connectivity in Arctic Tourism Development. *Annals of Tourism Research*. 2024;105:103705. <https://doi.org/10.1016/j.annals.2023.103705>
20. Konyshov E.V., Lutoshkina A.K. Economic Consequences of the Impact of COVID-19 on the Development of Tourism in the Arctic Regions of Russia. *Arctic: Ecology and Economics*. 2021;11(4):504–518. <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-4-504-518>
21. Tsvetkov V.A., Dudin M.N., Yuryeva A.A. Strategic Development of the Arctic Region in Conditions of Great Challenges and Threats. *Economy of Region*. 2020;16(3):680–695. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-1>
22. Davydova A.S. Natural Park as Part of the Strategy for the Development of Sustainable Tourism in Teriberka Settlement (Murmansk Region). *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2021;(4):114–127. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37614/2220-802X.4.2021.74.009>
23. Kunnikov A.V. Prospects for the Development of Arctic Cruise Tourism in the Western Sector of the Russian Arctic. *Arctic: Ecology and Economy*. 2020;(4):130–138. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2020-4-130-138>
24. Zhelnina Z.Yu., Tereshchenko N.V. Motivation and Cultural Stereotypes as Factors in the Development of Arctic Tourism. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2019;(2):72–76. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/fik.2019.2.15>
25. Kondrateva S.V. The Choice of Tourist Destinations by Residents of the Arctic Zone of the Russian Federation: General Trends and Specifics (2004–2021). *Arctic and North*. 2023;(51):195–211. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.195>

Об авторах:

Кондратьева Светлана Викторовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>, Researcher ID: H-3097-2015, SPIN-код: 3004-4231, svkorka@mail.ru

Каргинова-Губинова Валентина Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3621>, Researcher ID: H-9921-2018, SPIN-код: 6756-6690, vkarginowa@yandex.ru

Морошкина Марина Валерьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики – обособленного подразделения Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (185030, Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6520-4248>, Researcher ID: O-9248-2015, SPIN-код: 6373-8914, maribel74@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

С. В. Кондратьева – подготовка текста статьи; подготовка графических результатов исследования; формирование выводов; критический анализ и доработка текста.

В. В. Каргинова-Губинова – подготовка текста статьи; проведение расчетов; подготовка графических результатов исследования; формулирование выводов; критический анализ и доработка текста.

М. В. Морoshкина – постановка проблемы исследования; научное руководство; формулирование основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 01.07.2024; одобрена после рецензирования 17.09.2024; принята к публикации 24.09.2024.

About the authors:

Svetlana V. Kondrateva, Cand.Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk 185030, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8832-9182>, Researcher ID: H-3097-2015, SPIN-code: 3004-4231, svkorka@mail.ru

Valentina V. Karginova-Gubinova, Cand.Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk 185030, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8630-3621>, Researcher ID: H-9921-2018, SPIN-code: 6756-6690, vkarginowa@yandex.ru

Marina V. Moroshkina, Cand.Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Economics, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (50 A. Nevskogo Ave., Petrozavodsk 185030, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6520-4248>, Researcher ID: O-9248-2015, SPIN-code: 6373-8914, maribel74@mail.ru

Contribution of the authors:

S. V. Kondrateva – preparation of the text of the article; graphical representation of the results; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text.

V. V. Karginova-Gubinova – preparation of the text of the article; carrying out calculations; graphical representation of the results; drawing conclusions; critical analysis and revision of the text.

M. V. Moroshkina – statement of the research problem; scientific leadership; formulation of the basic concept of the study; drawing conclusions.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 01.07.2024; revised 17.09.2024; accepted 24.09.2024.

Опыт правового регулирования управления чужим бизнесом в различных регионах мира

И. А. Емелькина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(г. Москва, Российская Федерация)
emelkina-ia@ranepa.ru*

Аннотация

Введение. В условиях экономических санкций со стороны недружественных государств нашей страной был взят курс на деофшоризацию экономики – возврат частных капиталов из зарубежных и международных финансовых структур (доверительных фондов) и их перевод в российское правовое поле. Цель исследования – осуществить сравнительный анализ правового регулирования в сфере управления чужим бизнесом в зарубежных государствах с целью поиска лучших практик для имплементации в российское право.

Материалы и методы. Использованы сравнительно-правовой и сравнительно-исторический подходы. Проведен анализ научных трудов, законодательных и нормативных документов, связанных с вопросами управления чужой собственностью в других странах, а также обобщены примеры правоприменительной практики. С помощью методов сравнительного правоведения, системного анализа, правового моделирования выявлены различия в подходах управления бизнесом через доверительные фонды и доверительные договоры, определены основные принципы правового регулирования управления чужим имуществом как целостного института, сформулированы возможные пути реформирования российского права.

Результаты исследования. Выявлено, что современные зарубежные правовые порядки выработали разнообразные модели управления частными бизнес-активами. Трастовая модель развита в Великобритании, США и других странах общего права. Определено, что правовые порядки смешанного и континентального права предприняли попытки отказа от прямого заимствования траста и выработали различные пути для введения в собственные правовые системы институтов, сходных с трастом. Установлено, что в российском праве появились предпосылки для создания отдельного правового регулирования отношений по управлению частным имуществом, не тождественного институту траста.

Обсуждение и заключение. В целях создания в нашей стране благоприятного инвестиционного климата необходимо развивать институты профессионального управления чужим бизнесом и наследственного планирования бизнеса, в связи с чем видится целесообразным включение в Гражданский кодекс Российской Федерации специального раздела, регулирующего управление частным имуществом. Полученные результаты имеют практическую значимость для представителей юридического, экономического, бизнес-сообщества, практикующих юристов, преподавателей, а также представителей законотворческой инициативы.

© Емелькина И. А., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: траст и трастоподобная конструкция, право собственности, унитарная организация, управление чужим бизнесом, наследственный, личный, паевый инвестиционный, трастовый фонды

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС НИР № 5.3-2024-1 «Проблемы правового регулирования управления частными бизнес-активами в новых экономических условиях».

Благодарности. Автор благодарит рецензентов за ценные замечания, которые позволили улучшить качество текста.

Для цитирования: Емелькина И. А. Опыт правового регулирования управления чужим бизнесом в различных регионах мира // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 4. С. 733–748. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.733-748>

Experience of Legal Regulation of Management of Other People's Business in Different Regions of the World

I. A. Emelkina

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russian Federation)
emelkina-ia@ranepa.ru*

Abstract

Introduction. In the context of economic sanctions from unfriendly countries, our country has taken a course on deoffshorization of the economy – return of private capital from foreign and international financial structures (trust funds) and their transfer into the Russian legal field. The purpose of the study is to carry out a comparative analysis of the legal regulation of foreign business management in foreign countries in search of best practices for implementation in Russian law.

Materials and Methods. Comparative-legal and comparative-historical approaches were used. The analysis of scientific works, legislative and regulatory documents related to the issues of management of other people's property in other countries was carried out, as well as examples of law enforcement practice were generalized. With the help of methods of comparative jurisprudence, system analysis, legal modeling the differences in approaches to business management through trust funds and trust agreements are revealed, the main principles of legal regulation of the management of other people's property as an integral institution are determined, possible ways of reforming the Russian law are formulated.

Results. As a result of the analysis, it was concluded that modern foreign legal systems have developed a variety of models for managing private business assets. The trust model is developed in the United Kingdom, the United States and other common law countries. The legal systems of mixed and continental law have attempted to abandon the direct borrowing of trust and have developed various ways to introduce institutions similar to trust into their own legal systems (trust-like structures). At present, prerequisites have emerged in Russian law for the creation of separate legal regulation of relations on private property management, not identical to the institution of trust.

Discussion and Conclusion. In order to create a favorable investment climate in our country it is necessary to develop the institutions of professional management of other people's business and inheritance business planning, in this regard it seems advisable to include in the Civil Code of the Russian Federation a special section regulating the management of private property. The obtained results have practical significance for representatives of the legal, economic, business community, practicing lawyers, teachers, as well as representatives of the lawmaking initiative.

Keywords: trust and trust-like construction, ownership, unitary organization, management of another's business, inherited, personal, unit investment, trust funds

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The article was written within the framework of the state assignment of the Russian Academy of National Economy and Public Administration NIR № 5.3-2024-1 "Problems of legal regulation of private business assets management in new economic conditions".

Acknowledgements. The author would like to thank the reviewers for their valuable comments that improved the quality of the text.

For citation: Emelkina I.A. Experience of Legal Regulation of Management of Other People's Business in Different Regions of the World. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):733–748. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.733-748>

Введение. Экономические санкции недружественных стран, введенные против Российской Федерации, отдельных ее граждан и юридических лиц, способствовали активизации в нашей стране процедуры деофшоризации, т. е. выводу частных капиталов из зарубежных и международных финансовых структур (трастовых фондов) и их инвестирование в национальную экономику, как в реальные сектора производства, так инвестиционные фонды. Более подробно влияние введенных санкций на российскую экономику мы изучали в наших предыдущих публикациях [1].

Президентом Российской Федерации неоднократно ставилась задача деофшоризации российской экономики¹. Для этого в российском праве приняты специальные правовые меры, направленные на упрощение порядка регистрации управляющих компаний в специально созданных административных районах со льготным налогообложением. Для регистрации международных компаний на территории России в специальных административных районах (таковые предусмотрены на о. Русский и о. Октябрьский) закреплены две формы их создания: редомициляция и инкорпорация. На сегодняшний день механизмы редомициляции и инкорпорации активно применяются бизнесом. На 15 июля 2024 г. в российских административных районах со льготным налогообложением зарегистрировано 428 резидентов².

В настоящее время российское законодательство предусматривает разнообразные способы инвестирования бизнесом в отечественную экономику, однако произошедшие экономические преобразования потребовали создания новых форм предпринимательской деятельности, в том числе через эффективное управление инвестициями, ценными бумагами, имущественными правами и пр.

Таковыми способами управления имуществом (бизнес-активами) являются международные фонды, инвестиционные фонды, личные (прижизненные и наследственные) фонды, а также отдельные договорные конструкции профессионального управления имуществом (доверительное управление, посреднические договоры). Перечисленные правовые формы управления внедрены в российские экономико-правовые отношения в последние несколько лет, в связи с чем их правовая природа требует осмысления, адаптации к существующим российским реалиям, приведения в соответствие с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) и иных нормативно-правовых актов. Особенно актуальной выступает задача создания института профессионального управления

¹ Послание Президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс] // Президент России : сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825> ; Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 27.08.2024).

² Число компаний в САР выросло на треть с начала года [Электронный ресурс] // Известия : сайт. 2024. 15 июля. URL: <https://iz.ru/1727433/2024-07-15/chislo-kompanii-v-sar-vyroslo-na-tret-s-nachala-goda> (дата обращения: 27.08.2024).

частным бизнесом согласно с обозначенной учредителем целью и условием перечисления дохода от управления выгодоприобретателям (бенефициарам).

Российская правовая доктрина об управлении частным имуществом в последние десятилетия развивалась главным образом с целью поиска конструкций, которые национальное право могло бы противопоставить англо-американским трастам. Еще в 1993 г. в качестве одного из способов приватизации государственных предприятий была установлена возможность оформления в доверительную собственность (траст) правопреемника. Однако в начале 1990-х гг. правоведы подвергли серьезной критике правовой институт общего права, известный как траст, введенный в российский правовой порядок Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)»³. Главным аргументом выступило обоснование отсутствия условий для введения в систему, основанной столетиями на унитарной собственности, чуждого и действующего на иных принципах англо-американского института разделенной собственности. Позднее, в 1994 г., данный указ был признан противоречащим ГК РФ, который, в свою очередь, впервые ввел в российское право в противовес трасту договор доверительного управления имуществом как основную правовую форму осуществления чужого права собственности.

Современные зарубежные правовые порядки выработали разнообразные модели управления частными бизнес-активами. Основной является модель англо-американского траста, которая сложилась исторически в целях оформления прав в случае, когда лицо оставляло свое имение для управления другому лицу с выплатой дохода от имущества бенефициару. Основаны трастовые отношения на разделенной и доверительной собственности. Трастовая модель развита в Великобритании, США и в других правовых системах общего права. Правовые порядки смешанного и континентального права предприняли попытки отказа от прямого заимствования траста и выработали различные пути для введения отношений, подобных трасту, в собственные правовые системы (трастоподобные конструкции) (в Южной Корее, Китае, Франции, Германии, Швейцарии, Чехии, Шотландии, Луизиане, Квебеке).

Мы не видим оснований для прямого заимствования российским правом англо-американского траста, поскольку руководствуемся иными нормами и принципами частного права – деление на вещные и обязательственные права, право собственности и ограниченные вещные права, закрытый перечень вещных прав, унитарность собственности при передаче ее в управление). В качестве основной гипотезы в работе ставим возможность формирования национальных правовых конструкций, позволяющих передать право управления имуществом профессиональным управляющим для достижения указанной учредителем управления цели. Введение подобного управления возможно без заимствования элементов разделенной собственности, и конституирующим признаком подобного управления частным бизнес-имуществом выступает унитарная собственность.

Цель исследования заключается в анализе институтов доверительного управления имуществом в странах с разными правовыми системами в поисках лучших законодательных практик.

³ О доверительной собственности (трасте): Указ Президента Рос. Федерации от 24 дек. 1993 г. № 2296 // СПС «Консультант Плюс».

Обзор литературы. В литературе существует ряд исследований, посвященных управлению чужим имуществом в различных национальных правовых системах⁴. Основные различия в подходах заключаются в следующем: 1) исследование траста как основы имущественных отношений англо-американского права (в сфере собственности, инвестиций, наследования, семейных прав и др.) и возможности распространения как образца в различных правовых системах с учетом отдельных национальных особенностей [2]⁵; 2) признание невозможности прямого заимствования траста и производных от него институтов в частных системах и необходимости создания собственных институтов управления, но сходных с трастом⁶; 3) исследование функционирования отдельных трастоподобных институтов в странах частного права⁷ [3].

Относительно имплементации зарубежных институтов управления имуществом в российское право имеются следующие подходы: 1) анализ отсутствия оснований для внедрения в российское право англо-американской доверительной собственности, аргументация самодостаточности института доверительного управления⁸ [4]; 2) исследование отношений, где имеется потребность в доверительных институтах общего права и доказательств необходимости российского аналога траста⁹ [5]; 3) изучение отдельных аспектов, где можно внедрить элементы известных за рубежом доверительных институтов управления имуществом посредством личного фонда и паевого инвестиционного фонда [6–9]. С переходом к рынку исследований, касающихся траста и разделенной собственности, появилось гораздо больше, но они главным образом касаются сравнительно-правового характера с доверительным управлением [5; 10].

Принимая во внимание вышеуказанные исследования, необходимо отметить, что в российской доктрине практически не представлены работы, описывающие положительный опыт стран с континентальной и смешанной правовой системой (в том числе постсоциалистических стран) по закреплению в последние годы в их законодательстве институтов управления чужим бизнесом, попытки ухода от копирования англо-американских доверительных конструкций. Отсюда гипотеза нашего исследования: прямое заимствование доверительной (разделенной) собственности приведет к противоречиям между институтами частного права, но возможно создание института управления имуществом посредством использования опыта европейских и иных исторически близких по содержанию

⁴ Braun A. The State of the Art of Comparative Research in the Area of Trusts (December 17, 2015) // *Comparative Property Law: Global Perspectives* / M. Graziadei, L. D. Smith. Cheltenham : Edward Elgar Publishing (Forthcoming), 2016; Lau M. W. *The Economic Structure of Trusts: Towards a Property-based Approach*. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2011. 214 p.; Akkermans B. *The Numerus Clausus of Property Rights // Comparative Property Law: Global Perspectives* / eds. by M. Graziadei, L. D. Smith. Cheltenham : Edward Elgar Publishing (Forthcoming), 2016.

⁵ Hudson A. *Understanding Equity & Trusts*. 3rd ed. London ; New York : Routledge Cavendish, 2007. P. 30; Drucker A. *Trusts on the Continent of Europe // International Comparative Law Quarterly*. 1955. Vol. 4, no. 4. Pp. 550–552.

⁶ Mattei U. *Should Europe Codify Trust? // Themes in Comparative Law: In Honour of Bernard Rudden* / eds. by P. Birks, A. Pretto. Oxford : Oxford University Press, 2022. 302 p.

⁷ *Stiftungsrecht* / hrsg. von A. Richter, A. V. Campenhausen. München : C.H. Beck, 2019; Muscheler K. *Stiftungsrecht. Gesammelte Beiträge II*. Baden-Baden : Nomos, 2019.

⁸ Суханов Е. А. *Вещное право: научно-познавательный очерк*. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2024. С. 183.

⁹ Боневоленская З. Э. *Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства* : моногр. М. : Проспект, 2017. 303 с.

правопорядков. Для подтверждения поставленной гипотезы нами было проведено данное исследование.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили оригинальные законодательные акты различных правопорядков, зарубежная и российская научная и учебная литература по исследуемой теме. При выборе нормативного материала руководствовались критерием анализа законов тех государств, которые ввели в свои правопорядки правовые конструкции профессионального управления благосостоянием, сходные по целям с англо-американскими трастами (трастоподобные фонды, частные и личные фонды, фидуциарное управление имуществом и др.). Критерием выбора научной литературы выступал такой аспект, как наличие в монографиях и научных статьях концептуальных подходов при анализе категорий управления бизнес-активами: сущности и правовой природы институтов по профессиональному управлению бизнесом в том или ином правопорядке, особенностей их внедрения в национальные экономические отношения, соотношения управления бизнесом с правом собственности на управляемые бизнес-активы, описание проблем, которые возникают при регулировании траста и трастоподобных конструкций.

На первом этапе исследования были изучены особенности правового регулирования различных моделей управления имуществом в государствах, где они сформировались и до сих пор являются востребованными конструкциями, их эволюция, в том числе модель англо-американского траста. Основной целью первого этапа работы выступила аргументация сущности траста как явления, которое свойственно правопорядкам общего права, но в условиях глобализации проникшее в государства, которые имеют смешанные и частно-правовые системы права. На втором этапе изучены правопорядки, которые, основываясь на национальных правовых традициях, заимствовали элементы англо-американского траста, приспособив их к собственным юрисдикциям в виде самостоятельного правового института «управления имуществом». В рамках данного этапа показаны особенности адаптации трастоподобных конструкций в национальное право континентальных правопорядков, юго-восточной Азии, некоторых африканских стран и др. Основная цель данного этапа – показать наличие нескольких направлений в современном развитии законодательства об управлении бизнес-имуществом: сохранение в большинстве государств с частным правом классических признаков договора доверительного или фидуциарного управления бизнесом, создание фондов для управления имуществом, внедрение трастоподобных конструкций и институтов траста на фоне частного права и, соответственно, создание дуализма в правовом регулировании. Сравнительно-правовой и исторический анализ позволил найти ответы на вопросы, которые появились в российской правовой доктрине в ходе реформирования управления имуществом.

Результаты исследования. В системе моделей управления частным имуществом наиболее популярными остаются англо-американские трасты. Отмечается, что существует более 160 разновидностей трастов¹⁰. В начале 2000-х гг.

¹⁰ Lau M. W. The Economic Structure of Trusts...

насчитывалось 53 правопорядка, которые заимствовали в том или ином виде правовую модель англо-американского траста (не считая основные мировые юрисдикции общего права (т. е. Англию, США, Канаду, Австралию, Гонконг, Сингапур, Индию и т. д.)¹¹.

Траст – самостоятельный институт, который устанавливается по воле собственника-учредителя (settlor), передавшего свое имущество в собственность управляющему (trustee), который выступает в обороте в качестве формального собственника по общему праву, обязанного действовать в интересах бенефициара (beneficiary)¹². Такое расщепление права собственности существует посредством предоставления каждому собственнику «пучка прав».

Исследователи англо-американского траста называют следующие важнейшие его черты, которые привлекают собственников к передаче своих активов в траст: обеспечение профессионального управления бизнесом, конфиденциальность информации об учредителе траста и его бенефициаре, льготное налогообложение, гарантии максимального получения дохода и минимальных рисков, защита активов от взыскания кредиторов управляющего; сохранение капиталов в собственности семьи и др.¹³

В то же время, при обсуждении модели траста в континентальном праве ученые перечисляют ее недостатки и противоречия, которые заключаются в том, что эта конструкция часто используется для неправомерных целей или обхода закона (например, с целью уйти от налогообложения или от взыскания имущества кредиторами и др.)¹⁴.

Сформировалось несколько подходов развития законодательства: аналоги траста или отдельные элементы заимствуются и правопорядками континентального права, и смешанными юрисдикциями; отказ от траста и создание собственных институтов управления имуществом [10]. Заимствование трастовых элементов в системы континентального права вовсе не означает, что в академических кругах юристы признали отказ от унитарной модели собственности. Напротив, в течение последнего столетия праведы стран континентального права, исследуя трасты, решают задачу адаптации модели общего права к правовым системам, основанным на классических частноправовых принципах [10]. Главным препятствием для прямого заимствования траста считаются возникающие противоречия между правовой природой траста как разделенной собственности и частноправовых принципов абсолютной собственности и «numerus clausus»¹⁵.

Трастоподобные конструкции в смешанных юрисдикциях. Как отмечает Д. В. Дождев, «ни в одной из стран цивилистической традиции, даже в тех, в которых существование института стимулируется соответствующим окружением и судебной системой, выстроенной по канонам общего права (так называемые смешанные юрисдикции), и где траст признается творением местного

¹¹ Meng Z. Ownership of Trust Property in China a Comparative and Social Capital Perspective. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2017.

¹² Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. С. 183.

¹³ Lau M. W. The Economic Structure of Trusts...

¹⁴ Zimmermann R., Helmholz R. Itinera Fiduciaie, Trust and Treuhand in Historical Perspective. Berlin : Dunker & Humblot, 1998. 544 p.

¹⁵ Akkermans B. The Numerus Clausus of Property Rights...

гражданского права... собственно траст воспроизведен не был»¹⁶. Рассмотрим подробнее некоторые из них.

Шотландский траст. Шотландское право представляет собой смешанную правовую систему, основанную на английском общем праве, гражданском праве, а также на местных традициях и нормах. Считается, что корни шотландского права берут начало с римского права, на которое повлиял и принцип абсолютной собственности. Однако трастовые отношения зародились еще в XVII в. под влиянием общего права¹⁷.

В шотландском доверительном управлении (трасте) управляющий становится собственником имущества, преданного ему учредителем. В основу трастовых отношений заложена концепция *patrimony*, т. е. траст существует как особое имущество (*patrimony*), находящееся в собственности лица, наделенного особой формальной ролью¹⁸.

Управление имуществом в Луизиане. Луизиана является смешанной юрисдикцией, где частное право основано на гражданской традиции, а публичное право – на традиции общего права. Территория Луизианы несколько раз находилась под контролем Франции, некоторое время была испанской колонией, а в 1803 г. была приобретена США. Таким образом, законы Луизианы были основаны на латинской гражданской традиции и находились под сильным влиянием французского Кодекса Наполеона 1804 г.

Правовое регулирование отношений по доверительному управлению имуществом (трастом) связывается с принятием Акта о доверительном управлении «Trust Code» (Louisiana Acts 1964, No. 338 § 2, в редакции 1996 г.: Louisiana Revised Statutes (R.S.) 9: 1721–2252). Под доверительным управлением (трастом) понимают отношения, в которых управляющий – это лицо, которому передается право собственности на трастовую собственность для управления им в качестве фидуциара (ст. 1781 Акта о доверительном управлении)¹⁹. Несмотря на указание в законе права собственности управляющего на имущество, существует дискуссия о том, кто же является собственником имущества. Одни утверждают, что собственником является управляющий, тогда как другие собственником считают бенефициара, а управляющий лишь имеет право на распоряжение.

Доверительное управление в Южной Африке. Возникновению отношений по доверительному управлению имуществом (трастом) способствовало развитие торговли британскими иммигрантами. Исследователи траста признают, что отношения сторон управляются принципами договорного права.

Согласно закону о трасте (Trust Property Control Act 57) 1988 г., в ЮАР возможно возникновение различных трастовых конструкций в зависимости от того, кто признается собственником имущества, переданного в управление. Поэтому различают трасты, в которых собственность может принадлежать управляющему либо бенефициариям²⁰.

¹⁶ Дождев Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / сост. и отв. ред. О. А. Хазова. М., 2006. С. 251–345

¹⁷ Meng Z. Ownership of Trust Property in China a Comparative and Social Capital Perspective.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

Законодательство Квебека находилось под влиянием французского права (в XVII в.), частное право – под влиянием английского права (в XVIII в.). Начиная с XVIII в. стали создаваться англоязычные предприятия и торговые компании, и использование траста общего права стало популярным.

Первые трасты в Квебеке возникали на основании норм Гражданского кодекса 1888 г. (art. 981a–981m). Траст по законодательству Квебека (во французском тексте – *fiducie*) – это право по управлению чужим имуществом, вверенным под заботу и охрану фидуциария (*trustee*). Далее было признано право собственности за управляющим (*Royal Trust Co v. Tucker* (1982 г.), at 272–273). В последнем Гражданском кодексе Квебека от 1991 г. (art. 1256–1298) были изменены подходы к понятию траста. Право на вещь придали самому трасту, воспроизведя доктрину П. Леполя о целевом имуществе – *patrimoine d'affectation*.

Согласно теории П. Леполя, трастовый фонд никому не принадлежит (будь то учредитель фидуции, попечитель или бенефициар); он предназначен для определенной цели или назначения; личное право в нем имеют управляющий (посредством права он может управлять им) и бенефициар (посредством права он обязывает доверительного управляющего выполнять право бенефициара на распределение)²¹.

Управление имуществом в Восточной Азии. Управление имуществом в странах Восточной Азии – Японии, Китае, Южной Корее, характеризуется сильным влиянием англо-американского траста (Япония) и стремлением национальных юристов создать собственные правовые конструкции управления имуществом (Китай). Законодательство Японии об управлении имуществом одно из первых закрепило данный институт, первый закон о трастах Японии был принят в 1922 г. В 2006 г. был принят новый закон Японии о трастах, на который повлияли инвестиционные и финансовые схемы в коммерческих трастах, а также развитие семейных трастов с целью управления активами и передачи наследства.

Статья 2 (1) японского Закона о трастах 2006 г. определяет траст как соглашение, в котором лицо «управляет или распоряжается имуществом в соответствии с определенной целью (кроме цели исключительного продвижения собственных интересов лица) и совершает любые другие действия, необходимые для достижения такой цели». В Законе о трастах 2006 г. четко подтверждено, что право собственности на доверительное имущество находится в руках доверительного управляющего. В частности, ст. 2 (3) японского Закона о трастах 2006 г. определяет доверительное имущество как «любое или все имущество, которое принадлежит доверительному управляющему и которое должно управляться или распоряжаться через траст»²².

Конструкция управления имуществом в Китае. Китай принял Закон о трастах в 2001 г. (№ 50)²³, в год вступления Китая в ВТО, с ожиданием регулирования трастовой отрасли и содействия экономическому росту страны. Закон о трастах предоставил новые способы деловых операций, которые не могут быть достигнуты с помощью других структур транзакций, и создал расширенные возможности для бизнеса.

²¹ Meng Z. Ownership of Trust Property in China a Comparative and Social Capital Perspective.

²² Там же.

²³ Закон о собственности Китайской Народной Республики (2007 г.).

Статья 2 китайского Закона о трастах определяет траст как соглашение, в соответствии с которым «учредитель, на основе доверия к управляющему, доверяет определенные права собственности, которыми он владеет, доверительному управляющему, а доверительный управляющий управляет или распоряжается правами собственности от своего имени в соответствии с намерениями учредителя и в интересах бенефициара или для определенных целей»²⁴.

В Китае возможно управление чужими активами по двум схемам: первая включает передачу права собственности учредителя в собственность доверительному управляющему, а вторая предусматривает сохранение права собственности за учредителем.

Трасты в Южной Корее. Южная Корея приняла Закон о трастах в 1961 г., когда находилась на ранних стадиях своего экономического роста. Корейский Закон о трастах тесно следует японскому Закону о трастах 1922 г. Ст. 1 корейского закона определяет траст как «правовые отношения» между учредителем и доверительным управляющим, включающие «передачу» или «отчуждение» «определенного имущества» доверительному управляющему, как предусмотрено в ст. 1 японского Закона о трастах 1922 г. Корейский Закон о трастах четко предполагает, что право собственности на имущество траста переходит от учредителя к доверительному управляющему²⁵.

Гражданский кодекс Чехии (Obcansky-zakonik) 2012 г. закрепляет широкое по содержанию право управления. Кодекс предусматривает специальный раздел «Управление чужим имуществом», помещенный после раздела «Вещное право»²⁶.

В ст. 1400 Гражданского кодекса Чехии предусмотрено, что любое лицо, на которое возложено управление имуществом и которое не является его собственным, считается управляющим в чужих интересах (т. е. в интересах бенефициара). Управляющий совершает правовые действия в качестве представителя собственника. Чешское законодательство закрепило два вида управления: простое и квалифицированное. Простое управление реализуется через институт представительства, тогда как квалифицированное управление возможно через специальное право управления и через фонды (ст. 1448)²⁷.

Швейцарское право. Правовая система Швейцарии не содержит специальных законодательных актов о доверительном управлении имуществом. Однако трастовые отношения в данном правопорядке существуют давно. Для их правового регулирования был принят Закон «О международном частном праве» от 18 декабря 1987 г. (Bundesgesetz uber das Internationale Privatrecht, BBl 1988 I 5). Его принятие было обусловлено ратификацией Швейцарией Гаагской конвенции «О праве, применимом к трастам, и их признании» от 1 июля 1985 г. Судебная практика Швейцарии выработала правило, согласно которому траст квалифицируется как договорное отношение с элементами поручения²⁸.

²⁴ Meng Z. Ownership of Trust Property in China a Comparative and Social Capital Perspective.

²⁵ Там же.

²⁶ Гражданский кодекс Чехии от 3 февраля 2012 г. (Obcansky-zakonik).

²⁷ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк.

²⁸ Соколова Н. В. Доверительная собственность (траст) в континентальной Европе. М. : Инфотропик Медиа, 2012.

Обеспечительная собственность и управление чужими активами во Франции. Во французском праве через доверительное управление имуществом получило развитие фидуция (*fiducie*)²⁹, которая в силу специфики французского права не обрела четкую правовую природу и представляет собой обеспечительную передачу права собственности в финансовых отношениях до выполнения обязательства. Считается, что фидуция имеет обязательственный характер, наиболее близка к договору доверительного управления и не имеет характеристики разделенной собственности.

Управление имуществом в германском праве. В германском праве для управления имуществом сформировались две специальные правовые формы: *Truehand* (особые договорные формы доверительного управления имуществом и фонды) и *Stiftung* (некоммерческие организации, которые наряду с общественно-полезной деятельностью стали допускать функцию управления имуществом в интересах третьих лиц (управление благосостоянием)). Вопрос о законодательном регулировании доверительного управления в германском праве поднимался неоднократно, причем впервые еще в начале XX в., и обсуждался Ассоциацией юристов Германии. Однако законодатель так и не отреагировал на предложения об изменении, а впоследствии возможность внесения поправок в закон казалась неактуальной³⁰.

К. Фивег и А. Вернер выделяют в германском праве самостоятельную категорию «доверительная собственность» (*Treuhandeigentum*), которая, по их мнению, обозначает передачу собственности «в доверенные руки» (фидуциарный переход права собственности) и основана на идее разделения юридической и экономической собственности. Доверительный собственник (*Treuhänder*) становится полноправным юридическим собственником имущества. Возникающие у него неограниченные полномочия во внешних отношениях ограничены во внутренних отношениях обязательственно-правовым договором о *Treuhand*. Различают *Treuhand* для своих собственных (*eigennützig*) и не для своих собственных целей (*uneigennützig*)³¹.

В немецком правопорядке управление имуществом может быть передано также в фонд (*Stiftung*). Фонды существуют в форме создания как правосубъектной компании общественно-полезного фонда, а также и без специальной правосубъектности в виде управления целевым имуществом.

В настоящее время конструкция фонда в Германии применяется для достижения общепольных целей, управления благосостоянием (*estate planning*) и для наследственного планирования [6; 7].

Управление бизнес-имуществом в российской праву. О проблемах и противоречиях, которые порождает правовая конструкция трастов для континентального права, пишет авторитетный российский ученый-правовед Е. А. Суханов: «попытки юридической квалификации конструкции траста на основе привычных для континентального права представлений наталкиваются на неразрешимые противоречия». Он также отмечает, что «в тех государствах, где на уровне законодательства введены институты, называемые трастом, на самом деле речь идет

²⁹ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк.

³⁰ Braun A. The State of the Art of Comparative Research in the Area of Trusts.

³¹ Vieweg K., Werner A. Sachenrecht. 3 Aufl. Köln; München, 2017. S. 71.

о введении не менее своеобразных правовых институтов, чем сам траст, во всяком случае не укладывающиеся в традиционные континентально-европейские представления о вещном праве»³².

В отечественном праве основополагающей является модель унитарной собственности, которая в противовес разделенной собственности (в ситуации когда в имущественных отношениях на один и тот же объект приходится интересы нескольких субъектов) не предполагает деления их интересов на «пучки прав» (как в англо-американском праве)³³, а сохраняет единое право собственности.

Российская правовая доктрина и законодательство относят к управлению частным имуществом известные российскому праву договорные формы управления имуществом (доверительное управление и т. п.)³⁴ и управление паевым инвестиционным фондом, а также некоммерческую унитарную организацию – личный фонд.

Поскольку потребность в конструкциях по управлению бизнесом в России стала весьма популярной в предпринимательских кругах, то российский законодатель не мог не отреагировать на это обстоятельство. В частности, внесены изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации о наследственных фондах (2018 г.), личных фондах (2022 г.), приняты законы «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», «О международных компаниях и международных фондах»³⁵. Деятельность личных фондов урегулирована Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (им были внесены поправки в Гражданский кодекс Российской Федерации, вступившие в силу с 1 марта 2022 г. о личных фондах). Отмечается, что основная цель организации личных фондов состоит в формировании в России профессионального управления имуществом посредством специально созданной компании [9].

Конструкция российского права по управлению имуществом через личный фонд обладает большим своеобразием, поскольку личный фонд *управляет не чужим, а своим имуществом* [11]. Согласно п. 4 ст. 123.20-4 ГК РФ, имущество, передаваемое личному фонду его учредителем, *принадлежит личному фонду на праве собственности*. Учредитель личного фонда не имеет прав на имущество созданного им фонда. Но, как видно из нормы ГК РФ о личных фондах (п. 1 ст. 123.20-4 ГК РФ), существует правило о том, что личный фонд создается гражданином или после его смерти нотариусом для управления переданным ему этим гражданином имуществом в соответствии с утвержденными им условиями управления, а также ст. 123.20-5 и ст. 123.20-7 ГК РФ содержат правила об условиях управления фондом и управляющим, следовательно, право собственности личного фонда является весьма ограниченным (неполным). С одной стороны,

³² Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. С. 189.

³³ Mattei U. Should Europe Codify Trust? // Themes in Comparative Law: In Honour of Bernard Rudden / eds. by P. Birks, A. Pretto. Oxford : Oxford University Press, 2022. 302 p.

³⁴ Михеева Л. Ю. Эволюция российского частного права: новейшая история // Частное право бывшего СССР: итоги 30-летия : сб. ст. / под ред. Л. Ю. Михеевой. М. : Статут, 2022. С. 362–405.

³⁵ Об особых экономических зонах в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (дата обращения: 18.06.2024); О международных компаниях и международных фондах : Федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 290-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5083.

личный фонд управляет своей собственностью, а с другой – выполняет чужую волю и действует в чужих интересах. Л. Ю. Михеева так охарактеризовала действия личного фонда: он управляет имуществом невидимой рукой учредителя³⁶.

Для обоснования «обхода» в конструкции личного фонда разделения права собственности между учредителем, фондом и выгодоприобретателем представляет интерес концепция «бесхозяйного целевого имущества», разработанная французским юристом П. Леполем [12]. Ученый предложил рассматривать трастоподобные конструкции как управление обособленным целевым имущественным комплексом, на который не имеет право собственности ни один из субъектов правоотношения по управлению имуществом (ни учредитель, ни управляющий, ни выгодоприобретатель). Для управления создается фиктивный субъект – юридическое лицо (в нашем случае это личный фонд), который формально наделяется правом собственности на данный обособленный имущественный комплекс. В свою очередь, правом на управление личным фондом наделяется управляющий, который одновременно имеет широкие полномочия по управлению имуществом посредством личного фонда [13]. При этом «право собственности» личного фонда является существенно ограниченным в связи с наличием сильного права учредителя на оказание влияния на действия управляющего учредителем

В этой связи необходимо признать, что для управления частными бизнес-активами в нашей стране сформировали две модели. Первая построена на управлении чужим имуществом как правовая форма осуществления чужого права собственности (доверительное управление, комиссионная купля-продажа). Вторая построена на управлении своим имуществом, которое выражено в наличии у управляющего права собственности на объект управления.

Таким образом, обобщая изложенное, можно сформулировать вывод о том, что категория управления бизнес-активами является типовой конструкцией, которая охватывает различные виды отношений, возникающих на основе личного доверия и предусматривающих два типа отношений: первый опосредует легитимационную передачу управляющему прав на имущество учредителя (собственника) с возложением обязанности действовать по своему усмотрению, но в интересах третьих лиц выгодоприобретателей; второй основан на праве собственности управляющего имуществом, переданном им учредителем (применительно к личным фондам), действующего по своему усмотрению, но в соответствии с волей учредителя, условиями управления и в интересах выгодоприобретателя.

Обсуждение и заключение. Современные зарубежные правовые порядки выработали разнообразные модели управления частными бизнес-активами. В странах континентального права и со смешанными юрисдикциями заимствованы отдельные элементы трастовых отношений, но правовые порядки избегают прямого заимствования траста и закрепляют разные виды управления частным бизнесом. Анализ законодательства об управлении бизнес-активами показал, что существуют различные механизмы правового регулирования такого управления.

В ряде правовых порядков континентального права, а также в смешанных правовых порядках приняты специальные законы о трастах (Япония, Китай) либо отдельные законы о фондах (Лихтенштейн). Другие правовые порядки ввели управление

³⁶ Михеева Л. Ю. Эволюция российского частного права...

чужим имуществом в гражданские кодексы (Квебек, Луизиана). Также наблюдается тенденция внесения изменений в действующие гражданские кодексы путем их дополнения специальными нормами об управлении имуществом (Чехия, Франция). Для российского права также свойственен подход создания правового регулирования управления имуществом путем внесения изменений в Гражданский кодекс (именно таким образом в российский правопорядок были включены личные фонды).

В отечественном праве заметно заимствование элементов управления имуществом из стран романо-германского права: в частности, личный фонд, создание которого стало возможным с 1 марта 2022 г., имеет черты германского *Stiftung* (общество-полезного частного фонда).

В настоящее время в нашей стране появились предпосылки для создания отдельного правового регулирования в виде института управления имуществом. Создание новых видов управления имуществом в личном фонде, наследственном фонде, инвестиционном фонде, а также расширение сферы действия норм о доверительном управлении свидетельствует о недостаточности потенциала договора доверительного управления и необходимости переработки раздела о доверительном управлении имуществом, создании в его содержании некой общей части в виде общих норм, которые могут быть распространены на различные виды управления, в том числе и на ведение чужого дела, а также специальных норм, посвященных отдельным видам управления.

В этой связи предлагается использовать опыт гражданских кодексов Чехии и Молдавии (создавались с учетом гражданских кодексов Квебека и Луизианы), в которых в ходе реформы были введены самостоятельные разделы управления чужим имуществом. Однако, в отличие от чешского и молдавского законодательства, на наш взгляд, нет оснований включать в содержание института управления посреднические договоры (поручение, комиссия, агентирование), ибо последние в российском праве являются косвенным представительством. Также предполагаем, что при регулировании личных фондов может быть использован опыт Германии, который рассматривает фонды как юридические лица, так и вне статуса юридического лица (но с обязательным учетом). При этом специальные нормативные положения о фондах (создании, правосубъектности, органах управления, прекращении и др.) так же, как и в германском праве, необходимо оставить в системе юридических лиц. Реформирование управления чужим имуществом возможно путем переработки гл. 53 ГК РФ (в том числе новое название «Управление имуществом»). Кроме того, должна быть изменена структура данной главы на следующую: § 1 Общие положения об управлении имуществом; § 2 Доверительное управление имуществом физических лиц; § 3 Доверительное управление имуществом лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью (ведение чужого дела); § 4 Управление имуществом личного фонда; § 5 Управление имуществом паевого инвестиционного фонда; § 6 Специальные виды управления имуществом.

Сформулированные в статье выводы могут быть учтены при разработке законодательства об управлении бизнесом, а также важны для дальнейшего развития частного права и сравнительного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емелькина И. А., Фомина О. Н. Импортзамещение и параллельный импорт в различных регионах мира: экономико-правовой анализ // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 650–664. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.650-664>
2. Grundmann S. Trust and Treuhand at the End of the 20th Century. Key Problems and Shift of Interests // *The American Journal of Comparative Law*. 1999. Vol. 47, issue 3. Pp. 401–428. <https://doi.org/10.2307/840938>
3. Новиков В. С. Доверительная собственность (траст) в законодательстве, правовой доктрине и судебной практике стран романо-германской правовой семьи // *Закон*. 2023. № 3. С. 182–203. URL: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=9108> (дата обращения: 17.08.2024).
4. Михеева Л. Ю. Управлять = опекать = заботиться // *Закон*. 2024. № 2. С. 17–25. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-17-25>
5. Канашевский А. А. Концепция бенефициарной собственности в российской судебной практике (частноправовые аспекты) // *Журнал российского права*. 2016. № 9. С. 28–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-benefitsiarnoy-sobstvennosti-v-rossiyskoy-sudebnoy-praktike-chastnopravovye-aspekty> (дата обращения: 17.08.2024).
6. Заикин Д. П. Гражданско-правовой статус дестинаторов частно-полезного фонда // *Вестник гражданского права*. 2021. № 5. С. 7–85. URL: <https://mvgp.org/product/grazhdansko-pravovoj-status-destinatorov-chastno-poleznogo-fonda/> (дата обращения: 17.08.2024).
7. Заикин Д. П. Общетеоретическая модель правосубъектного фонда в контексте двух дихотомий // *Вестник гражданского права*. 2020. № 5. С. 7–72. EDN: EFMLMT
8. Домшенко (Червец) Е. И. Личный фонд – новый российский правовой инструмент для управления, сохранения и передачи наследуемого имущества // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2024. № 2. С. 78–92. EDN: TECZXQ
9. Маргулис Р. Л., Маргулис Ю. В. Личный фонд: перспективное решение для управления активами // *Закон*. 2024. № 2. С. 80–88. <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-80-88>
10. Суханов Е. А. О доверительном управлении имуществом как обязательно-правовом способе осуществления права собственности // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2017. № 11. С. 44–56. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7250> (дата обращения: 17.08.2024).
11. Емелькина И. А. Проблемы соотношения вещного права с конструкцией «управление чужим имуществом» // *Гражданское право*. 2021. № 6. С. 12–17. EDN: ZCORTH
12. Smith L. D. Trust and Patrimony // *Revue générale de droit*. 2008. Vol. 38, no. 2. Pp. 379–403. <https://doi.org/10.7202/1027041ar>
13. Новикова Т. Договор доверительного управления наследственным имуществом // *Жилищное право*. 2024. № 2. С. 23–31. URL: <https://www.top-personal.ru/estatelaw.html?173> (дата обращения: 17.08.2024).

REFERENCES

1. Emelkina I.A., Fomina O.N. Import Substitution and Parallel Imports in Various Regions of the World: Economic and Legal Analysis. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):650–664. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.650-664>
2. Grundmann S. Trust and Treuhand at the End of the 20th Century. Key Problems and Shift of Interests. *The American Journal of Comparative Law*. 1999;47(3):401–428. <https://doi.org/10.2307/840938>
3. Novikov V.S. [Trust Property (Trust) in the Legislation]. *Law*. 2023;(3):182–203. (In Russ.) Available at: <https://igzakon.ru/magazine/article?id=9108> (accessed 17.08.2024).
4. Mikheeva L.Yu. [To Manage = to Patronize = to Care]. *Law*. 2024;(2):17–25. (In Russ.) <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-17-25>

5. Kanashevskiy A.A. The Concept of Beneficial Ownership in Russian Judicial Practice (Private Law Aspects). *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2016;(9):28–37. (In Russ.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsepsiya-benefitsiarnoy-sobstvennosti-v-rossiyskoy-sudebnoy-praktike-chastnopravovye-aspekty> (accessed 17.08.2024).
6. Zaikin D.P. Civil-Legal Status of Destinations of Private-Use Fund. *Bulletin of Civil Law*. 2021;(5):7–85. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://mvgp.org/product/grazhdansko-pravovoj-status-destinatorov-chastno-poleznogo-fonda/> (accessed 17.08.2024).
7. Zaikin D.P. General Theoretical Model of a Legal Entity Fund in the Context of Two Dichotomies. *Bulletin Civil Law*. 2020;(5):7–72. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: EFMLMT
8. Domshenko (Chervets) E.I. Personal Fund – a New Russian Legal Instrument for Managing, Preserving and Transferring Inherited Property. *Property Relations in the Russian Federation*. 2024;(2):78–92. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: TECZXQ
9. Margulis R.L., Margulis Yu.V. [Personal Fund: A Promising Solution for Asset Management]. *Law*. 2024;(2):80–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.37239/0869-4400-2024-21-2-80-88>
10. Sukhanov E.A. On Trust Management of Property as an Obligatory-Legal Method of Exercising the Right of Ownership. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2017;(11):44–56. (In Russ.) Available at: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7250> (accessed 17.08.2024).
11. Emelkina I.A. Problems of the Relationship Between Property Rights and the Concept of “Management of Someone Else’s Property”. *Civil Law*. 2021;(6):12–17. (In Russ.) Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47456091> (accessed 17.08.2024).
12. Smith L.D. Trust and Patrimony. *Revue générale de droit*. 2008;38(2):379–403. <https://doi.org/10.7202/1027041ar>
13. Novikova T. [Trust Agreement for Inherited Property]. *Housing Law*. 2024;(2):23–31. (In Russ.) Available at: <https://www.top-personal.ru/estatelaw.html?173> (accessed 17.08.2024).

Об авторе:

Емелькина Ирина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2123-2014>, SPIN-код: 5781-4530, emelkina-ia@ranepa.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила в редакцию 15.08.2024; поступила после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 02.09.2024.

About the author:

Irina A. Emelkina, Dr.Sci (Law), Head of the Chair of Civil Law and Civil Procedure, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Bld. 1 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2123-2014>, SPIN-code: 5781-4530, emelkina-ia@ranepa.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 15.08.2024; revised 30.08.2024; accepted 02.09.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.749-767>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/slawco>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 355.274.3:316.334.3

ISSN 2587-8549 (Online)

Добровольческая активность студенческой молодежи Кузбасса в условиях современного российского общества

Н. В. Нятина ✉

Е. В. Головацкий

Н. Н. Григорьев

*Кемеровский государственный университет
(г. Кемерово, Российская Федерация)
✉ kozeeva_n@mail.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность обусловлена наличием устойчивого институционального запроса органов власти и общественного сектора в отношении развития гражданского потенциала молодежи. Однако молодежь демонстрирует инертный формат мобилизации ресурсов социальной активности. Цель исследования – анализ динамической среды студенческой добровольческой активности. Оценки молодежью содержания, наполненности и видового разнообразия добровольческой деятельности показывают очевидные векторы типового выбора, ресурсной уникальности, а также демонстрируют примеры ряда типологически региональных направлений и тем.

Материалы и методы. Для обоснования предметной области – добровольческой деятельности региональной студенческой молодежи – в исследовании использовались системный подход и структурно-функциональный анализ. Основу для анализа составили результаты инициативного исследования (анкетный опрос и интервью с экспертами) авторов на тему «Добровольческая активность студенческой молодежи в Кузбассе» (n = 715), проведенного в 2023–2024 гг., отчеты о реализации волонтерских проектов в Кемеровской области – Кузбассе за 2022 г.

Результаты исследования. Реализация добровольческой деятельности на территории региона может осуществляться консолидированно или иметь разнонаправленные векторы приложения деятельностного и ресурсного потенциалов студенческой молодежи. Были выявлены условия социально-политической коммуникации, которые задают динамику, интенсивность, темпоральность волонтерских событий. Анализ результатов анкетного опроса молодежи и интервью экспертов определил противоречие: студенческая молодежь предлагает рекомендации по практическому улучшению организации добровольческой деятельности, однако затрудняется с определением субъектов реализации данных изменений. Доказано условно пассивное участие молодых людей в реальных региональных волонтерских практиках.

© Нятина Н. В., Головацкий Е. В., Григорьев Н. Н., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Добровольческая деятельность студенческой молодежи определяется в качестве взаимодействия, которое выстраивается в форме диалоговых полифункциональных отношений, когда интересы сторон-участников взаимоувязываются в сочетании запросов драйверов волонтерской деятельности, заинтересованных сторон и экспертов, а также самих исполнителей роли добровольцев. Полученные результаты представляют практическую значимость для организаторов добровольческой деятельности, региональных кураторов, органов власти, непосредственно региональных волонтерских сообществ и молодежи.

Ключевые слова: добровольческая активность, социальная активность, студенческая молодежь, социально-политическая мобилизация, направления добровольчества

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Материалы подготовлены при поддержке гранта РНФ № 24-28-01230 «Социальная и политическая мобилизация конструктивного и деструктивного типа в условиях множества сетевых миров сибирских регионов ресурсного развития: возможности применения инструментов data-mining».

Для цитирования: Нятина Н. В., Головацкий Е. В., Григорик Н. Н. Добровольческая активность студенческой молодежи Кузбасса в условиях современного российского общества // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 4. С. 749–767. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.749-767>

Voluntary Activities of Student Youth in Condition of Modern Russian Society

N. V. Nyatina ✉, E. V. Golovatskiy, N. N. Grigorik
Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation)
✉ kozeeva_n@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research is conditioned by the presence of a sustainable institutional request of the authorities and the public sector regarding the development of youth civic potential. However, young people demonstrate an inert format of mobilisation of social activity resources. The aim of the study is to analyse the dynamic environment of student volunteer activity. Young people's choices and evaluations of the content, scope and variety of voluntary activities shows obvious vectors of typical choice, resource uniqueness, and also demonstrates examples of a number of typological regional areas and topics.

Materials and Methods. The study used a systems approach and structural-functional analysis in order to substantiate the issue of regional student volunteering. The basis for the analysis was the results of the authors' own research on the topic: "Volunteer activity of student youth in Kuzbass" (n = 715), conducted in 2023–2024, reports on the implementation of volunteer projects in the Kemerovo region – Kuzbass for 2022.

Results. The implementation of volunteer activities in the region can be carried out in a consolidated manner or have multidirectional vectors for applying the activity and resource potential of student youth. The conditions of socio-political communication determine a certain dynamics, intensity, and temporality of volunteer activities. Analysis of the results of a questionnaire survey among young people revealed a contradiction: respondents offer recommendations for practical improvement in the organization of volunteer activities, but find it difficult to identify the subjects of implementation of these changes.

Discussion and Conclusion. Student volunteering is defined as an interaction that is built in the form of interactive multifunctional relationships, when the interests of the parties involved are interconnected in a combination of requests from the drivers of volunteering, stakeholders and experts, as well as the performers of the volunteer role themselves. The results obtained are of practical significance for volunteer organizers, regional supervisors, authorities, directly to regional volunteer communities and young people.

Keywords: volunteer activity, social activity, student youth, socio-political mobilization, areas of volunteering

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Fundig. The materials were prepared with the support of the grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01230 “Social and political mobilization of constructive and destructive type in the conditions of multiple network worlds of Siberian regions of resource development: possibilities of using datamining tools”.

For citation: Nyatina N.V., Golovatskiy E.V., Grigorik N.N. Voluntary Activities of Student Youth in Condition of Modern Russian Society. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):749–767. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.749-767>

Введение. Молодежная добровольческая активность является парадоксальным подвижным социокоммуникативным процессом, осуществляемым внутри других динамичных процессов развития общества, в частности процессов социального развития непосредственно молодежи, протекающих в сочетании соционормативных и иных рамок взаимодействия (например, место, время, политическое социокультурное пространство и прочие доступные поля (согласно концепции П. Бурдьё). Современное постглобальное цифровое общество, вероятно, сохранит в обозримом будущем запросы на физическое добровольчество, несмотря на развитие цифровых интеллектуальных ассистентов [1], концептуализации участия пользовательских сообществ в цифровых сетях [2] и возможностей применения алгоритмов искусственного интеллекта в системе социальных услуг.

Современные особенности социально-политического развития на макроуровне существенным образом влияют на обновление форм социальной и гражданской активности молодежи. Глобальные тренды и транзитивные процессы развития общества актуализуют мобилизационный уровень социального и политического взаимодействия, что для современной России связано с сочетанием множества критических процессов, рисков и уязвимостей общественного развития. Целесообразность личностного развития, профессионального становления молодых людей выстраивается с учетом ключевой повестки социального и политического развития¹, а также региональных установок и трендов. Возможность участия в добровольческой деятельности, выстраивание диалогового взаимодействия с властью, инициирование определенных социальных и политических изменений на основании развитой гражданской идентичности в сочетании с развитием патриотического воспитания молодежи могут содействовать формированию определенных наблюдаемых эмпирически эффектов². В настоящее время исследователи фиксируют активный рост интенсивности, плотности (т. е. концентрации численности волонтеров и добровольческих проектов на территории региона) и частотности участия молодых людей в открытой или квазиоткрытой общественной деятельности / волонтерстве. При этом выбор направления активности поливариантный [3–6], проявления и направления приложения усилий молодых людей множественны и переходны в своих интересах и повседневных практиках. Отметим, что прилагаемые институциональные усилия достигают поставленных целей, так как технологический цикл формы

¹ Salma F., Abou Dahesh A., Yacout M., Abbas N. Volunteering, the New Wealth of Students: The Importance of Skilled Volunteering in Educational Settings // *Revitalizing the Learning Ecosystem for Modern Students*. 2024. Pp. 23–49. <https://doi.org/10.4018/979-8-3693-4103-2.ch002>

² Доклад Государственного совета Российской Федерации «О реализации молодежной политики в современных условиях за 2022 год» [Электронный ресурс]. М., 2022. URL: <https://mollab.hse.ru/mirror/pubs/share/823942055.pdf?ysclid=lvpcan9ugm742507015> (дата обращения: 02.05.2024).

социальной активности настроен в диапазоне от получения первичных знаний до возможности применения собственного управленческого потенциала в сфере добровольческих практик [7].

Тем не менее фиксируется противоположная тенденция, связанная с отсутствием устойчивого интереса носителей волонтерской деятельности к подобному участию, либо оно выступает как результат оппортунизма молодежи, когда видение реализации определенных ожиданий и запросов такого поведения являются доминирующим мотивом в выборе действия. Транзитивный характер носителя (молодежи) подчеркивает вариативность практик повседневной реализации социальных ролей молодых людей. Данное обстоятельство может влиять на качество реализации социально значимой деятельности, понимание целесообразности и функционального назначения волонтерства.

Важным моментом в понимании и развитии добровольческой активности выступает собственная точка зрения молодежных акторов в отношении участия/неучастия, оценки и понимания значимости и собственного реального включения в социально-политические практики [8]. Социальная и политическая мобилизация является устойчивым описанием деятельностного состояния происходящего в рамках массовидных сообществ в топологии жизненного влияния, транзитивных и модернизационных процессах, когда в ощутимой мере применяются нетрадиционные практики различных сфер политической деятельности, культуры общества, социальных и материальных технологий, экономики и пр. Данные последствия, по мере приобретения существенного размаха, обозначают влияние на дальнейший процесс общественного развития. Понятие «социальная мобилизация» в продолжительном временном лаге (например, в масштабе нескольких десятилетий) имеет в своем развитии предположение о том, что некоторые подводимые под обозначенный период социальные и политические изменения способны существовать и реализовываться в совместной перспективе³. Социальная мобилизация выступает в качестве постоянного механизма закрепления отношений, практик и коммуникаций в социальной реальности взаимодействия членов общества в рамках различных групповых, организационных и институциональных оснований.

Особенности социально-политической мобилизации активизируют гражданский потенциал, социально значимое применение человеческих ресурсов для поддержания общественной стабильности и прогнозирования дальнейшего развития. Но для того, чтобы обозначенные институциональные, организационные и личностные (персонализированные) цели конструктивного содержания достигались, необходимо построение оперативной схемы измерения добровольческого потенциала, принятие во внимание готовность молодежи участвовать или соучаствовать в примирении значимых социальных противоречий и трудностей, включая особенности регионального социально-политического развития.

Цель исследования – анализ содержательных аспектов добровольческой активности студенческой молодежи в регионе с акцентом на организационные и коммуникативные составляющие в условиях социально-политической мобилизации.

³ Deutsch K. W. Social Mobilization and Political Development // American Political Science Review. 1961. Vol. 55, no. 3. Pp. 493–514.

Обзор литературы. Добровольчество среди современных исследователей и практиков понимается с учетом различных подходов. Лидирующее место занимает трактовка данной деятельности как социально значимой безвозмездной добровольной формы гражданской активности. Последняя характеризует добровольчество как осознанное поведение, направленное на улучшение социальных процессов и состояний определенных групп при должной оценке своей ресурсной затратности в условиях развития гражданского общества. Тогда мы можем говорить о мотивах ее реализации и последствиях, которые осуществляются на уровне личностного развития на мезо- или даже макроуровнях в плане оказания содействия в решении определенных задач (от простого ручного (физического) труда до интеллектуального сопровождения определенных проектных идей, прогнозно-программной деятельности) [9; 10]. Также добровольчество понимается как открытый социальный ресурс современного общественного развития. Альтруистическое сопровождение в данной трактовке определяется возможностью комплексной оценки социального участия, развитием личностного потенциала. Волонтерство рассматривается как ключевой фактор формирования социальной ответственности, включения в анализируемый вид социально-политического взаимодействия большего числа возможных акторов [11] и т. д.

Активное изучение социальных оснований и последствий участия населения в добровольческой деятельности начинается в европейской науке с 1970-х гг. Первоначально волонтерство рассматривается в контексте поиска психологических вознаграждений⁴. С научно-исследовательской точки зрения это понятное и вполне обусловленное определение рассматривается с точки зрения бихевиористского понимания. Д. Х. Смит одним из первых отмечал, что пространство «волонтерство практик» – сфера досуга и стиля жизни. Такое понимание с точки зрения рабочей гипотезы общественной деятельности длительное время доминировало в российском добровольчестве, когда определенные профессиональные навыки были основой участия в социальном волонтерстве и практиках взаимопомощи. Со временем к пониманию безвозмездной общественной деятельности в формате досуга добавляются такие качественные характеристики, как «серьезность и экономическая выгода системного характера»⁵; «повседневная социальная практика» [12, с. 15]; «форма социальной активности и гуманизации общественных отношений» [13, с. 826].

Добровольческая деятельность имеет в своем содержании различные направления, но все они требуют от личности строгого, вдумчивого отношения к выполнению. Социальное, медицинское, событийное волонтерство основываются на ожидании реализации качественной «услуги». Кроме того, данная активность сопряжена со множеством рисков и угроз. К таковым можно отнести, например, утрату альтруизма как мотива для осуществления добровольческой деятельности современной молодежью [14, с. 73] или доминирование у молодой возрастной группы установок и намерений участия в волонтерских активностях

⁴ Smith D. H. Determinants of Voluntary Association Participation and Volunteering: A Literature Review // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1994. Vol. 23, issue 3. Pp. 243–263. <https://doi.org/10.1177/089976409402300305>

⁵ Stebbins R., Graham M. *Volunteering as Leisure/leisure as Volunteering: An International Assessment* / eds. by R. A. Stebbins and M. Graham. CABI Publishing, 2004. 253 p.

вместо реального опыта участия [13, с. 833]. Это может привести к возникновению барьеров во взаимодействии между основными участниками и затруднить мобилизационные социально-политические процессы.

Парадоксом, отмеченным зарубежными исследователями, является несоответствие уровня роста волонтерства уровню развития гражданского общества в стране. Так, на примере анализа опыта организации добровольчества в Китае Минь Ху приходит к выводу о замещении возможностей реализации гражданских инициатив как одного из основополагающих принципов волонтерства интересами государства и его подавляющей ролью в данной системе социальных отношений [15].

В современных социологических исследованиях разделяют рассмотрение понятий «волонтерство» и «гражданский активизм», принимая во внимание, что волонтеры – поддерживающая, помогающая сила, обладающая возможностью актуализировать в обществе невидимые (неочевидные) социальные проблемы, оказывая влияние на становление и трансформацию определенных социальных институтов [16; 17], перезагрузку организаций и трансформацию некоторых групповых приоритетов. Трактовки добровольческой деятельности раскрывают ее содержание, мотивацию, функции и результативность. Однако несмотря на изучение различных аспектов волонтерства, следует акцентировать внимание на региональной специфике, которая, вероятно, будет проявляться в особенностях реализации, актуальных форматах, формирующихся как запрос населения и институтов социальной поддержки, в ресурсном перераспределении, оценке развития гражданского активизма и инициативности. Активизм современности – это, как правило, сеть множественных и сложных социальных и не только отношений.

Материалы и методы. Добровольческую деятельность мы предлагаем рассматривать с позиции функциональных подсистем, представленных коллективными акторами (добровольцами, общественными организациями, институциями и другими представителями гражданского общества), а также как социальные, политические и иные ресурсы, распределенные между акторами взаимодействия; возможности обмена действующих (реальных) субъектов сети; акторы волонтерской деятельности; отношения обмена, связанные в единую сетевую структуру (сообщества).

Важной составляющей предложенного исследования является двухступенчатый подход к пониманию социально значимой деятельности (по Г. Зиммелю). На первом этапе подвергается анализу само действие, т. е. участие/неучастие в добровольчестве, а не действующее лицо/актор. На втором этапе рассматриваются мотивы и чувства молодых людей, их интерпретация переживаний, отношение к формам активности⁶. Функциональным назначением такой интерпретации добровольческой деятельности является не диагностика причинно-следственных связей, а понимание смысла активности в соотнесении с потребностями, интересами, запросами молодых людей.

Материалами для исследования послужили результаты анкетного опроса студенческой молодежи Кемеровской области – Кузбасса, которая на момент исследования обучалась в высшем учебном заведении. Все респонденты были

⁶ Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Избранное. Т. 1. М.: Юрист, 1996. 675 с.

проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству. Участники опроса отметили, что знакомы с особенностями организации добровольческой деятельности в регионе, ключевыми организациями (в том числе внутренними/корпоративными), которые курируют реализацию волонтерской деятельности. Опрос проводился в регионе в декабре – марте 2023–2024 гг. Для сбора эмпирического материала применялась сплошная выборка, включающая всех студентов первого и второго курсов Кемеровского государственного университета очной и очно-заочной форм обучения, которые изучали учебную дисциплину «Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными некоммерческими организациями». Социологическая анкета включала следующие смысловые блоки: «актуализация молодежных проблем», «содержание и наполненность добровольческой деятельности по мнению молодежи», «специфика организации добровольческой деятельности в регионе». Опрос проводился на платформе «Яндекс.Формы». Всего в опросе приняли участие 715 респондентов.

В целях обоснования развития добровольческого движения в Кемеровской области – Кузбассе использованы открытые данные, представленные сервисом «ДОБРО.Аналитика» о динамике зарегистрированных волонтеров за 2020–2024 гг. Значимым субъектом-координатором в выстраивании ключевых векторов добровольческого движения молодежи является работа организаторов волонтерской деятельности.

Для определения преимущественно качественных векторов регионального добровольчества в статье приводятся результаты интервью 10 организаторов крупных волонтерских мероприятий региона, в которых активное участие принимала студенческая молодежь региона. Экспертное интервью было проведено очно авторами исследования в феврале – марте 2024 г. Респонденты участвовали в организации событийного волонтерства с привлечением студентов Кузбасса. К данным мероприятиям относятся Чемпионат Европы по плаванию на короткой воде в г. Казани, Кубок мира по спортивной гимнастике, Международный турнир по дзюдо «Большой шлем», Всемирный фестиваль бизнеса и спорта «Спорт Аккорд», WorldSkilss Kazan, XXVIII Зимняя Универсиада, Кубок мира FIS по сноуборду в дисциплине «Сноуборд-кросс» 2022 г., Всероссийское спортивное мероприятие «Забег.РФ», Чемпионата мира по триатлону, Чемпионата мира по парашютному спорту «Мондиаль 2020», Всероссийский фестиваль парашютного спорта «Небофест», Молодежный международный форум «EurasiaGlobal».

Результаты исследования. Добровольческое движение Кемеровской области – Кузбасса объединяет более 190 тыс. чел. В 2022 г. в регионе с их помощью было реализовано более тысячи проектов по 17 направлениям⁷. Среди актуальных волонтерских практик можно отметить следующие федеральные проекты: международный фестиваль «Ночь Юрия Гагарина», международный научно-популярный фестиваль «Динотерра», мультимедийный фестиваль «НебоФест», международный театральный фестиваль-форум «Сверкающие

⁷ Сергей Цивилев награждает лучших волонтеров Кузбасса [Электронный ресурс] // Администрация Правительства Кузбасса. URL: <https://ako.ru/news/detail/sergey-tsvilev-nagradil-luchshikh-volonterov-kuzbassa> (дата обращения: 29.04.2024).

границ театра», X Международный спортивный форум «Россия – спортивная держава» и Всероссийский слет студенческих отрядов.

Развитие добровольческого движения в регионе характеризуется несколькими специфическими особенностями:

1) происходит формирование и развитие институциональных основ добровольческого движения (расширяется нормативная база по регулированию и управлению волонтерством на территории, осуществляется координация/коллаборация деятельности ресурсными добровольческими центрами, создаются региональный и муниципальные советы по содействию добровольчества (волонтерства), социально ориентированных некоммерческих организаций и т. д.);

2) осуществляется консолидация добровольческой активности, способная проявляться в активном участии представителей определенных групп населения в федеральных и региональных проектах, конкурсах. Примером может служить деятельность Ассоциации добровольческих центров «Добро.центр» на базе образовательных учреждений (проектная работа в действии);

3) расширяется масштаб и создаются возможности для межсекторного взаимодействия разных акторов социально-политического взаимодействия на уровне региона, происходит включение в сферу добровольчества бизнес-сообществ и коммерческих организаций (корпоративное волонтерство);

4) осуществляется подготовка событийных, спортивных и социальных добровольцев при участии общественных, в том числе некоммерческих, организаций региона;

5) развивается социальная преемственность добровольческих практик в рамках школ актива, курсов, мастер-классов подготовки к федеральным, региональным, городским или муниципальным организационным мероприятиям;

6) в качестве добровольцев привлекаются преимущественно молодые люди (возраст 14–35 лет), а также «серебряные» волонтеры, что в целом соответствует общероссийским тенденциям возрастного добровольческого участия (активизма) и векторам социального развития.

В 2022 г. в регионе был принят областной закон о создании и развитии агломераций Кузбасса. Задача создания агломераций – формирование условий для качественного развития человеческого потенциала в интересах консолидации производственных, трудовых, культурных и научно-образовательных связей, включая развитие системы воспитания, образования, науки и реализации молодежной политики. По инициативе тогда еще состоящего в должности губернатора Кузбасса С. Е. Цивилева в Стратегию социально-экономического развития Кузбасса до 2035 года внесен новый приоритет «Кузбасс – студенческий регион». Новая стратегия обозначает Кузбасс как «социально ответственный регион, открытый к трансферу своего лучшего опыта и формированию долгосрочных социально-экономических взаимоотношений с регионами России и другими странами, поддерживающий передовой имидж в сферах стратегически обоснованных научных, образовательных, технологических, культурно-спортивных и туристских специализаций. Кроме того, в регионе была утверждена и реализуется в настоящий момент комплексная программа «Развитие добровольчества (волонтерства) в Кузбассе» на 2019–2025 гг., сформированная в целях содействия

качественному развитию и распространению данных практик, решению социальных задач в важных для региона сферах, а также расширению возможностей самореализации местных граждан.

Ключевым субъектом по организации волонтерской деятельности на территории являются организаторы, в роли которых могут выступать ресурсные добровольческие центры, волонтерские объединения, структурные подразделения организаций, курирующие реализацию данной активности (например, управления по молодежной политике). Их роль многоаспектна: они процедурно сопровождают все этапы волонтерского менеджмента, оценивают включенность и заинтересованность молодых людей, готовы реализовывать социально-психологическое сопровождение, быть координатором между заинтересованным субъектом и самим волонтером.

Для понимания отношения молодежи к волонтерской деятельности и их роли в ней (включенной, поисковой, поверхностной) было проведено интервью с 10 экспертами-организаторами. В результате опроса были выявлены следующие тенденции развития добровольческого движения студенческой молодежи. Во-первых, привлечение обучающихся дает возможность получать новые идеи для развития волонтерства: «они, первоначально “наивно” оценивая события, в которых участвуют, в последующем транслируют собственное видение их организации». Таким образом, обратная связь помогает улучшать добровольческие практики. Во-вторых, подобная активность рассматривается ими как возможность развития собственного социального капитала, в частности «социальных связей и надкомпетенций или “мягких” универсальных знаний, которые помогают быть адаптивными не только в профессиональной деятельности, но и в различных жизненных ситуациях». Также молодые люди заинтересованы в территориальной мобильности, освоении новых социальных пространств, которые могут оцениваться ими как место проживания и точка притяжения для развития собственной образовательной траектории.

Преимущественно в качестве организаторов добровольческой деятельности на территории Кемеровской области выступают государственные учреждения (48 %), общественные объединения (21), негосударственные некоммерческие организации (14), ссузы (8), коммерческие организации (4), вузы (3), органы власти (2 %). Здесь можно говорить о приоритете социальной эффективности, которая закладывается как основа для организации совместной деятельности, и самоорганизации местных сообществ, которые мобилизуются для решения социально значимых проблем, реализации инициатив. Школы и государственные учреждения лидируют в числе организаторов волонтерской активности в регионе, что может свидетельствовать о высоком уровне инициативности и запроса на подобную деятельность именно у подрастающего поколения. При этом корреляции между уровнем инициативности, формированием запроса на участие в реализации волонтерских мероприятий и практиками принудительной мобилизации респондентов в ходе исследования выявлено не было.

Одним из определяющих признаков подготовки и развития волонтерства является понимание мотивации молодежной деятельности. В нашем регионе на протяжении трех лет в рамках образовательного процесса введена и реализуется

дисциплина «Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО», которая направлена на формирование лидерских качеств и умений молодежи, развитие командной работы среди студенческого сообщества.

Согласно полученным опросным данным, 30 % респондентов участвуют в добровольческой деятельности только потому, что это часть учебного процесса в университете. Такой конкретный стимул для активности можно рассматривать по-разному. С одной стороны, у молодежи имеется возможность познакомиться с волонтерскими практиками, узнать о добровольческой деятельности на территории региона определенных ресурсных центров, проанализировать многоуровневую инфраструктуру добровольчества. С другой стороны, происходит потеря ключевого сознательного признака подобного участия – добровольности, соответственно, эффект реализации может быть совершенно непланируемым. Кроме этого, среди самых значимых причин включенности в волонтерство молодые респонденты отметили: «потому что нравится помогать людям» (13 %), «так я приношу пользу обществу» (12), «это способ завести новые знакомства» (9 %) (табл. 1). Ответы молодых людей акцентируют внимание на значении непосредственного личного знакомства с волонтерством в выбираемой ими образовательной траектории. Отмечают собственный альтруизм (как реципрокный, так и нереципрокный), а также полезность добровольческой активности для общества и непосредственно для себя лично. Необходимо отметить, что для многих респондентов социальный мотив участия доминирует над идейным мотивом достижения значимых личных или групповых результатов. Это справедливо для опрошенных, которые работают в сфере волонтерской деятельности, и для тех, кто только планирует связать свою жизнь с данным направлением активности.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Почему Вы занимаетесь добровольчеством (волонтерством)?», допускалось несколько вариантов ответов

Table 1. The distribution of responses to the question “Why do you engage in volunteering?” allowed for multiple answers

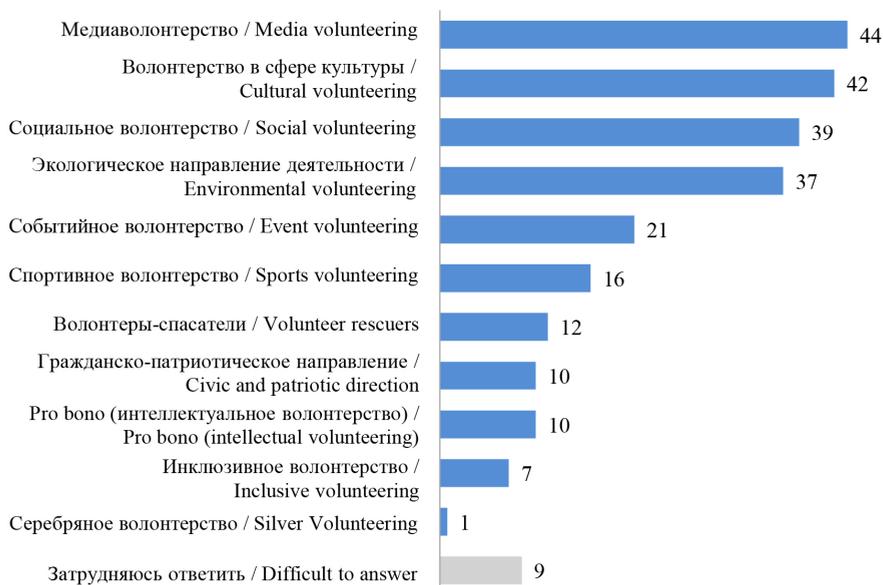
Вариант ответа / Answer option	Количество ответов / Number of responses	Процент ответивших / Percentage of respondents
1	2	3
Это часть учебного процесса в университете / This is an integral part of the university's educational program.	468	29,8
Потому что нравится помогать людям / Because I like to help people	196	12,5
Так я приношу пользу обществу / This is how I benefit society	190	12,1
Это способ завести новые знакомства / It's a way to make new acquaintances	142	9,0
Потому что здесь классные люди / Because there are cool people here	101	6,4
Другое / Other	27	6,4
Могу выбирать проекты по душе / I can choose projects to my liking	97	6,2
У меня есть свободное время / I have some free time	92	5,8

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3
Привлекает возможность получить бонусы / This attracts the possibility of bonuses	88	5,6
Мне интересна добровольческая деятельность / I am interested in volunteering	81	5,1
Хочу получить определенные компетенции / I want to get certain competencies	48	3,1
Этим занимаются мои родные/друзья / My family/friends are doing this	43	2,7
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	92	1,7
Всего / Total	1 573	100

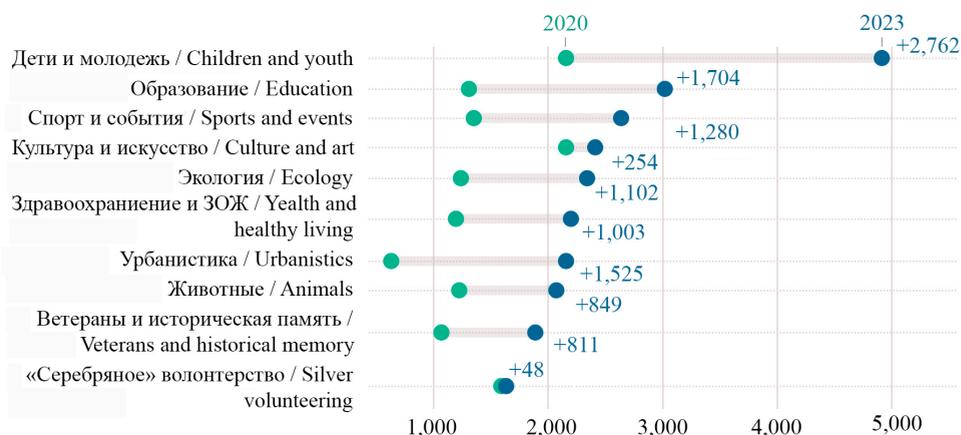
Для того, чтобы отвечать на запросы молодежи и соответствовать их интересам по самореализации и развитию надкомпетенций, исследователям и практикам управленческой деятельности важно понимать, в каких направлениях студенты готовы принимать конкретное участие. Согласно полученным опросным данным, приоритетными являются прежде всего медиаволонтерство, добровольчество в сфере культуры и социальное волонтерство (рис. 1). Такой выбор респондентов вполне понятен и обусловлен спецификой привлечения молодежи в качестве добровольца. Также в структуре предпочтений и выбора направления реализации волонтерской активности имеет место и грантовая поддержка молодежных проектов. Так, например, в 2024 г. победителем регионального конкурса на грантовую поддержку волонтерских инициатив стала АНО «Траектория Развития», реализующая проект «Молодежный экодесант» в сфере экологии, поддержания и сохранения окружающей среды г. Белово.

Р и с. 1. Привлекательные направления добровольческой деятельности по мнению респондентов, %

F i g. 1. Attractive areas of volunteerism according to respondents, %

Схожие результаты получаются при анализе открытых данных по развитию волонтерского движения, представленных на сервисе «ДОБРО.Аналитика». Актуальными для Кемеровской области являются проблемы социального характера (образование, культура и искусство), организации и реализации спортивных мероприятий, а также экологии (рис. 2). Субъектами/актерами гражданской активности в регионе выступает молодежь. Характерной спецификой кузбасской молодежи является заинтересованность в решении проблем городского развития и благоустройства местной территории. Подобная ситуация отражает текущий тренд развития волонтерского движения и реализуемых проектов, когда, несмотря на ограничения в решении социальных проблем, прежде всего они заслуживают общественного внимания в формате межсекторного взаимодействия. Реализация общественных инициатив в подобных направлениях требует участия не только добровольцев, но и местных властных органов, бизнес-сообществ и некоммерческого сектора как заинтересованных сторон социально-политических процессов на региональном и местном уровнях.

Р и с. 2. Количество зарегистрированных на платформе «Добро.рф» добровольцев по направлениям добровольческой активности в Кемеровской области – Кузбассе⁸

F i g. 2. Number of registered volunteers on the platform “Dobro.ru” in different areas of volunteer work in the Kemerovo Region – Kuzbass

Согласно полученным результатам, молодые люди в качестве ограничителей именно волонтерской активности отмечают, что у них не хватает времени (23 %), не понимают цели и смысла волонтерской деятельности (17), отсутствует информация об имеющихся возможностях заниматься данным видом активности (16 %). Значимым фактором, ограничивающим успешное развитие добровольчества в регионе, для респондентов, которые не желают связывать свою будущую жизнь с волонтерской деятельностью, является отсутствие поддержки данной сферы органами власти (36 % выбравших данный ответ). Тогда как респонденты, имеющие большой опыт участия и работы в данной сфере, не считают содействие местной власти недостаточным.

⁸ Аналитика волонтерства [Электронный ресурс] // Добро.рф : сайт. URL: <https://dobro.ru/analytics> (дата обращения: 29.04.2024).

Современное состояние участия студентов в событийном и социальном волонтерстве в регионе находится на уровне активного содействия ресурсных добровольческих центров, некоммерческих организаций и общественных объединений в привлечении/активизации социального и интеллектуального потенциала данной возрастной категории. Однако, несмотря на проведение (и часто отмечаемое участие) значимых федеральных и региональных мероприятий на территории, для молодых людей все-таки остается недостаточным информирование, форматы привлечения в данную деятельность, которые можно рассматривать как основания для интенсификации и обновления волонтерского менеджмента. Также респонденты отметили, что мешают развитию волонтерской деятельности «лень», «нехватка денежных средств у большинства народа, акцент на рабочей деятельности», а также «стимулирование и принудительное волонтерство активно саботирует желание участвовать у тех, кто иначе бы принимал участие в мероприятиях». В текущей ситуации социально-политическая мобилизация в регионе, инициируемая совместно с волонтерскими объединениями, а также органами федеральной, региональной или муниципальной власти, может быть затруднена в силу внутриличностных, организационных и структурных барьеров.

Важным показателем добровольчества, а также интереса студенческой молодежи к нему, является выбор генерального направления деятельности. В настоящее время имеется достаточно большой выбор активностей (как онлайн, так и офлайн). Кроме того, в условиях социально-политической мобилизации и трансформации социальной реальности определенные приоритеты могли измениться и, предположительно, сместиться в сторону приоритетной традиции или новых позиций волонтерской деятельности. Респонденты, отмечая свою непосредственную активность в определенных проектах и мероприятиях в качестве добровольцев, отметили следующие направления: экологическое волонтерство («Экодесант», «Экосортировка», «ЭкоДвор», «ЭкоКемерово», «Соберем. Сдадим. Переработаем», «Снежный десант», участие в субботниках), зооволонтерство (сбор средств для приюта «Верный», помощь в приюте «Добрый двор»), социальное и культурное волонтерство «Школа подготовки лидеров 2023», присутствие/информированность о мастер-классе в детском доме, проект «Связаны одной судьбой» (проведение уроков в школах для детей) и др. Также студенческая молодежь отметила собственную активность в событийном/ситуативном добровольчестве на территориях.

По результатам ответов о крупномасштабных мероприятиях, в которых студенты принимали участие, удалось обозначить топ-5 событий: Чемпионат России по хоккею с мячом среди команд Суперлиги сезона 2023–2024 гг., Форум местного самоуправления на базе университета, «Твой ход», «Съезд хирургов» и «Социологический диктант ВЦИОМ». Помимо вышеупомянутых мероприятий, молодые люди называли фестиваль «НЕБОФЕСТ» в г. Кемерово, Региональный чемпионат по оказанию первой медицинской помощи в Кузбассе, соревнования, посвященные памяти капитана ФСБ Льва Ковылина в г. Белово, «Ночь искусств – 2023», молодежные форумы «РЕ:ПОСТ» и «Шерегеш», традиционный фестиваль дарения #МЫВМЕСТЕ.

Что не хватает современным участникам добровольческого движения? Наличие каких условий способствовало бы развитию, укреплению и пониманию значимости роли волонтера среди современной студенческой молодежи региона? Респонденты, отвечая на вопрос о рекомендациях улучшить организацию добровольческой деятельности, отметили: формирование и закрепление у исполнителей добровольческих проектов фиксированного положительного опыта, включая мотивацию посещения мероприятий в качестве волонтера; необходимость проведения обучающих семинаров/вебинаров и тренингов, в интересах управления временем и ресурсами (в том числе с помощью развития менторства, а именно предоставление студентам возможности работать под руководством опытных наставников, которые могли бы оказать помощь во благо общества); обучающие программы для студентов-волонтеров и необходимую информационную поддержку; партнерские практики и отношения с другими организациями (в том числе ресурсными центрами) с целью расширить возможности и качество волонтерской деятельности; поддержка студентов-волонтеров со стороны педагогов и наставников, предоставление им рекомендаций и советов. Также опрошенные отметили, что важной составляющей мотивации для волонтерской деятельности является грамотная информационная кампания, а также наличие «громких» бонусов.

Размышляя над проективным вопросом о будущем волонтерской деятельности в ближайшие 3–5 лет, студенческая молодежь отражает конструктивный настрой развития и институционализации добровольческой деятельности в регионе. Так, опрошенные считают, что «волонтерство будет продолжать свое развитие и станет еще более важной составляющей общественной жизни». В ближайшие 3–5 лет для респондентов волонтерство – это деятельность, которая будет активно выстраиваться во взаимодействии с государственными и общественными инициативами, способствуя решению социальных проблем и укреплению гражданского общества. Оно будет стремиться к более широкому охвату различных слоев населения и областей деятельности, а также активно использовать современные технологии для координации и привлечения волонтеров, организации и сопровождения добровольческой деятельности. Развитие добровольчества также будет связано с формированием позитивного образа данной деятельности в общественном сознании, что способствует ее дальнейшему расцвету и влиянию на социокультурные процессы в регионе и стране в целом.

Обсуждение и заключение. В современном мире сложно представить решение целого спектра проблем без добровольческого соучастия. Если первоначально подобная деятельность рассматривалась как стихийная, которая эпизодически востребована, и ее эффективность не изучалась в связи с отсутствием комплексного социологического и экономического измерения, то в настоящее время за добровольческим движением определяется решение задач, которые не выполнит рядовой сотрудник или простой обыватель. Результаты исследования показывают ориентацию на развитие профессионализации волонтерского труда, рационализацию молодежного участия с точки зрения социально-правового подхода. Такая конструктивная активность оказывает существенное влияние на массовое сознание граждан, наделяя его такими качественными характеристиками,

как ответственность, инициативность, соучастие. Формируется конструктивный шлейф оценки общественного мнения о деятельности волонтерских сообществ и добровольцев в регионе.

Необходимо отметить, что на базе Кемеровского государственного университета осуществляют свою деятельность волонтерский центр, имеющий статус «Добро. Центр», а также добровольческие организации, основной целью которых является развитие социальных и гражданских инициатив на муниципальном или региональном уровне. Анализ текущего состояния добровольческой деятельности студентов и отношения к ней в перспективе может влиять на оценку потенциальных рисков и точек напряжения, которые в результате стратегически будут служить основаниями для корректировки деятельности организаторов волонтерской деятельности на местах, выстраивании траектории молодежной политики в регионе. Несмотря на очевидность эмпирических подходов, данный исследовательский метод позволяет оперативно собрать, описать и использовать именно региональные возможности социальных сообществ, а также оперативно производить корректировку выборочной совокупности, применять короткие эффективные коммуникативные практики в масштабах местных сообществ и территорий.

В качестве рекомендаций стимулирования и развития добровольчества (волонтерства) на региональном уровне можно предложить следующие:

- органам региональной и муниципальной власти необходимо интегрировать в существующие образовательные треки, ориентированные на обучение волонтерской деятельности школьной молодежи, образовательные программы и практики, применяемые в высшей школе;
- в интересах некоммерческих организаций рекомендуется обратить внимание на организованные формы деятельности с молодыми волонтерами, осуществляемые в регионе на постоянной основе;
- развитие межсекторного взаимодействия для развития волонтерского студенческого движения на территории, основанное на принципах рационального сотрудничества и выстраивании двустороннего диалога с учетом законодательной практики, условий регионального развития и актуального запроса молодых людей на такую форму активности;
- молодежи и волонтерским объединениям можно рекомендовать занимать позицию активного участника/актера добровольческой деятельности, которая позволит им приобретать конкурентные преимущества на фоне других способов самореализации;
- трансляция социально-экономической результативности и эффективности участия студенческой молодежи в волонтерских практиках для местного населения (в том числе обучающихся), которая будет способствовать не только пониманию и оценке значимости данной формы социальной активности, но и стимулировать их заинтересованность в принятии решения о позиции включенного субъекта;
- особое внимание организаторам волонтерской деятельности нужно уделять сопровождению волонтеров в рамках реализации различных направлений деятельности, а в качестве инструмента самооценки предлагается разработать чек-лист, который учитывал бы своевременную реализацию поставленных задач, а не их решение «вдогонку»;

– развитие сети некоммерческого сектора на территории в привязке к стратегии молодежной политики региона, стимулирование заинтересованных лиц (органов власти, общественных объединений, коммерческих организаций, студенческих объединений) к привлечению ресурсов молодых людей для апробации будущих профессиональных ролей;

– в силу наличия перманентных рисков и угроз организации социальных проектов на территории необходимо включить возможность систематической организации тренинговых курсов или мероприятий для волонтеров (включая различные форматы и варианты практической реализации).

Вместе с тем отмечается критически низкий уровень известности персонально уникальных предложений и инициатив. Энтропийный анализ множества социальных демонстраций не в состоянии в полной мере охватить сетевое многообразие социальных значений [18; 19], равно как и отдельных эффективно работающих региональных коммуникативных приемов. Предположим, что в данном программном послые заранее отсутствует сложно поддающийся расчету и соответственно итоговому отчету качественный результат. Помимо этого, определенный вклад в ресурсное обеспечение молодежной волонтерской деятельности может привносить региональный формат социального и политического развития, включая мобилизационный потенциал молодых людей. Добровольческая активность студенческой молодежи выступает в качестве формы конструктивной перспективной стратегии социально-политической мобилизации. Данное положение возможно в своих результатах, когда в рамках региональной волонтерской деятельности молодых могут совпадать, находить пересечения форматы и интересы образовательных учреждений, бизнес-сообществ, государственных профильных и некоммерческих организаций, а также перспективные ожидания самих студентов.

Результаты исследований демонстрируют отсутствие новых перспективных векторов развития молодежной добровольческой (волонтерской) деятельности. В частности, можно подтвердить работоспособность и узнаваемость реализуемых программ в области развития добровольческой деятельности, а также проектов различных уровней представительности и ресурсного обеспечения. Результаты региональных исследований демонстрируют определенный уровень цифровизации социально-политического взаимодействия региональной молодежи в рамках мобилизации как реальной, так и виртуальной коммуникации сетевых пользовательских сообществ.

Существенным основанием кристаллизации сетевых исследований молодежных сообществ являются риски и угрозы асоциальных / деструктивно-ориентированных виртуальных групп, выступающие перспективными направлениями изучения. Добровольческая активность молодежи рассматривается нами в содержательном и конструктивном ключе. Однако важно учитывать, что наполненность сетевой коммуникации может содержать различный цифровой контент и тематическую направленность, включая информацию асоциального/ деструктивного содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гайсина С. В., Лебедева М. Б., Кравцов В. М. Цифровое волонтерство и его роль в формировании информационной безопасности школы // Калининградский вестник образования. 2022. № 1 (13). С. 11–16. URL: <https://koirojournal.ru/realises/g2022/01april2022/kvo102/> (дата обращения: 29.04.2024).
2. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation // *Social Media + Society*. 2015. No 2. Pp. 1–14. <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>
3. Волонтерская деятельность учащейся молодежи: социальная значимость и основания мотивированного отказа / М. В. Певная [и др.] // *Образование и наука*. 2022. Т. 24, № 10. С. 200–230. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-10-200-230>
4. Формирование человеческого капитала и просоциальных установок обучающихся вузов / Е. И. Ерощенкова [и др.] // *Перспективы науки и образования*. 2021. № 1 (49). С. 66–79. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/45172> (дата обращения: 02.05.2024).
5. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров / И. И. Краснополяская [и др.] // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 2. С. 384–408. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113>
6. Pietrzyk-Reeves D. New Trends in Civic Activism in Central and Eastern Europe // *Studia Politologiczne*. 2023. Vol. 70. Pp. 9–30. <https://doi.org/10.33896/SPolit.2023.70.1>
7. Зиневич О. В., Мелехина Е. А. Российское студенческое волонтерство в контексте целей и ценностей устойчивого развития // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33, № 3. С. 104–125. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-3-104-125>
8. Davies J. “We’d get Slagged and Bullied”: Understanding Barriers to Volunteering among Young People in Deprived Urban Areas // *Voluntary Sector Review*. 2018. Vol. 9, issue 3. Pp. 255–272. <https://doi.org/10.1332/204080518X15428929349286>
9. Morieson N. Understanding Civilizational Populism in Europe and North America: The United States, France, and Poland // *Religions*. 2023. Vol. 14, issue 2. Article no. 154. <https://doi.org/10.3390/rel14020154>
10. Yilmaz I., Morieson N. Civilizational Populism: Definition, Literature, Theory, and Practice // *Religions*. 2022. Vol. 13, issue 11. Article no. 1026. <https://doi.org/10.3390/rel13111026>
11. Chen Hsuan-Ling, Liu Hsi-Lin, Lu Jen-Yi. Impact of Corporate Volunteers’ Participation in Volunteer Tourism // *International Journal of Social Sciences and Artistic Innovations*. 2024. Vol. 4, issue 2. Pp. 15–25. <https://doi.org/10.35745/ijssai2024v04.02.0002>
12. Кудринская Л. А. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // *Социологические исследования*. 2006. № 5. С. 15–22. URL: <http://www.library.fa.ru/files/Kudrinskaya.pdf> (дата обращения: 29.04.2024).
13. Беляева Л. А., Зеленев И. А., Прохода В. А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // *Вестник РУДН. Сер.: Социология*. 2021. Т. 21, № 4. С. 825–838. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838>
14. Кузьминчук А. А., Певная М. В., Тимиршина Е. Р. Направления молодежного добровольчества: специфика и перспективы развития // *Вестник Сургутского государственного университета*. 2018. № 2 (53). С. 68–77. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-molodezhnogo-dobrovolchestva-spetsifika-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 29.04.2024).
15. Hu M. Making the State’s Volunteers in Contemporary China // *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2021. Vol. 32. Pp. 1375–1388. <https://doi.org/10.1007/s11266-019-00190-9>
16. Невский А. В. Социология волонтерства: определение границ исследования // *Вестник Института социологии*. 2020. Т. 11, № 1. С. 30–46. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.624>
17. Social Cohesion and Volunteering: Correlates, Causes and Challenges / Z. Horsham [et al.] // *Translational Issues in Psychological Science*. 2024. Vol. 10, no. 1. Pp. 51–68. <https://doi.org/10.1037/tps0000387>
18. Rico D., Gandica Y. An Entropic Analysis of Social Demonstrations // *Entropy*. 2024. Vol. 26, issue 5. Article no. 363. <https://doi.org/10.3390/e26050363>
19. Абрамова С. Б., Антонова Н. Л. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя // *Региониология*. 2023. Т. 31, № 2. С. 393–410. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410>

REFERENCES

1. Gaisina S.V., Lebedeva M.B., Kravtsov V.M. Digital Volunteerism and its Role in the Formation of School Information Security. *Kaliningradskiy vestnik obrazovaniya*. 2022;(1):11–16. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://koirojournal.ru/realises/g2022/01april2022/kvo102> (accessed 29.04.2024).
2. Theocharis Y. The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*. 2015;(2):1–14. <https://doi.org/10.1177/2056305115610140>
3. Pevnaya M.V., Tarasova A.N., Telepaeva D.F., Cernicova-Bucaĭ M. Volunteering of Students: Social Meaning and Basis of Motivated Refusal. *The Education and Science Journal*. 2022;24(10):200–230. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-10-200-230>
4. Yeroshenkova E.I., Isaev I.F., Yeroshenkov N.V., Tarasova S.I., Duplyakina A.V. Formation of Human Capital and Prosocial Attitudes of University Students. *Perspectives of Science and Education*. 2021;(1):66–79. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/45172> (accessed 02.05.2024).
5. Krasnopolskaya I.I., Guseva P.D., Mace L., Knaak R. Determinants of the Episodic Volunteer Satisfaction. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;(2):384–408. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113>
6. Pietrzyk-Reeves D. New Trends in Civic Activism in Central and Eastern Europe. *Studia Politologiczne*. 2023;70:9–30. <https://doi.org/10.33896/SPolit.2023.70.1>
7. Zinevich O.V., Melekhina E.A. Russian Student Volunteering in the Context of Sustainable Development Goals and Values. *Higher Education in Russia*. 2024;33(3):104–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-3-104-125>
8. Davies J. “We’d get Slagged and Bullied”: Understanding Barriers to Volunteering among Young People in Deprived Urban Areas. *Voluntary Sector Review*. 2018;9(3):255–272. <https://doi.org/10.1332/204080518X15428929349286>
9. Morieson N. Understanding Civilizational Populism in Europe and North America: The United States, France, and Poland. *Religions*. 2023;14(2):154. <https://doi.org/10.3390/rel14020154>
10. Yilmaz I., Morieson N. Civilizational Populism: Definition, Literature, Theory, and Practice. *Religions*. 2022;13(11):1026. <https://doi.org/10.3390/rel13111026>
11. Chen Hsuan-Ling, Liu Hsi-Lin, Lu Jen-Yi. Impact of Corporate Volunteers’ Participation in Volunteer Tourism. *International Journal of Social Sciences and Artistic Innovations*. 2024;4(2):15–25. <https://doi.org/10.35745/ijssai2024v04.02.0002>
12. Kudrinskaya L.A. [Volunteer Labor: Essence, Functions, Specificity]. *Sociological Studies*. 2006;(5):15–22. (In Russ.) Available at: <http://www.library.fa.ru/files/Kudrinskaya.pdf> (accessed 29.04.2024).
13. Belyaeva L.A., Zelenev I.A., Prokhoda V.A. Volunteerism in Russia: The History of Development and Modern Attitudes of Youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(4):825–838. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838>
14. Kuzminchuk A.A., Pevnaya M.V., Timershina E.R. Directions of Youth Volunteerism: Specifics and Prospects of Development. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2018;(2):68–77. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/napravleniya-molodezhnogo-dobrovolchestva-spetsifika-i-perspektivy-razvitiya> (accessed 29.04.2024).
15. Hu M. Making the State’s Volunteers in Contemporary China. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. 2021;(32):1375–1388. <https://doi.org/10.1007/s11266-019-00190-9>
16. Nevsky A.V. Sociology of Volunteerism: Defining the Boundaries of Research. *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020;11(1):30–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.624>
17. Horsham Z., Abrams D., Davies B., Lalot F. Social Cohesion and Volunteering: Correlates, Causes and Challenges. *Translational Issues in Psychological Science*. 2024;10(1):51–68. <https://doi.org/10.1037/tps0000387>
18. Rico D., Gandica Y. An Entropic Analysis of Social Demonstrations. *Entropy*. 2024;26(5):363. <https://doi.org/10.3390/e26050363>
19. Abramova S.B., Antonova N.L. Regional Youth in Search of Civic Identity: Digital Participation and the Observer Model. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(2):393–410. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.123.031.202302.393-410>

Об авторах:

Нятина Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8512-3282>, Researcher ID: AAJ-3125-2021, Scopus ID: 57225971178, SPIN-код: 9172-7807, kozeeva_n@mail.ru

Головацкий Евгений Васильевич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8485-5852>, Researcher ID: U-4714-2017, Scopus ID: 57221856678, SPIN-код: 4493-2866, xomaik@rambler.ru

Григорик Никита Николаевич, ассистент кафедры социологических наук Кемеровского государственного университета (650000, Российская Федерация, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8868-0244>, Researcher ID: ABB-8626-2020, SPIN-код: 2873-6884, grigorik_nikita@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Н. В. Нятина – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов.

Е. В. Головацкий – научное руководство; критический анализ и доработка текста; проведение критического анализа материалов.

Н. Н. Григорик – сбор, обработка и анализ информации; подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 31.05.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 27.09.2024.

About the authors:

Natalia V. Nyatina, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Sociological Sciences, Kemerovo State University (6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8512-3282>, Researcher ID: AAJ-3125-2021, Scopus ID: 57225971178, SPIN-code: 9172-7807, kozeeva_n@mail.ru

Evgeniy V. Golovatskiy, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Professor of the Chair of Sociological Sciences, Kemerovo State University (6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8485-5852>, Researcher ID: U-4714-2017, Scopus ID: 57221856678, SPIN-code: 4493-2866, xomaik@rambler.ru

Nikita N. Grigorik, Assistant of the Chair of Sociological Sciences, Kemerovo State University (6 Krasnaya St., Kemerovo 650000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8868-0244>, Researcher ID: ABB-8626-2020, SPIN-code: 2873-6884, grigorik_nikita@mail.ru

Contribution of the authors:

N. V. Nyatina – collection, processing and analysis of information; preparation of the initial version of the text; conducting a critical analysis of materials.

E. V. Golovatskiy – scientific guidance; critical analysis and revision of the text; conducting a critical analysis of materials.

N. N. Grigorik – collecting, processing and analyzing information; preparing the initial version of the text; conducting a critical analysis of materials.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 31.05.2024; revised 19.09.2024; accepted 27.09.2024.

Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи

И. С. Шаповалова ✉

И. С. Заводян

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(г. Белгород, Российская Федерация)

✉ shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация

Введение. Актуальность статьи определяется необходимостью мониторингового контроля показателей и элементов социальных стратегий молодежи в условиях высоких социальных рисков приграничного региона. Цель исследования – определение типичных социальных черт региональной молодежи на основе ключевых показателей ее социальных стратегий.

Материалы и методы. Для определения характеристик и показателей социальных стратегий молодежи изучены результаты и выполнен анализ материалов исследования 2023 г., проведенного в Белгородской области методом онлайн-опроса молодежи в возрасте от 14 до 35 лет ($n = 5\,881$, учащаяся, студенческая и работающая региональная молодежь). Использование данного метода позволило осуществить большой охват респондентов, в том числе в труднодоступных районах и поселениях региона, обеспечить репрезентативность выборки.

Результаты исследования. Результатом исследования стал социальный портрет региональной молодежи на основе ключевых типов стратегических диспозиций и жизненных планов по 12 социальным стратегиям. Выявлены ключевые потенциалы, связанные с карьерными амбициями, ориентацией на традиционные семейные ценности, стремление к образованию и саморазвитию, внимание к собственному здоровью, потребность в самореализации. Определены риски, способные нанести серьезный ущерб региональному человеческому капиталу: экономическая инфантильность в сочетании с высокими экономическими притязаниями, общественная пассивность и политический эгоцентризм, ситуативная (избирательная) духовность, повышенный миграционный потенциал (ориентация на выезд за пределы региона).

Обсуждение и заключение. В качестве итогового вывода стоит подчеркнуть информационно-аналитические возможности социального портрета региональной молодежи на основе социальных стратегий: черты портрета позволяют определить возможности будущих социальных инвестиций в регион со стороны молодых людей, уточнить проблемы и дефициты социализационного воздействия, сформировать задачи по обеспечению возможности реализации жизненных планов молодежи для органов государственного и муниципального управления. Материалы статьи могут быть востребованы органами управления государственной молодежной политики разного уровня, органами государственного и муниципального администрирования, молодежными организациями, образовательными учреждениями.

Ключевые слова: молодежь, социальные стратегии молодежи, диспозиции молодежи, социальный портрет, жизненное планирование, человеческий капитал

© Шаповалова И. С., Заводян И. С., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Для цитирования: Шаповалова И. С., Заводян И. С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи // Регионология. 2024. Т. 32, № 4. С. 768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>

Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth

I. S. Shapovalova ✉, I. S. Zavodyan

Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

✉ shapovalova@bsuedu.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the article is determined by the need for monitoring control of indicators and elements of social strategies of youth in the conditions of high social risks of the border region. The purpose of the article is to determine the typical social characteristics of regional young people based on key indicators of their social strategies.

Materials and Methods. The article examines the results and analysis of the materials of the 2023 study conducted in the Belgorod region using an online survey of young people aged 14 to 35 years. The use of this method made it possible to cover a large number of respondents, including in hard-to-reach areas and settlements of the region, to ensure the representativeness of the sample. The study involved 5881 people (schoolchildren, students and working youth from the region). The purpose of the study was to determine the characteristics and indicators of the social strategies of young people.

Results. The result of the study was a social portrait of regional youth based on key types of strategic dispositions and life plans for 12 social strategies. Key potentials were identified related to career ambitions, orientation to traditional family values, desire for education and self-development, attention to one's own health, and the need for self-realization. Risks that could seriously damage to regional human capital were identified: economic infantilism combined with high economic aspirations, social passivity and political egocentrism, situational (selective) spirituality, increased migration potential (orientation to leave the region).

Discussion and Conclusion. As a final conclusion, it is worth emphasizing the informational and analytical capabilities of the social portrait of regional youth based on social strategies: the features of the portrait allow us to determine the possibilities of future social investments of young people in the regions, to clarify the problems and deficiencies of socialization effects, and to formulate tasks to ensure the possibility of implementation of life plans of young people for state and municipal government bodies. The materials of the article may be in demand by state youth policy management bodies of various levels, state and municipal administration bodies, youth organizations and educational institutions.

Keywords: youth, social strategies of youth, youth dispositions, social portrait, life planning, human capital

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic "Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space".

For citation: Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>

Введение. В последние годы предельно возросла турбулентность социальных процессов, что связано как с общим усложнением и скоростью социальных преобразований, так и с неожиданно возникающими социально-экономическими и политическими факторами, меняющими социальный ландшафт и, как следствие, формирующими отклик на ситуацию социальных групп и сообществ.

Одной из самых динамичных, реактивных групп в этом отношении является молодежь. Вариабельность решений, в связи с возрастом и не весомым еще социальным (система социальных связей и отношений) и ресурсным (объективный результат реализованных жизненных стратегий – дети, семья, имущество и т. д.) капиталом, позволяет молодежи быстро и гибко реагировать на изменяющиеся условия, менять установки, ключевые диспозиции, выбирать новые вектора своего развития, обновлять жизненные планы.

Система социальных стратегий молодежи гибко подстраивается под условия среды, показывая, как правило, высокую адаптивность, инновационность по отношению к новым реалиям. Чаще всего такая адаптивность приводит к положительным эффектам, и в этом случае можно говорить о выборе более рационального жизненного пути, жизненных ориентиров, которые способны привести к социальному благополучию. Но бывают и обратные ситуации – молодые люди, быстро реагируя на социальные изменения и прогнозируемые риски, меняют свои жизненные планы, что в итоге может коренным образом затронуть все показатели социального благополучия и привести далеко не к позитивным эффектам [1].

В этой связи становится актуальным получение постоянной мониторинговой информации об основных жизненных диспозициях и стратегиях молодежи, определение ее социальных черт в реализации социальных стратегий. Такой социальный портрет может быть результатом социальной диагностики важных для принятия решения и контроля показателей, на основе самостоятельной оценки молодежью своих ключевых диспозиций по разным направлениям.

Особенно актуальной такая информация становится в условиях высоко-го территориального риска, социальной напряженности, которая характерна сейчас для целого ряда приграничных регионов. Так, например, Белгородская область, находясь в эпицентре прифронтовой активности, в полной мере испытывает на себе риски трансформации социальных стратегий региональной молодежи – ее отток с территории (миграционные стратегии), выбор вузов и перевод в образовательные учреждения за пределами региона (образовательные стратегии), внешнее трудоустройство (карьерные стратегии), отсроченное деторождение (магримониальные стратегии) и изменение духовно-нравственных ориентиров и ценностей (духовно-нравственные стратегии), а также повышение гражданской включенности (общественные стратегии) и т. д. – все это меняет структуру регионального человеческого капитала. Превентивное реагирование на возможные риски при помощи расширенных мер поддержки молодежных стратегий может стать результатом получения своевременной информации по данному вопросу. Таким образом, региональная ситуация Белгородской области, с одной стороны, может показать уникальные условия, в которых формируются и трансформируются социальные стратегии региональной молодежи, с другой – указать на типичные риски и потенциалы для других регионов, оказавшихся в сходной ситуации.

Цель исследования – составить комплексный социальный портрет регионального молодежного сообщества на основе рефлексивной оценки молодыми людьми основных социальных стратегий.

Обзор литературы. Идея социального портретирования вообще и молодежи в частности не нова – вопрос заключается лишь в системности (масштабности), объективности и направленности характеристик социального портрета. Как правило, исследователям интересен портрет конкретных социальных групп, например студенчества [2–4]. В этой связи отдельную значимость имеет 25-летний мониторинг коллектива исследователей под руководством Ю. Р. Вишневого, отражающий многокомпонентность и преемственность социальных характеристик данной группы для конкретной территории [5]. Важными являются социальные портреты и учащейся молодежи, которые, в случае исследовательской преемственности, могут представлять собой социологическую панель определенной части поколения или поднимать проблемы, связанные с особенностями условий социализации [6]. Актуальны социальные портреты и работающей молодежи, особенно в связи с тем, что именно данная категория теперь расширенно представлена в молодежной политике, и этот ее объект пока не охвачен в полной мере мероприятиями поддержки [7; 8]. Изучая дискурс по данной теме, можно увидеть и проблемные социальные портреты, где акцент, как правило, ставится на миграционных потенциалах и характеристиках молодежи [9–11].

Особую ценность в этом ряду имеют исследования, направленные на получение комплексного портрета молодежи, например изучение различных сторон жизни молодых людей и оценку среды с позиции процессов самоорганизации¹.

Во всех случаях, когда результатом исследования является социальный портрет молодежи, различительной характеристикой таких исследований становятся составляющие социального портрета. Если социальный портрет имеет какой-либо акцент, связанный, например, с вопросами трудовой [3; 8], общественной [4; 7] или миграционной активности [9–11], то в этом случае характеристики такой активности, вовлеченности в нее, факторы, сопровождающие принятие решения в данной сфере, рассматриваются через призму демографических характеристик (пол, возраст, семейная ситуация, экономическое положение и т. д.).

В случае, когда научными коллективами предпринимается попытка дать системный портрет молодежи (определенной ее части, аффилированной с территорией или обладающей иными характеристиками общности), внимание концентрируется на различных сторонах жизни, где изучаются ценностные диспозиции, особенности поведения, выявляются закономерности в формировании мнения, а также диагностируются основные социальные характеристики группы [2; 5; 6].

Для реализации цели нашей статьи особый интерес представляют социальные портреты, в основе которых лежат представления о социальных стратегиях молодежи, включающих как стратегические диспозиции и ценности, так и жизненные стратегии (ориентиры, цели, планы) молодежи. Методологическую основу их изучения можно найти в работах Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова, где представлен обзор теорий и подходов к вопросу формирования понятия и изучения именно жизненных стратегий молодежи в научном российском и международном дискурсе² [12; 13].

¹ Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Ю. А. Зубок [и др.]. Белгород : Эпицентр, 2022. 360 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-382-9.2022>

² Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: Социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2014. 353 с.

Так, значимой можно считать идею о том, что «наличие стратегии жизни следует рассматривать в качестве критерия зрелости личности как целостного субъекта деятельности, что проявляется в умении соединять воедино три компонента – свои индивидуальные возможности (статусные, возрастные и пр.), собственные притязания и требования внешней среды³, а также концепцию транзycji, основанную на переходности социального статуса молодежи⁴. Системная актуальность изучения жизненных (и тем более социальных) стратегий молодежи подчеркивается авторами через идею о том, что «место жизненных стратегий в социокультурном механизме саморегуляции жизнедеятельности определяется их связью с архетипами, ментальными и современными чертами национального характера, габитусами и стереотипами. Они служат важными источниками образования смыслов, определяющих направленность целей жизнедеятельности» [12, с. 22].

Если сравнивать направление научного дискурса в этой сфере между российскими и зарубежными исследованиями, то существует определенный разрыв в восприятии социальных и жизненных стратегий молодежи в международном сообществе: как правило здесь можно столкнуться с исследованиями, посвященными проблемам социально уязвимых групп, например, не получивших образования [14], воспитанных в приемных семьях [15; 16], мигрантов (в том числе и образовательных) [17; 18]. Большое количество исследований посвящено жизненным проблемам и траекториям молодежи, относящейся к ЛГБТ-сообществам⁵ (идентифицирующим себя с ними) [19]. Контекст социальной защиты и последствий социальной уязвленности просматривается даже при изучении отдельных направлений в социальных стратегиях молодежи, например, в отношении самоохранительных стратегий при анализе восприятия молодежью из группы риска продолжительности жизни [20].

Исключением в этом ряду становятся общественные стратегии, где рассматривается включенность молодежи в гражданские практики [21], но и здесь исследователи часто обращаются к группам, находящимся на особом положении (например, мигрантам) [22]. Можно выделить немногочисленные исследования, связанные с поиском факторов, влияющих на возможности молодежи в самореализации в жизненном пространстве [23] или анализирующих молодежную рефлексию относительно проблем в реализации своих жизненных стратегий [24]. Такой контекст исследований социальных и жизненных стратегий молодежи, с одной стороны, устанавливает максимальную связь между стратификационным признаком на основе реактивности, но с другой – максимально прикладной характер исследований затрудняет осуществление прогноза в формировании и реализации социальных стратегий молодежью, а отсутствие системных исследований не позволяет увидеть общий социальный портрет молодежи.

В российском научном пространстве, напротив, есть укрупненное видение социальных групп молодежи. Стратегии, жизненные траектории и жизненные

³ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. С. 67.

⁴ Misleading Trajectories: Integration Policies for Young Adults in Europe? / eds. by A. Walther [et al.]. Wiesbaden : Springer : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2002. <https://doi.org/10.1007/978-3-663-10808-5> ; Youth and the New Adulthood: Generations of Change / eds. by J. Wyn [et al.]. Singapore : Springer Nature, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-3365-5>

⁵ Организация и идеология запрещены в России.

планы молодежи изучаются достаточно активно, но не в системе, а по конкретным направлениям. Например, часто исследователи обращают внимание на трудовые, карьерные и профессиональные стратегии молодежи в связи с проблемой востребованности молодых специалистов, уровнем их притязаний, освоением ими рынка труда [25–27]. Большое внимание уделяется и матримониальным стратегиям, в рамках которых исследуются стратегии брачного и репродуктивного поведения [28–30] и обозначаются возможные проблемы национальной демографии. Конечно, не остаются без внимания и политические стратегии молодежи, они особенно актуальны в современных геополитических реалиях; как правило, в исследованиях идет речь об активности, об отношении к политической ситуации, но есть работы, делающие акцент и на протестном поведении как особой политической стратегии молодого поколения [31; 32]. Образовательные стратегии молодежи, особенно в условиях цифровизации образования, внимания к новым формам получения образования, также вызывают интерес ученых и практиков [33; 34].

Важнейшим акцентом в исследовательском поле стратегий молодежи, особенно для региональных исследований, становится мониторинг миграционных стратегий – взаимосвязь между ними и региональным человеческим капиталом очевидна, контроль миграционных настроений молодежи становится актуальной задачей региональной политики [35].

Исследовательский интерес представляют и досуговые стратегии, как правило их связывают с возможностью самореализации молодежи, а также теми акцентами, которые показывают смену ее интересов и культурное потребление⁶ [36]. Не остаются без внимания и экономические стратегии молодежи, отражающие ее экономические модели поведения, планы приобретений, уровень финансовых притязаний, а также финансовую грамотность и другие аспекты экономической культуры [37].

Системные же исследования в данной области не так обширны, хотя именно они дают возможность установить каузальные связи между показателями разных стратегий, увидеть комплексное жизненное решение и спрогнозировать социальные показатели будущего для территорий разного уровня. В предлагаемом материале мы хотели бы представить системное видение социального портрета молодежи на основе оценки показателей 12 направлений социальных стратегий. Под социальными стратегиями мы будем понимать субъективную «систему жизненного проектирования, связанную с жизненными ориентирами и отражающую основные стратегические диспозиции, модели поведения, факторы принятия решений, стратегические планы, барьеры их реализации, требуемые ресурсы и их оценку, проблемный компонент»⁷. Такое комплексное определение позволяет разграничить понятия социальных и жизненных стратегий, под которыми мы понимаем только систему жизненного планирования и жизненных ориентиров (и включаем их показатели в общую исследовательскую модель).

⁶ Шаповалова И. С. Досуговые стратегии молодежи: факторы досугового выбора и культурная карта досуга // Научные результаты социологии – 2022. Сб. ст. по материалам II Междунар. науч. онлайн-форума / отв. ред. И. С. Шаповалова. Белгород, 2023. С. 196–204.

⁷ Шаповалова И. С. Социальные стратегии молодежи: есть ответы на все вопросы [Электронный ресурс] // Социодиггер : сайт. URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/socialnyestrategii-molodezhi-est-otvety-na-vse-voprosy> (дата обращения: 11.06.2024).

В связи с ограничениями, связанными с форматом научной публикации, нами будут предложены только два блока в оценке социальных стратегий молодежи: стратегические диспозиции и жизненные стратегии.

Материалы и методы. Исследование проводилось на основе материалов мониторинга социальных стратегий молодежи, который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного университета осуществляет с 2018 г. В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2023 г., респондентами стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5 881 чел., выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительными стратификационными признаками в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся (40 %), студенческая (40 %) и работающая (20 %)), а также экономический статус молодых людей и их семей. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству.

В качестве метода исследования был использован онлайн-опрос с привлечением рекрутеров, организующих взаимодействие с респондентами. Такой метод позволил снизить количество отказов респондентов, обеспечить репрезентативность региональной выборки, в том числе с привлечением молодежи из труднодоступных и закрытых территорий области (приграничные зоны).

Укрупненными показателями исследовательской модели выступили экономическая, политическая, карьерная, семейная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная стратегии. В рамках статьи мы ограничиваемся типологией стратегических диспозиций и жизненными планами по каждой социальной стратегии.

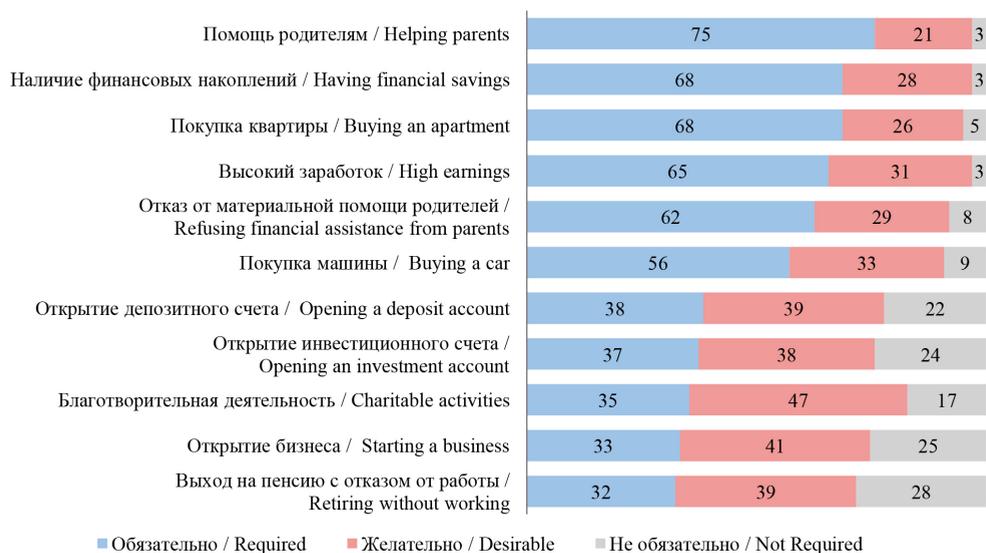
Операционализация типов, положенная в основу типологии для каждой стратегии, основана на возможных вариантах отношения к данной стратегии или ее ценностному ядру (например, семья – для семейных стратегий, здоровье – для самосохранительных и т. д.). В вопросах, касающихся типологии стратегических диспозиций, молодым респондентам предлагалось определение ведущей жизненной установки относительно стратегии, которая определяла бы их дальнейшее поведение (предлагалось ответить на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?»). Выборы по данному вопросу были даны в закрытой форме и на альтернативной основе (не предусмотрено множественного выбора и открытых вариантов ответов). Это позволило получить более четкую структуру типов для региональной молодежи.

Жизненные планы для каждой стратегии установлены исходя из ключевых жизненных ориентиров молодежи. Вопросы, касающиеся жизненного планирования, были даны в табличной форме с обязательной оценкой каждого выбора по шкале «обязательно», «желательно», «не обязательно». Инструкция к вопросу звучала следующим образом: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где “обязательно” значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполнения этого условия (если Вы уже реализовали какие-то из предложенных вариантов, отметьте их как обязательные)».

Результаты исследования. Типология экономических стратегических диспозиций (основным типобразующим признаком которой стало отношение к денежному ресурсу) позволила увидеть три ключевых типа в региональном пространстве: накопительный, воспринимающий экономический ресурс как основу безопасности (24 %), гедонистический, легко относящийся к деньгам, ориентированный на удовольствие и потребление (37), предпринимательский тип, воспринимающий деньги как ресурс развития, имеющий бизнес-ориентацию (25 %). Аскетический тип экономического поведения, имеющий умеренные потребности, не воспринимающий деньги как ценность, представлен в меньшинстве (13 %).

Важным жизненным шагом экономического развития становится для молодых людей помощь родителям (рис. 1). Финансовые накопления, высокий заработок и покупка квартиры также обязательны для большинства молодых людей. К этой же группе жизненных планов можно отнести и желание отказаться от материальной помощи своих родителей – такое стремление к самостоятельности демонстрирует даже учащаяся молодежь. Открытие инвестиционных и депозитных счетов, предпринимательская и благотворительная деятельность не так важны для молодежи, но такие стратегии близки примерно трети опрошенным, что, особенно в случае предпринимательства и благотворительности, является весомой чертой к социальному портрету.

Р и с. 1. Экономические жизненные стратегии региональной молодежи, %⁸

F i g. 1. Economic life strategies of regional youth, %

Политические стратегии гораздо менее интересны региональной молодежи, и это подтверждают ее политические стратегические диспозиции (в основу типологии положена самооценка политической активности): так, в региональном разрезе более всего представлены индифферентный и пассивный (слабо

⁸ Здесь и далее в статье рисунки составлены авторами по материалам проведенного исследования.

интересующийся) типы (24 и 60 %), вовлеченный и погруженный типы с трудом совокупно набирают 15 %. Условно политически пассивными и отстраненными могут считаться 85 % молодежи. Такая ситуация не может быть оценена однозначно: с одной стороны, таким образом нивелируется риск включения молодежи в нежелательную политическую активность, а с другой – отсутствие четкой политической позиции, способность ее отстоять снижают общий уровень культуры и активности молодых людей.

Жизненные планы в рамках политических стратегий не настолько обязательны для молодых людей – политические стратегии становятся скорее элитарным выбором, а в условиях преобладания эгоцентричных и инфантильных характеристик в политическом мышлении, можно сказать, что региональная молодежь скорее избегает активного включения в данные стратегии [38]. Даже участие в выборах является обязательным только для 30 % молодежи. Решения, связанные с личной политической вовлеченностью (политическая карьера депутата, губернатора, мэра), интересны для 19 % молодежи – это говорит о высоких политических амбициях (рис. 2). Конечно, ранги таких решений невысоки, но, учитывая низкую востребованность «политических карьеристов», такой показатель можно считать достаточно высоким.

Р и с. 2. Политические жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 2. Political life strategies of youth, %

По типам общественных стратегических диспозиций (в основу типологизации положен признак вовлеченности в общественную активность) выделяются эгоцентристы, сконцентрированные на собственных интересах и избегающие общественной активности (42 %), событийные активисты (42), общественники (10), члены объединений (3) и общественные лидеры (1 %). Таким образом, можно сказать, что 85 % молодежи могут считаться максимум случайными активистами, формирующими риск развития общественной пассивности и отстраненности в молодежной среде.

Жизненные планы, связанные с общественными стратегиями, являются обязательными как минимум для четверти молодежи (особенно в части волонтерства и благотворительности, в которых заинтересован каждый третий молодой человек) (рис. 3). Новыми жизненными ориентирами, предлагаемыми как варианты выбора, в этом году в мониторинге стали возможность социального предпринимательства (такой вариант жизненного плана как обязательный ставят для себя 26 %) и реализации социально-значимого проекта (его для себя важным считают 27 %).

Р и с. 3. Общественные жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 3. Social life strategies of youth, %

Говоря о досуговых стратегиях молодежи, стоит отметить, что достаточно большая часть молодых людей относятся к группе, досуг которой крайне ограничен в связи с недостатком времени (34 %) или типу с неопределенным досугом (17 %). Те, кто выбирает варианты конкретных досуговых предпочтений, чаще всего отмечают активный (25 %) или развивающий досуг (14 %), в меньшинстве остаются те, кому интересен пассивный досуг (8 %).

Досуговые жизненные стратегии молодежи дают возможность сформировать представление о культурном потреблении, гармоничном жизненном пространстве, устремлениях, основанных на внутренней мотивации – и здесь мы видим, что будущее социальное пространство, связанное со свободным времяпрепровождением, будет построено на основе возможностей саморазвития для 67 % молодежи (рис. 4). В досуговую карту войдут и путешествия (59 %), и спорт (57 %). Стоит подчеркнуть и проблему молодежного досуга, которая выявлена в рамках исследования при составлении карты культурного потребления – на вершине потребления был и остается гастрономический досуг (посещение кофеен, баров и ресторанов).

Среди типов семейных стратегических диспозиций по отношению к институту семьи были выделены традиционный тип, отличающийся уважением семьи, традиционными семейными ценностями (54 %), либеральный тип, не ориентированный на традиционные матримониальные стратегии и более других поддерживающий альтернативные брачные формы (33), эгоцентричный тип, не

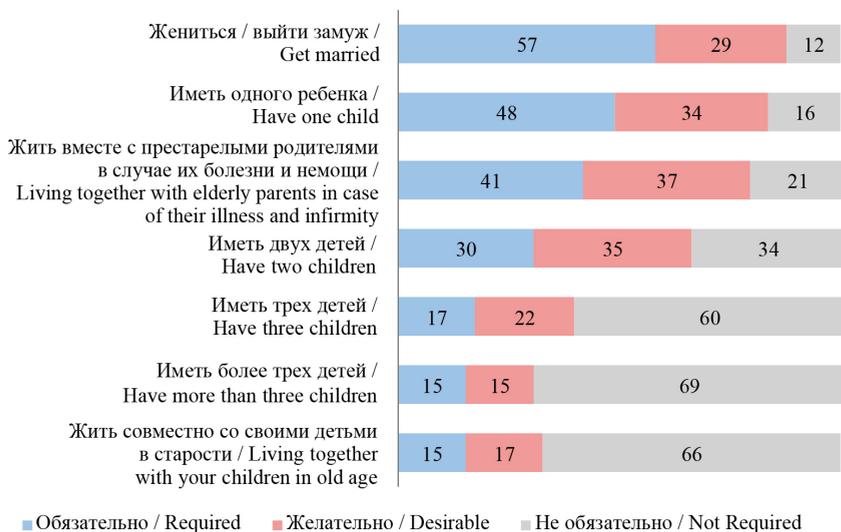
ставящий ценность семьи на первые места в своих жизненных ориентирах (8 %), неформальный тип, отрицающий институт семьи, более других склонный выбирать стратегии безбрачия и чайлдфри⁹ (3 %).

Р и с. 4. Досуговые жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 4. Leisure life strategies of young people, %

В отношении жизненных приоритетов в семейных стратегиях женитьба или замужество как обязательное жизненное решение предусмотрено для 57 % молодежи, а вот необязательным такой шаг для себя считают 12 % (что не просто составляет потенциал молодежи, придерживающейся стратегии безбрачия, а обозначает реальных приверженцев данной стратегии (рис. 5). Обязательным для 48 % молодежи становится рождение одного ребенка, для 30 – рождение второго ребенка, а вот третий ребенок в обязательных планах только у 17 %.

Р и с. 5. Семейные жизненные стратегии молодежи, %

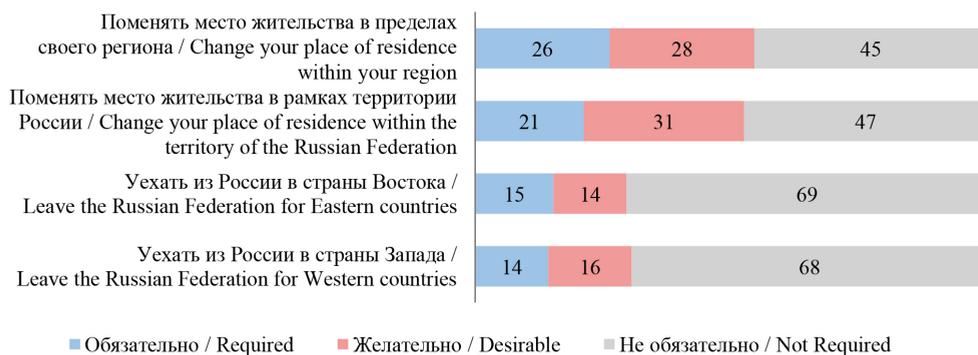
F i g. 5 Family life strategies of young people, %

⁹ Идеология чайлдфри запрещена в Российской Федерации.

Каждый мониторинговый замер социальных стратегий молодежи позволяет увидеть динамику и значение показателей миграционных стратегий, что особенно важно в условиях приграничного региона, оказавшегося в зоне боевых действий. Так, в большинстве в региональном пространстве представлен мобильный тип молодежи (52 %), для которого характерны миграционные устремления, связанные с возрастом («пока молодой, нужно искать себя»); вторым по значению становится оседлый тип (30); третий тип миграционных стратегических диспозиций – урбанистический (10), который может менять региональную структуру и связан с перемещением сельской молодежи в города, а городской молодежи – в мегаполисы; и четвертый – эмигрирующий тип (5 %), стремящийся покинуть страну. В целом структуру миграционных стратегий молодежи можно назвать скорее проблемной для региона.

В свои миграционные планы включают желание переместиться в пределах своего региона 26 % молодежи, такая ситуация объяснима в том числе и с точки зрения безопасности: молодые люди вынуждены переезжать из приграничных зон на более безопасные территории. Как обязательный миграционный выбор для себя изменить место жительства по территории России указали 21 %. В случае острой обстановки с выездом молодежи из провинциальных регионов важное значение имеет и ответ «желательно», который дали 31 % респондентов (рис. 6).

Р и с. 6. Миграционные жизненные стратегии молодежи, %

F i g. 6. Migration life strategies of young people, %

Говоря о карьерных стратегиях, можно отметить, что среди молодежи региона в большей степени представлены карьерные активисты – приоритетный региональный тип (36 %), способные пойти ради карьеры на многое, и карьерные рационалисты (25 %), считающие карьеру важным элементом жизненных стратегий, но не готовые жертвовать ради нее чем-то в своей жизни. По сравнению с прошлым годом немного уменьшилась группа карьерных пацифистов (с 19 до 17 %), не считающих карьеру ценностью и не ориентированных на нее; увеличилась группа карьерных пессимистов (с 14 до 19 %), не видящих для себя карьерных возможностей в силу собственной несостоятельности или условий регионального рынка труда.

Жизненные стратегии относительно карьеры для большинства молодежи связаны с поиском рабочих мест с высокой заработной платой и возможностью карьерного роста, важным для образовательной системы можно считать то, что 42 % устремлены на работу по специальности. Есть и определенные амбициозные планы – 42 % молодых людей хотели бы стать знаменитыми в своей профессиональной сфере (рис. 7), а 33–39 % связывают свое будущее с весомыми профессиональными и карьерными достижениями, в том числе в плане руководящей деятельности – открытие собственного бизнеса, руководство экономическими субъектами и подразделениями.

Р и с. 7. Карьерные жизненные стратегии молодежи, %
F i g. 7. Career life strategies of young people, %

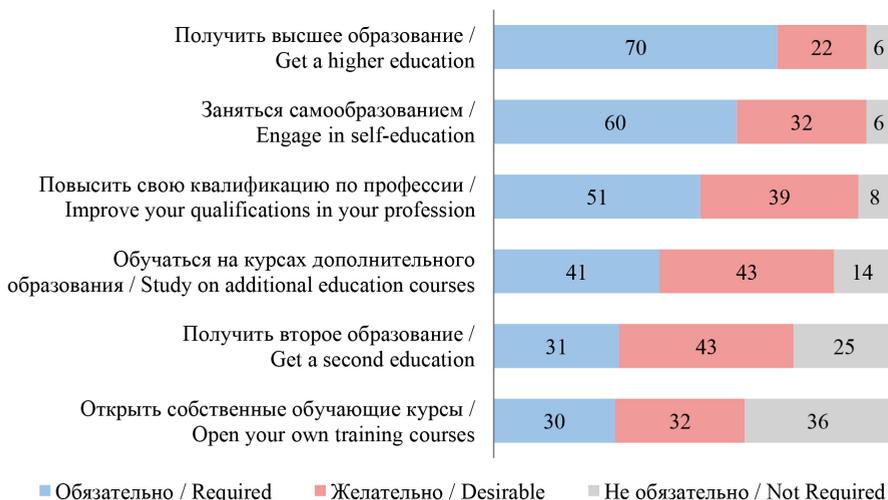
В рамках исследовательской модели духовно-нравственных стратегий была предложена типологизация духовно-нравственных диспозиций и определены основные типы молодежи по этой стратегии: тип ситуативной духовности (большинство выборов – 52 %), тип высокой духовности – второй по популярности ответ среди молодежи (32); конформный тип (11), циничный тип, отрицающий духовность как ценность (4 %). Представленность типа с ситуативной духовностью показывает определенные проблемы молодежного сообщества, связанные с адаптивной моралью.

Для верификации возможных жизненных планов молодежи по данной стратегии были предложены различные решения, связанные с нравственным и духовным ростом и проявлением. Так, обязательным в своей жизни 36 % респондентов считают повысить свой культурный уровень, 31 % хотели бы стать примером нравственных поступков. Все остальные выборы в равной степени характерны для групп от 26 до 28 % – надо сказать, что по сравнению с прошлым годом важность нравственных жизненных ориентиров повысилась. Так, например, совершить подвиг, что актуально в современной ситуации региона, могли бы 26 % (в 2022 г. – 21 %) (рис. 8).

Р и с. 8. Духовно-нравственные жизненные стратегии молодежи, %
 F i g. 8. Spiritual and moral life strategies of youth, %

Типы образовательных стратегических диспозиций молодежи позволили определить, что большинство ориентированы на постоянное образование и самообразование (63 %). Вторым по значимости стал ответ «человек должен периодически проходить повышение квалификации по своей профессии» (29 %), что подчеркивает, с одной стороны, связь данных стратегий для трети молодежи (карьерных и образовательных), а с другой – определяет несколько формальный подход к образовательной деятельности. Менее всего представлены мнения, связанные с ограничением уровня образованности пределами образовательных организации (4 %) или школьным уровнем знаний (2 %).

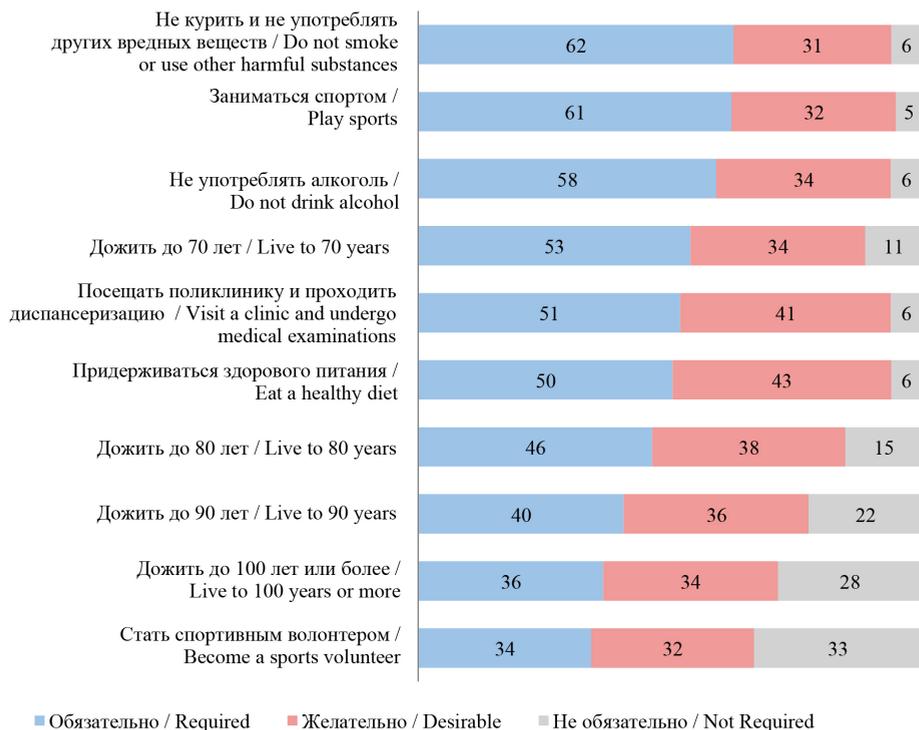

Р и с. 9. Образовательные жизненные стратегии молодежи, %
 F i g. 9. Educational life strategies for young people, %

Жизненные выборы молодежи в рамках образовательных стратегий связаны прежде всего с обязательным желанием получить высшее образование и заниматься самообразованием (рис. 9). 31 % опрошенных в качестве обязательных действий указали получение второго высшего образования. Стоит отметить, что жизненные выборы в образовательных стратегиях дают небольшой показатель альтернативной отметки «не обязательно», что показывает их приоритет в жизненном планировании.

Самосохранительные стратегии молодежи определяют отношение молодых людей к своему здоровью и аспекты планирования мер по его сбережению. К типам, отличающимся установками на здоровый образ жизни и внимательное отношение к своему здоровью, относятся 81 % (сознательный и осознающий тип); типы, не отличающиеся бережным отношением к ресурсу своего здоровья и по большому счету жизни, составляют 18 % – при этом открыто признаются в нецелесообразном расходовании этого ресурса 4 %.

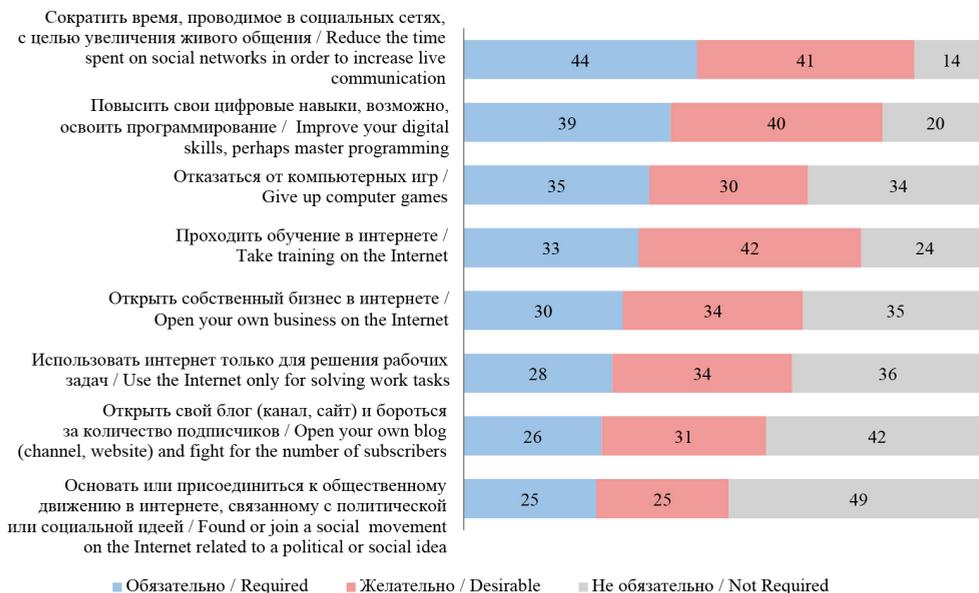
Обязательным в дальнейшем для 62 % становится неупотребление табака и других вредных веществ, для 61 – занятия спортом, для 58 % – отказ от алкоголя (рис. 10). Есть и потенциал спортивного волонтерства – и он не маленький, составляет 34 % – это может быть использовано в практиках и мероприятиях организации добровольческих движений, а также поддержке паралимпийского направления и реабилитации участников спецоперации (это направления, активно развивающиеся в регионе исследования).

Р и с. 10. Самосохранительные жизненные стратегии молодежи, %
F i g. 10. Self-preservation life strategies of young people, %

Анализ коммуникативных стратегий показал, что среди молодежи региона преобладает тип, направленный на общение (заинтересованный в нем), но фильтрующий свои коммуникации (43 %), а вот экстравертированность в чистом виде характерна только для 29 %. Еще менее представлен избирательный тип, для которого общение не является целью и ценностью (17 %). Рисковой группой можно считать дефицитный коммуникативный тип, который испытывает определенные трудности в общении и нуждается в поддержке со стороны социализирующих субъектов (3 %). Наиболее значимые выборы у молодых людей следующие: сократить время, проводимое в интернет-общении в пользу живого контакта и больше общаться и заводить друзей, повысить свои цифровые навыки, проходить обучение в интернете, а также отказаться от компьютерных игр (35 %) (рис. 11). Растет количество молодых людей, которые хотели бы открыть свой бизнес в интернете, в 2023 г. таких уже 30 %.

Р и с. 11. Коммуникативные жизненные стратегии молодежи, %

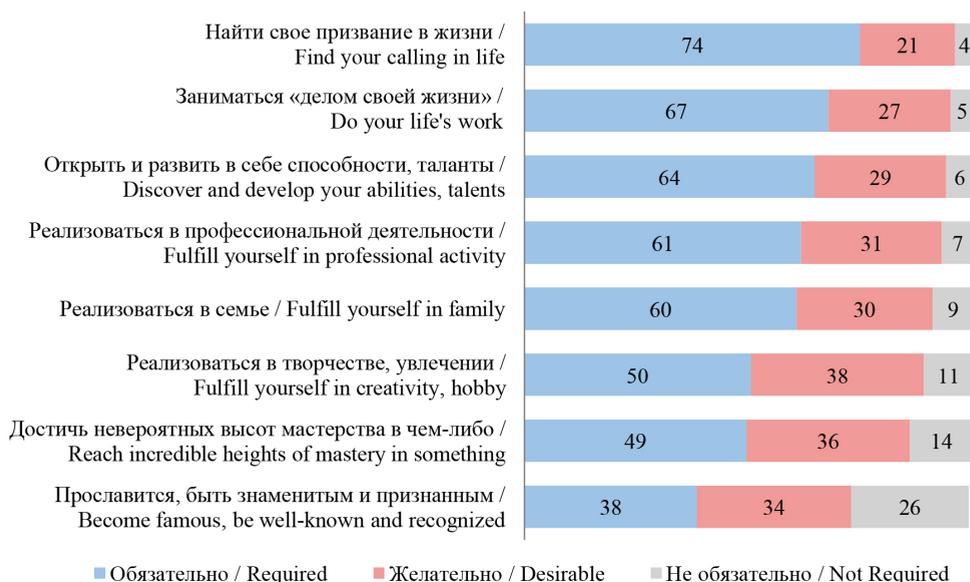
F i g. 11. Communication life strategies of young people, %

Среди жизненных планов чаще других в категорию «не обязательно» молодые люди относили поддержку движений в интернете, связанных с какой-то политической или социальной идеей. Блоггерство как альтернативная форма самопрезентации и бесконтактной коммуникации привлекает 26 %. Несмотря на то, что эта группа не является большинством, относительно собственно блоггерского явления это достаточно масштабный показатель – каждый четвертый хочет открыть и развивать свой блог – это специфика нового поколения, специфика самопрезентации, коррелирующая с показателем необходимости открыть свой обучающий курс у большинства современной молодежи. По аналогии

с политическими и карьерными стратегиями, мы можем говорить здесь о «коммуникативных амбициях» – оценка собственных коммуникативных компетенций, значимости транслируемых идей позволяет четверти молодых людей планировать такой жизненный шаг.

В рамках исследования было выявлено распределение типов стратегических диспозиций (в основе типологии лежат показатели ценности и возможностей самореализации): так, среди региональной молодежи наиболее представлен самореализационно-ориентированный тип (67 %), для которого самореализация имеет первостепенное значение; такая молодежь выбирает самореализацию как ключевой фактор принятия решения по всем остальным стратегиям. Вторым по распространенности становится самореализационно-отстраненный тип (22 %), для которого вопрос самореализации не является проблемным, ценность самореализации не очевидна. Отдельную проблему представляют самореализационно-дезориентированный тип (7 %), не знающий, где и как себя реализовать, и самореализационно-уничижительный тип (3 %), считающий, что у него нет потенциала и возможностей к самореализации.

Самореализационные стратегии определяют и важность жизненных шагов, которые связаны с обязательным желанием найти свое призвание в жизни, заниматься делом своей жизни и открыть способности и таланты – все это актуализирует работу с талантливой молодежью со стороны органов государственной молодежной политики и образовательных организаций региона (рис. 12).

Р и с. 12. Жизненные стратегии самореализации молодежи, %
F i g. 12. Life strategies for self-realization of youth, %

Дополнительными чертами в социальном портрете становится и то, что для молодежи в первую очередь важно реализоваться в профессии, потом в семье (в 2023 г. эти показатели максимально сблизились). Аспект признания

и известности волнует в жизненной перспективе 38 %, и снова мы сталкиваемся с определенным показателем амбициозности в жизненных планах – одна из характерологических социальных черт молодежи области.

Обсуждение и заключение. Сравнительный анализ результатов эмпирических исследований социальных стратегий молодежи показал, что значимыми факторами, определяющими разность показателей, являются период (год) и территория проведения исследования. Но ключевым различительным моментом в получаемых результатах (а также фильтром для возможности их сравнения с другими исследованиями) становится исследовательская модель. Можно сделать общий вывод: несмотря на единообразие названия социальных стратегий молодежи, потенциал сравнения (ценность которого в установлении динамики и различительных особенностей разных территорий) в научном дискурсе невысок. Разница исследовательских моделей и задач, стоящих перед научными коллективами, не всегда позволяет получить показатели, поддающиеся унификации относительно друг друга. Поэтому особую ценность для конкретных территорий приобретают мониторинги, проведенные по единой методике, позволяющей увидеть социальный отклик молодежи на целенаправленные изменения в социальной и молодежной политике региона.

Проведенное исследование позволило получить социальный портрет региональной молодежи, состоящий из ведущих черт стратегических диспозиций и ключевых жизненных планов молодых людей. Рассмотрение показателей важности жизненных шагов выделило наибольшую значимость для региональной молодежи экономических, самореализационных, самосохранительных, образовательных, карьерных и досуговых стратегий – большое количество молодежи рассматривает жизненные планы по данным стратегиям как действительно важные для них, как основу социального благополучия.

Преимущественными социальными чертами региональной молодежи являются: легкое отношение к деньгам, восприятие их как средства получения положительных эмоций; поверхностный интерес к политике, избегание глубокого погружения в политические проблемы и анализ; концентрация на себе и своих проблемах, общественное участие, связанное с событийным волонтерством; высокая занятость, наличие совсем небольшого времени для досуга; приверженность традиционным семейным ценностям; склонность к смене места жительства, поиску лучших условий для жизни, невысокий индекс «оседлости»; ориентация на карьеру, готовность к жертвам и усилиям для ее достижения; ориентация на ситуацию при нравственном выборе (ситуативная, избирательная нравственность); стремление к постоянному обучению и самообразованию; внимательное отношение к своему здоровью; экологичное отношение к коммуникациям; первостепенность самореализации в жизненных стратегиях.

Можно увидеть ключевые акценты социального портрета, показывающие будущий вектор формирования регионального человеческого капитала, его потенциал для территориального развития – это карьерные устремления, способность молодежи инвестировать свои усилия в профессиональную деятельность, обеспечивать в том числе и экономический рост региональных показателей; ориентация на традиционную семью создает фундамент для решения

демографических задач, стоящих перед регионом; широкий образовательный горизонт молодежи дает возможность говорить о качестве человеческого капитала с позиции его культурной составляющей, квалифицированности региональных кадров; ориентация на самосохранительное поведение позволяет региону менять концепцию здравоохранения, переводя ее в парадигму здоровьесбережения; самореализационный вектор в развитии позволяет предположить наличие инновационного потенциала человеческого капитала и, соответственно, закладывать данный вектор в региональном развитии.

Одновременно с этим социальные черты портрета продуцируют явные риски для регионального развития, которые прежде всего связаны с потенциальной экономической инфантильностью, которая может продуцировать неэффективные экономические стратегии, связанные с необоснованным кредитованием, чрезмерным и неконтролируемым потребительским поведением, отсутствием планирования бизнес-процессов и семейного бюджета. Общественная пассивность и политическая эгоцентричность, безусловно, будут влиять на консолидационный потенциал региона, на процессы гражданской солидаризации, принятия гражданской ответственности и проявления гражданской активности – все эти черты будут понижать качество регионального человеческого капитала. Кроме того, в сочетании с ситуативной духовностью пассивность и эгоцентричность определяют риски аномии, маргинализации и, как крайнюю форму, идеологическую турбулентность – гибкое мировоззрение, адаптированное под собственные интересы. Отдельную важность для региона и формирования его человеческого капитала приобретает риск повышенной миграции молодежи, усугубляющийся своей беспричинностью: независимо от усилий регионального сообщества и властей общественное мнение в молодежной среде связано с поиском иных вариантов проживания. Отток молодежи может стать чувствительным для приграничного региона в условиях общей миграции граждан, обусловленной проблемами безопасности.

Каждый планируемый молодежью жизненный шаг, помимо подтверждения выше обозначенных потенциалов и рисков, формирует задачи, стоящие перед регионом для обеспечения возможностей их реализации для молодежи. Так, ориентация на достойный доход, позволяющий иметь накопления, открыть собственный бизнес, оказывать помощь родителям и удовлетворить потребительские потребности молодежи, ставит задачу по созданию высокооплачиваемых рабочих мест, контролю роста заработных плат высококвалифицированных и дефицитных для региона специалистов. Желание участвовать в волонтерских мероприятиях прежде всего поднимает проблему информирования и мотивации молодежи, особенно в случае перехода ее в статус работающей и т. д.

Каждая социальная черта портрета региональной молодежи обуславливает поиск возможностей ее поддержки (или коррекции), связанный с работой региональной власти, органами управления молодежной политики, что еще раз подчеркивает актуальность мониторингов по данному направлению. Возможность использования материалов статьи при планировании мероприятий государственной молодежной политики (на федеральном и региональном уровне), в определении акцентов социально-воспитательной работы в образовательных

учреждениях региона, а также для прогнозирования потенциалов и рисков в развитии регионального человеческого капитала определяет ее практическую значимость.

Перспектива обозначенных в статье исследований связана с рассмотрением социальных стратегий отдельных социальных групп молодежи, поиском возможных признаков стратификации. Особый интерес в этом отношении представляют социально уязвимые группы молодежи. Важным продолжением исследований можно считать и поиск индикаторов в социальных стратегиях молодежи, отражающих ключевые показатели эффективности региона и возможности его социального развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Страхи российского студенчества в ситуации социальной неопределенности (весна 2022 года) / М. В. Певная [и др.] // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 116–136. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>
2. Ярмак О. В., Дерюгин П. П., Ярмак В. Е. Социальный портрет современного студента // Дискурс. 2019. Т. 5, № 4. С. 53–64. <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64>
3. Гимаев И. З. Некоторые аспекты трудовой активности и занятости современной студенческой молодежи: социально-демографический портрет (по материалам социологического исследования в Республике Башкортостан) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 4 (61). С. 16–23. <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.4.16-23>
4. Монгуш Д. Ш. О. Студенческая молодежь Республики Тыва как особая социальная категория региона // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12, № 2А. С. 26–35. URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-2/a3-mongush.pdf> (дата обращения: 11.06.2024).
5. Вишнеvский Ю. Р., Певная М. В., Телпаева Д. Ф. Результаты 25-летнего мониторинга уральского студенчества как отражение трансформации студенческой семьи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 43–56. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-43-56>
6. Шмарин Ю. В., Хрусталева Е. П. Социальный портрет сельских старшеклассников // Власть. 2021. Т. 29, № 5. С. 202–209. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8558>
7. Сухова Е. А. Портрет социальной активности молодежи в возрасте 18–24 лет Ямало-Ненецкого автономного округа Российской Федерации // Вестник университета. 2023. № 10. С. 245–255. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-245-255>
8. Анцупова А. С. Особенности работающей молодежи // Материалы Афанасьевских чтений. 2023. № 3 (46). С. 9–12. EDN: NFABWZ
9. Буланова М. Б., Артамонова Е. А. Neet-молодежь: европейский контекст и российские реалии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, № 1. С. 64–72. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-64-72>
10. Ахметгалиева А. Р., Рустамова Г. М. Социальное самочувствие и миграционные установки сельской молодежи Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 4. С. 190–194. EDN: KQZOCF
11. Лобова С. В., Долженко Р. А., Илюшников К. К. Социальный портрет потенциального молодого мигранта: по результатам опроса молодежи Алтайского края // Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров. 2019. № 6. С. 392–398. EDN: MAQCDB
12. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 13–41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>

13. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 4. С. 164–186. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>
14. Kingsbury M., Alaie I., Colman I. Pathways from Early Life Adversities to Youth Marginalization: A Longitudinal Study of Youth Not in Education, Employment, or Training // Journal of Adolescent Health. 2024. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2024.08.011>
15. Chiu H.-Y., McGuire A. B., Rodriguez A. M. Maneuvering through Life with Positivity: Estimating the Effects of Foster Youth's Appraisal on Coping Styles // Children and Youth Services Review. 2023. Vol. 155. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107159>
16. Blakeslee J. E., Powers L. E., Bryant M. Evaluating the My Life Self-Determination Model for Older Youth in Foster Care: Establishing Efficacy and Exploring Moderation of Response to Intervention // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 119. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105419>
17. Papadakis N., Amanaki E., Saridaki S. Employment / Unemployment, Education and Poverty in the Greek Youth, within the EU Context // International Journal of Educational Research. 2020. Vol. 99. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.101503>
18. Abu-Gweder A. The Golden Path in the Lives of Arab-Bedouin Female Students: "The Profession of Teaching for Myself and for Family Support as a Lever for Academic Success" // International Journal of Educational Research. 2024. Vol. 127. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102424>
19. Mountz S., Dill LeC. J., Dyett J. "It's okay to Dream: Navigating Trauma, Healing, and Futuring among LGBTQ + Black Girls, Transgender and Nonbinary Youth in New York State" // Children and Youth Services Review. 2024. Vol. 163. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107755>
20. Dickerson K. L., Quas J. A. Perceived Life Expectancy, Environmental Unpredictability, and Behavior in High-risk Youth // Journal of Applied Developmental Psychology. 2021. Vol. 77. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2021.101344>
21. Kolleck N., Schuster J. Youth Participation in Global Policy Networks on Climate Change // International Journal of Educational Research. 2022. Vol. 114. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.102002>
22. Pritzker S., Moreno D., Campos S. Promoting Good Trouble: Latinx Youth-Driven Change Strategies for Civic Engagement and Activism // Children and Youth Services Review. 2024. Vol. 164. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107807>
23. Factors that Enhance and Limit Youth Empowerment, According to Social Educators / L. Asunción [et al.] // Qualitative Research Journal. 2023. Vol. 23, issue 5. <https://doi.org/10.1108/QRJ-04-2023-0063>
24. Chudgar A., Chavda J. Listening to Youth Voices: Text Analysis of Youth Essays about their Communities and Concerns // International Journal of Educational Research. 2023;119. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2023.102176>
25. Бочаров В. Ю. Концепция баланса работы и личной жизни как основание для типологии стратегий трудового поведения рабочей молодежи // Социально-трудовые исследования. 2020. № 2 (39). С. 113–129. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129>
26. Казенов Р. С. Карьерные стратегии молодежи в условиях социальной трансформации // Академия педагогических идей «Новация». 2019. № 5. С. 66–69. EDN: JKIVVN
27. Трудовые стратегии выпускников медицинских образовательных учреждений: прогнозируемые риски медицинской отрасли / И. С. Шаповалова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S1. С. 774–783. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783>
28. Котов Д. А., Грек Н. В. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 499–517. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>
29. Благорожева Ж. О. Семейные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 91–102. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7>
30. Самосохранительные и репродуктивные стратегии современной студенческой молодежи: медико-социологический анализ / А. И. Малышкина [и др.] // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 113–122. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.9>

31. Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 39–45. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45>
32. Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Протестный потенциал регионального студенчества в России: социальные предпосылки // Интеграция образования. 2022. Т. 26, № 2 (107). С. 345–362. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362>
33. Толстиков В. А., Извекова Ю. С., Кашина Т. Л. Образовательная стратегия как один из важнейших компонентов жизненной стратегии молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2019. № 5 (40). С. 38–43. <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2019-10-5-38-43>
34. Косарева Е. С., Чистяков А. В., Маслова Ю. В. Образовательные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 66–74. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-66-74>
35. Антонова Н. Л. Потенциальная территориальная мобильность молодежи: факторы, барьеры, стратегии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2019. Т. 3, № 3. С. 277–282. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-3-277-282>
36. Рябкова С. А., Крючков И. В., Гарин А. А. Досуг как фактор проектирования жизненной стратегии молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2020. Т. 12, № 2-2. С. 91–100. EDN: PMGWSR
37. Харитонов И. Н. Подходы к изучению социально-экономических жизненных стратегий сельской молодежи // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Сер. 5. Экономика. Социология. Биология. 2023. Т. 13, № 3. С. 101–109. EDN: YVAOTK
38. Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на matrimoniaльные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30–39. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39>

REFERENCES

1. Pevnaya M.V., Shuklina E.A., Kienko T.S., Tarasova A.N., Andrianova E.V., Khudyakova M.V., Sharovalova I.S. Fears of Russian Students in a Situation of Social Uncertainty (Spring 2022). *Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(3):116–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-9>
2. Yarmak O.V., Deryugin P.P., Yarmak V.E. Social Portrait of a Modern Student. *Discourse*. 2019;5(4):53–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-4-53-64>
3. Gimaev I.Z. Some Aspects of Labor Activity and Employment of Modern Student Youth: Socio-Demographic Portrait (Based on the Materials of a Sociological Study in the Republic of Bashkortostan). *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2023;(4):16–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26907/2079-5912.2023.4.16-23>
4. Mongush D.Sh.O. Student Youth of the Republic of Tyva as a Special Social Category of the Region. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2023;12(2A):26–35. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://publishing-vak.ru/file/archive-politology-2023-2/a3-mongush.pdf> (accessed 11.06.2024).
5. Vishnevsky Yu.R., Pevnaya M.V., Telepayeva D.F. Results of 25-year Monitoring of the Ural Students as a Reflection of the Transformation of the Student Family. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2022;15(1):43-56. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-43-56>
6. Shmarion Yu.V., Khrustaleva E.P. Social Portrait of Rural High School Students. *Vlast*. 2021;29(5):202–209. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i5.8558>
7. Sukhova E.A. Portrait of Social Activity of Youth Aged 18–24 in the Yamal-Nenets Autonomous District of Russia. *Vestnik universiteta*. 2023;(10):245–255. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-245-255>

8. Antsupova A.S. Features of Working Youth. *Materialy Afanasevskikh chteniy*. 2023;(3):9–12. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [NFABWZ](#)
9. Bulanova M. B., Artamonova E. A. NEET-Youth: European Context and Russian Realities. *RUDN Journal of Sociology*. 2020;20(1):64–72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-64-72>
10. Akhmetgalieva A.R., Rustamova G.M. Social Well-Being and Migration Attitudes of Rural Youth of the Republic of Tatarstan. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*. 2020; (4):190–194. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [KQZOFC](#)
11. Lobova S.V., Dolzhenko R.A., Ilyushnikov K.K. Social Portrait of a Potential Young Migrant: Based on the Results of a Survey of Young People in Altai Krai. *Ekonomicheskoe razvitiye regiona: upravlenie, innovatsii, podgotovka kadrov*. 2019;(6):392–398. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: [MAQCDB](#)
12. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Life Strategies of Young People: Fulfillment of Expectations and Social Sentiments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):13–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
13. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2019;10(4):164–186. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2019.31.4.614>
14. Kingsbury M., Alaia I., Colman I. Pathways from Early Life Adversities to Youth Marginalization: A Longitudinal Study of Youth Not in Education, Employment, or Training. *Journal of Adolescent*. 2024. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2024.08.011>
15. Chiu H.-Y., McGuire A.B., Rodriguez A.M. Maneuvering Through Life with Positivity: Estimating the Effects of Foster Youth's Appraisal on Coping Styles. *Children and Youth Services Review*. 2023;155. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2023.107159>
16. Blakeslee J.E., Powers L.E., Bryant M. Evaluating the My Life Self-Determination Model for Older Youth in Foster Care: Establishing Efficacy and Exploring Moderation of Response to Intervention. *Children and Youth Services Review*. 2020;119. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2020.105419>
17. Papadakis N., Amanaki E., Saridaki S. Employment / Unemployment, Education and Poverty in the Greek Youth, within the EU Context. *International Journal of Educational Research*. 2020. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2019.101503>
18. Abu-Gweder A. The Golden Path in the Lives of Arab-Bedouin Female Students: “The Profession of Teaching for Myself and for Family Support as a Lever for Academic Success”. *International Journal of Educational Research*. 2024;127. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2024.102424>
19. Mountz S., Dill LeC. J., Dyett J. “It’s Okay to Dream: Navigating Trauma, Healing, and Future among LGBTQ + Black Girls, Transgender and Nonbinary Youth in New York State”. *Children and Youth Services Review*. 2024;163. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107755>
20. Dickerson K.L., Quas J.A. Perceived Life Expectancy, Environmental Unpredictability, and Behavior in High-risk Youth. *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2021;77. <https://doi.org/10.1016/j.appdev.2021.101344>
21. Kolleck N., Schuster J. Youth Participation in Global Policy Networks on Climate Change. *International Journal of Educational Research*. 2022;114. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2022.102002>
22. Pritzker S., Moreno D., Campos S. Promoting Good Trouble: Latinx Youth-Driven Change Strategies for Civic Engagement and Activism. *Children and Youth Services Review*. 2024;164. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2024.107807>
23. Asunción L., Berñe A., Planas-Lladó P., Valdivia-V. Factors that Enhance and Limit Youth Empowerment, According to Social Educators. *Qualitative Research Journal*. 2023;23(5). <https://doi.org/10.1108/QRJ-04-2023-0063>
24. Chudgar A., Chavda J. Listening to Youth Voices: Text Analysis of Youth Essays About Their Communities and Concerns. *International Journal of Educational Research*. 2023;119. <https://doi.org/10.1016/j.ijer.2023.102176>
25. Bocharov V.Yu. The Concept of Work-Life Balance as a Basis for a Typology of Strategies Labor Behavior of Working Youth. *Social and Labor Research*. 2020;(2):113–129. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-39-2-113-129>

26. Kazenov R.S. Career Strategies of Young People in the Context of Social Transformation. *Academy of Pedagogical Ideas "Innovation"*. 2019;(5):66–69. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: JKIVVH

27. Shapovalova I.S., Khashaeva S.V., Chernysheva E.A., Blagorozheva Zh.O., Valieva I.S. Labor Strategies of Graduates of Medical Educational Institutions: Predicted Risks of the Medical Industry. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2023;31(S1):774–783. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-774-783>

28. Kotov D.A., Grek N.V. Transformation of Reproductive Behavior in Life Strategies of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):499–517. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1628>

29. Blagorozheva Zh.O. Family Strategies of Regional Youth. *Research Result. Sociology and Management*. 2022;8(3):91–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7>

30. Malyshkina A.I., Kuligina M.V., Panova I.A., Rychikhina N.S. Self-Preservation and Reproductive Strategies of Modern Student Youth: Medical and Sociological Analysis. *Woman in Russian Society*. 2023;(4):113–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.4.9>

31. Shapovalova I.S. Political Strategies of Youth: Will our Politics be Young? *Izvestiya of Saratov University. Sotsiology. Politology*. 2022;22(1):39–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45>

32. Shapovalova I.S., Valieva I.N. Protest Potential of Regional Students in Russia: Social Prerequisites. *Integration of Education*. 2022;26(2):345–362. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.345-362>

33. Tolstikov V.A., Izvekova Yu.S., Kashina T.L. Educational Strategy as One of the Most Important Components of the Life Strategy of Young People. *Kazanskiy sotsialno-gumanitarnyy vestnik*. 2019;(5):38–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24153/2079-5912-2019-10-5-38-43>

34. Kosareva E.S., Chistyakov A.V., Maslova Yu.V. Educational Strategies of Russian Youth in the Context of Digitalization of Society. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2023;16(5):66–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-66-74>

35. Antonova N.L. Potential Territorial Mobility of Young People: Factors, Barriers, Strategies. *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2019;3(3):277–282. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2019-3-3-277-282>

36. Ryabkova S.A., Kryuchkov I.V., Garin A.A. Leisure as a Factor in Designing the Life Strategy of Young People. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem*. 2020;12(2-2):91–100. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PMGWSR

37. Kharitonov I.N. Approaches to the Study of Socio-Economic Life Strategies of Rural Youth. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 5. Ekonomika. Sociologiya. Biologiya*. 2023;13(3):101–109. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YVAOTK

38. Blagorozheva Zh.O., Shapovalova I.S. The Influence of Alternative Values and Attitudes on Matrimonial Strategies of Young People. *Sotsialnaya politika i sotsiologiya*. 2024;23(2):30–39. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39>

Об авторах:

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Researcher ID: R-6955-2016, Scopus ID: 56728382600, SPIN-код: 2477-0791, shapovalova@bsuedu.ru

Заводян Ирина Сергеевна, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6334-6565>, SPIN-код: 4529-9583, zavodyan@bsuedu.ru

Заявленный вклад авторов:

И. С. Шаповалова – подготовка текста статьи; научное руководство; критический анализ и доработка текста.

И. С. Заводян – организация исследования; подготовка инфографики; критический анализ и доработка текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 09.08.2024; одобрена после рецензирования 02.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.

About the authors:

Inna S. Shapovalova, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Researcher ID: R-6955-2016, Scopus ID: 56728382600, SPIN-code: 2477-0791, shapovalova@bsuedu.ru

Irina S. Zavodyan, Senior Lecturer of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6334-6565>, SPIN-code: 4529-9583, zavodyan@bsuedu.ru

Contribution of the authors:

I. S. Shapovalova – text preparation; scientific supervision; critical analysis and revision of the text.

I. S. Zavodyan – organization of the research; infographic design; critical analysis and revision of the text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 09.08.2024; revised 02.10.2024; accepted 14.10.2024.

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.793-815>EDN: <https://elibrary.ru/zubsya>

УДК / UDC 327:316.334.3

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Внешнеполитические ориентации современной молодежи в условиях международной напряженности

Л. В. Рожкова ✉

А. Ш. Дубина

О. В. Сальникова

Н. В. Корж

Л. Ф. Каримова

Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация)✉ tamaeva_lv@mail.ru

Аннотация

Введение. Исследования особенностей внешнеполитических ориентаций различных социальных групп являются чрезвычайно значимыми для современного российского общества и требуют комплексного анализа в контексте происходящих трансформаций мирового порядка и международной напряженности. Цель исследования – определение структуры и динамики внешнеполитических ориентаций российской молодежи в современных условиях.

Материалы и методы. Проведен анализ всероссийских опросов по сходной тематике; проанализированы результаты количественных и качественных авторских исследований за 2023–2024 гг. среди молодежи российских регионов (Пензенская, Саратовская и Тюменская области), что позволило выявить доминирующие внешнеполитические ориентации молодежи, раскрыть степень поддержки проводимого политического курса России на международной арене.

Результаты исследования. Представлена авторская структурная модель, отражающая сущностное содержание и основные составляющие системы внешнеполитических ориентаций молодых россиян на основе российского внешнеполитического подхода по трем уровням: когнитивный, идентификационно-оценочный и деятельностный. Авторские исследования позволили получить новые данные о системе и доминирующих внешнеполитических ориентациях, их направленности и актуальной динамике; определена схожесть внешнеполитических ориентаций молодежи различных регионов и выявлены их некоторые отличия в социодемографическом срезе.

Обсуждение и заключение. Внешнеполитические ориентации современных молодых людей имеют достаточно высокое развитие, что отражается на когнитивном и идентификационно-оценочном уровнях; деятельностный уровень имеет невысокие значения. В их сознании

© Рожкова Л. В., Дубина А. Ш., Сальникова О. В., Корж Н. В., Каримова Л. Ф., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

сформирован позитивный образ России, они всецело разделяют ведущую роль страны в современном миропорядке, а также демонстрируют понимание и принятие проводимых внешнеполитических решений. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании концептуальных основ молодежной политики и системы гражданского воспитания современной молодежи.

Ключевые слова: внешняя политика России, роль России в современном миропорядке, национальные интересы, международная напряженность, внешнеполитические ориентации молодежи

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере общественно-политических наук в 2024 г., проект «Конфигурация внешнеполитических ориентаций современной молодежи: устойчивость vs лабильность в условиях геополитических вызовов и международной напряженности» (FSGE-2024-0005) № 124082600006-9.

Для цитирования: Внешнеполитические ориентации современной молодежи в условиях международной напряженности / Л. В. Рожкова [и др.] // Регионоведение. 2024. Т. 32, № 4. С. 793–815. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.793-815>

Modern Youth Foreign Policy Orientations in the Context of International Tension

L. V. Rozhkova ✉, A. Sh. Dubina, O. V. Salnikova, N. V. Korzh, L. F. Karimova
Penza State University (Penza, Russian Federation)
✉ mamaeva_lv@mail.ru

Abstract

Introduction. The study of the peculiarities of foreign policy orientations of various social groups is of great importance for modern Russian society and requires comprehensive analysis in the context of the ongoing transformations of the world order and international tensions. The purpose of the research is to determine the structure and dynamics of foreign policy orientations of Russian youth in modern conditions.

Materials and Methods. Analysis of all-Russian surveys on similar topics was conducted; the results of quantitative and qualitative author's studies conducted in 2023–2024 among youth of the Russian regions: Penza, Saratov and Tyumen regions were analyzed. This made it possible to identify the dominant foreign policy orientations of young people and reveal the degree of support for Russia's political course in the international arena.

Results. The author's structural model is presented, reflecting the essential content and main components of the system of foreign policy orientations of Russians, based on the Russian foreign policy approach at three levels: cognitive, identification-evaluation and activity. The author's research allowed to obtain new data on the system and dominant foreign policy orientations, their direction and current dynamics; the similarity of foreign policy orientations of youth in different regions was determined and some of their differences in the socio-demographic section were revealed.

Discussion and Conclusion. The foreign policy orientations of modern young people are highly developed, which is reflected both at the cognitive and at the identification-evaluation level. A positive image of Russia has been formed in their consciousness; they fully share Russia's leading role in the modern world order and demonstrate understanding and acceptance of the foreign policy decisions made. The obtained results can be used in improving the conceptual framework of youth policy and the system of civic education of modern youth.

Keywords: Russian foreign policy, Russia's role in the modern world order, national interests, international tensions, foreign policy orientations of young people

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was financially supported by the Ministry of Education and Science of Russia within the framework of the state assignment in field of socio-political sciences in 2024, the project "Configuration of foreign policy orientations of modern youth: stability vs lability in context of geopolitical challenges and international tension" (FSGE-2024-0005) No. 124082600006-9.

For citation: Rozhkova L.V., Dubina A.Sh., Salnikova O.V., Korzh N.V., Karimova L.F. Modern Youth Foreign Policy Orientations in the Context of International Tensions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):793–815. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.793-815>

Введение. В условиях постбиполярной системы усилия России направлены на построение справедливого миропорядка, продвижение идеи многополярности, проведение твердого внешнеполитического курса по защите национальных интересов, что обостряет вопросы ценностного противостояния и державного соперничества стран. Сегодня наблюдается кардинальная трансформация ранее устоявшегося мирового порядка, а новые реалии пророчат «борьбу стран с высокими ставками и непредсказуемым результатом за стратегическое доминирование в политике, экономике, энергетике и технологиях» [1, с. 22]. Эти обстоятельства диктуют потребность в комплексном анализе российских внешнеполитических приоритетов, выявлении роли России в меняющемся мире не только на основе изучения доктринальных установок и базовых концептов, представленных во внешнеполитическом дискурсе, но и исследовании внешнеполитических ориентаций и установок россиян, их консолидирующего потенциала как мощного резерва внешней политики. В сложившихся условиях для проведения четкой, последовательной внешней политики на мировой арене важно иметь в лице населения «твердую опору» [2], а ее лояльность может быть определена на основе динамики внешнеполитических ориентаций наших сограждан.

Цель исследования – на основе социологического анализа охарактеризовать внешнеполитические ориентации современных молодых людей. Изучение отношения молодежи к внешней политике способно дать объективную и достоверную информацию, которая может послужить основой для своевременного выявления противоречий, содержащихся в системе внешнеполитических ориентаций молодых людей и их корректировки в интересах устойчивого развития страны и ее регионов.

Обзор литературы. Анализ литературы показывает, что зарубежные авторы сосредотачивают свое внимание на изучении различных внешнеполитических аспектов, безопасности, внутренней и международной стабильности, взаимодействии стран на международной арене. Так, ученые исследуют поляризацию в политике и общественном мнении [3]; новый мировой порядок и роль различных стран в его становлении, например, инструменты российской «мягкой силы» и роль России в новом мироустройстве [4]. Ж. ДеЛисл анализирует «жесткую силу» в отношении США со стороны Китая [5], а становлению Китая как влиятельной державы на мировой арене посвящены работы М. Ферчена [6]. Также среди актуальных тем выделим видение США относительно складывающегося мирового порядка, оценки роста влияния России и Китая на мировой арене [7], роль стран Европы в сохранении международного порядка, основанного на правилах [8].

Некоторые зарубежные и российские исследователи обращаются к анализу внешнеполитического курса России, раскрывая его разные грани. А. Борщевская исследует безопасность и милитаризацию в рамках российской национальной идеи внутри и за рубежом [9], Т. Грэм сосредотачивает свое внимание на особенностях современной российской внешней политики и экспансионизме [10]. Взаимосвязь политических и экономических аспектов, внешней политики и бизнеса России, Сербии, Венгрии показана в публикации К. Хартвелла и О. Задоржной [11].

Следует отметить, что в современных зарубежных источниках внешнеполитическим ориентациям населения уделяется лишь незначительное внимание, что в целом также наблюдается и по российским работам. Так, среди зарубежных исследований выделим статьи Р. Пройса, где рассматриваются особенности внешнеполитических установок разных этнических, расовых групп [12], и Б. Рэтбана, посвященные психологическим механизмам формирования внешнеполитических ориентаций [13]. Также учеными представлен анализ общественной поддержки В. Путина, его выступлений и телефонных звонков [14]; с социологических и психологических позиций раскрываются особенности внешнеполитических взглядов и их корреляция с личностными качествами жителей США, Франции, Великобритании, Германии, Канады, Австралии [15]. А. Бутылин исследует взаимосвязь политических установок индивидов и политических коммуникаций [16]. Социологическое изучение факторов, которые оказывают влияние на политические ориентации, восприятие, отношение к политическим нарративам со стороны жителей Чехии и Словакии представлено М. Храбалеком, П. Млейнковой, О. Моцеком [17]. Необходимо подчеркнуть, что изучение внешнеполитических ориентаций группы молодежи в работах зарубежных авторов не представлено.

Среди немногочисленных работ российских исследователей, в которых на эмпирическом уровне рассматриваются особенности отношения россиян к внешней политике своей страны, роли России в мире, необходимо выделить труды М. К. Горшкова, В. В. Петухова [18; 19]. Также некоторые публикации посвящены социологическому измерению внешнеполитических ориентаций жителей стран постсоветского пространства – Украины, Казахстана, Белоруссии [20; 21].

Анализ работ отечественных исследователей показывает, что политические ориентации, установки, ценности молодежи, их политическое участие достаточно широко раскрывается в научных статьях и монографиях [22–27]. Однако изучение внешнеполитических ориентаций современной молодежи не представлено, за исключением работы Т. К. Ростовской и Р. А. Мулжановой, где рассматриваются внешнеполитические ориентации студенческой молодежи по опросу 2019 г.

Изучение отношения различных групп населения к российскому внешнеполитическому вектору проводится и на уровне всероссийских опросов (ФОМ, ВЦИОМ, Институт социологии РАН и др.), но практически отсутствуют региональные исследования, в том числе среди молодежи. Нашим авторским коллективом с 2023 г. проводятся теоретические изыскания и социологические исследования внешнеполитических ориентаций молодежи [1; 28–30], так как в современных условиях для России необходимо найти основу в лице россиян, разделяющих и принимающих проводимый внешнеполитический курс страны, что составит фундамент, на котором будет строиться внешняя политика России с опорой на поддержку всего общества.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена и тем, что, несмотря на наличие ряда публикаций и исследований, касающихся внешнеполитических ориентаций различных социальных групп в российском обществе, рассматриваемая проблематика представлена в научной литературе недостаточно. Так, в настоящее время отсутствует теоретическое обоснование системы внешнеполитических

ориентаций, рассматриваемых не как самостоятельный феномен, а лишь как составной компонент политических ориентаций, что, с одной стороны, справедливо, но с другой затрудняет процесс анализа их сущности, структуры и динамики.

Материалы и методы. Объект исследования – молодежь российских регионов. Основные задачи исследования: определение сущности и содержательного наполнения понятия «внешнеполитические ориентации» и разработка структурной модели внешнеполитических ориентаций с определением и обоснованием ее основных составляющих; выявление доминирующих внешнеполитических ориентаций и их особенностей в молодежной среде.

Эмпирическую основу составили данные авторских исследований: 1) анкетный опрос «Конфигурация внешнеполитических ориентаций современной молодежи» (июнь 2024 г.; n = 1 400; молодые люди от 14 до 35 лет; Пензенская область, n = 600, Саратовская область, n = 400, Тюменская область, n = 400; выборка квотная – пол, возраст, соответствующая данным распределениям по половозрастной структуре региона); 2) материалы двух фокус-групп «Геополитические вызовы и международная напряженность» (июнь 2024 г.; «целевая», гомогенная группа; студенты, обучающиеся по направлениям подготовки, связанным с политикой и международными отношениями, г. Пенза, число участников в каждой – 9 чел.).

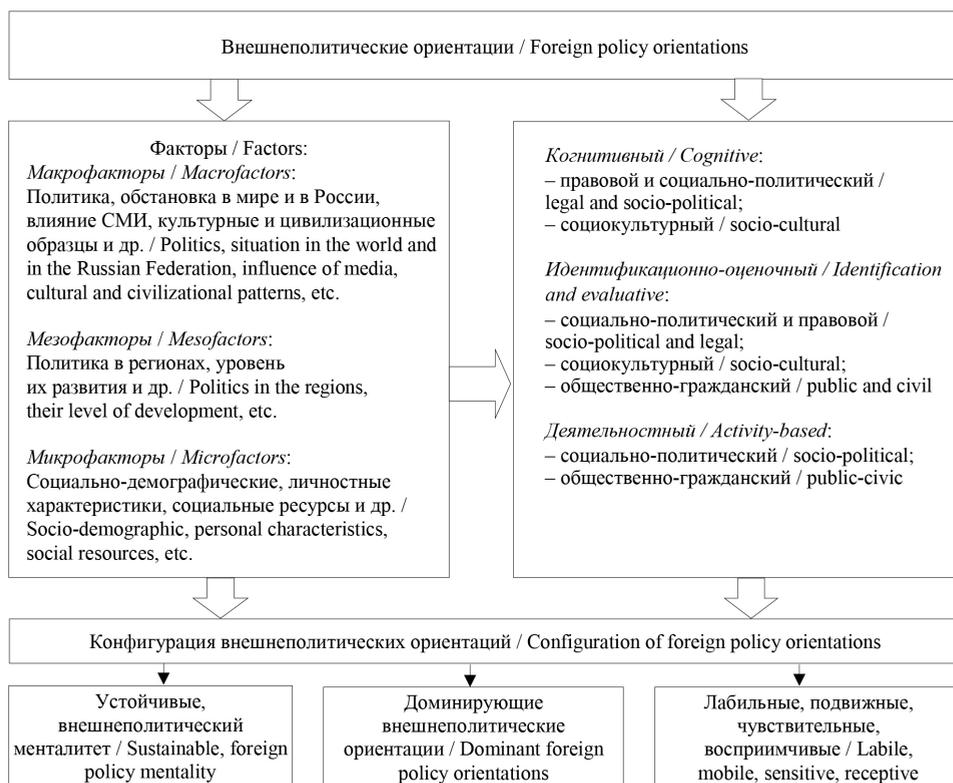
Для выявления особенностей внешнеполитических ориентаций молодежи разных регионов были отобраны три региона, отличные по уровню своего социально-экономического развития, информационной активности культурной жизни, социально-политической устойчивости и протестной активности.

Также использовались материалы ранее проведенных авторских исследований: анкетный опрос «Внешнеполитические ориентации и внешняя политика России глазами студенческой молодежи» [1; 28; 30] (2023 г.; студенты, г. Пенза, n = 393; квотная выборка – курс обучения, пол); материалы фокус-группы «Внешняя политика России: представления, мнения, оценки» [1; 28; 30] (2023 г.; студенты, г. Пенза, 8 чел.); анкетный опрос «Внешнеполитические угрозы и отношение к внешней политике России» [29] (январь 2024 г.; студенты, г. Пенза, n = 351; квотная выборка – курс обучения, пол); материалы фокус-группы «Внешнеполитические угрозы: тревоги и опасения» [29] (март 2024 г.; студенты, г. Пенза, 8 чел.).

Для обработки собранных количественных данных использовалась программа Sociology [31]. С целью сравнительного анализа внешнеполитических ориентаций россиян и молодежи изучались данные социологических исследований.

Результаты исследования. В настоящее время понятие «внешнеполитические ориентации» четко не определено. М. К. Горшков и В. В. Петухов говорят о выявлении «актуальных представлений россиян о международной реальности и месте в ней России» [18, с. 10], А. Ю. Домбровская и Е. Р. Никулин рассматривают понятие «внешнеполитическая установка» как отношение к «внешнеполитическому объекту в прошлом, настоящем и будущем» [21, с. 76]. Наиболее близко сущность внешнеполитических ориентаций раскрыта С. В. Чугровым, который определяет внешнеполитический менталитет как часть самоощущения индивидов в контексте международных процессов, «комплекс представлений, знаний, стереотипов, отражающих отношение людей к определенным элементам мироустройства» [32, с. 57].

В рамках авторского подхода «внешнеполитические ориентации» рассматриваются как комплекс знаний, субъективных представлений и оценок индивидов в отношении внешнеполитического курса государства и международных процессов в ракурсе прошлого, настоящего и будущего, оказывающих влияние на их политическое участие. По аналогии с общей структурой ценностных ориентаций, которые раскрываются в трех подсистемах (когнитивная, эмоциональная, поведенческая), они также отображаются на 3 уровнях: когнитивном, идентификационно-оценочном и деятельностном. Определение их структуры проводилось на основе работ М. К. Горшкова, В. В. Петухова [18; 19], основных положений Концепций внешней политики России (далее – КВП РФ). На рисунке 1 представлена структурная модель внешнеполитических ориентаций.

Р и с. 1. Авторская структурная модель внешнеполитических ориентаций: факторы и составляющие¹

F i g. 1. The author's structural model of foreign policy orientations: factors and components

С целью выявления особенностей внешнеполитических ориентаций обратимся к материалам исследований с опорой на авторскую модель².

¹ Полная версия авторской структурной модели см.: Приложение 1 [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.798>

² Объем статьи не позволяет в полной мере раскрыть все составляющие системы внешнеполитических ориентаций молодежи, поэтому далее проводится анализ базовых, ключевых компонентов, представленных в структурной модели.

1. *Когнитивный уровень.* По опросу 2024 г. около половины молодых людей следят за внешней политикой (табл. 1), что в целом согласуется с материалами ФОМ 2024 г.³ (50 % россиян скорее следят за внешней политикой; 29 % в возрасте 18–30 лет и 47 % – 31–45 лет). Чаще проявляют интерес юноши; молодежь более младшей возрастной группы; госслужащие, студенты, владельцы бизнеса и работники государственных предприятий. Отчетливо проявляется тенденция связи материального положения респондента с интересом к внешнеполитическим событиям: за ними чаще следят молодые люди с высоким материальным положением. Так, мировыми событиями чаще интересуются молодые люди из Саратова (67 %), чем из Тюмени (59 %) и Пензы (56 %); вероятно, это обусловлено наличием у молодежи Саратова более устойчивых политических позиций и ориентаций, большим интересом представителей данной подвыборки к политике, что подтверждается ранними исследованиями авторского коллектива⁴.

Т а б л и ц а 1. **Интерес к современной внешнеполитической ситуации, %**

Table 1. **Interest in the current foreign policy situation, %**

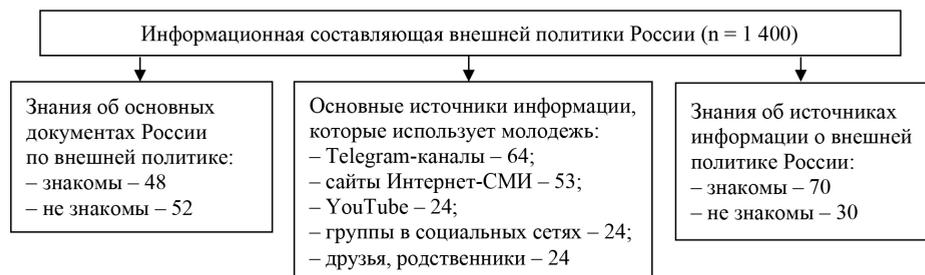
Респонденты / Respondents	Скорее слежу / Rather I follow	Скорее не слежу / Rather I don't follow	Затруднились ответить / Difficult to answer	Всего / Total
Молодежь Пензы, Саратова, Тюмени, июнь 2024 г. / Youth, Penza, Saratov, Tyumen, June 2024, n = 1 400	59	41	–	100
в том числе студенты, июнь 2024 г. / Including students, June 2024, n = 600	60	40	–	100
Студенты Пензы, январь 2024 г. / Students, Penza, January 2024, n = 351	44	30	26	100
Студенты Пензы, 2023 г. / Students, Penza, 2023, n = 393	47	37	16	100

В ходе опроса 2024 г. выявлялся уровень информированности молодых россиян об основных документах в области российской внешнеполитической деятельности (рис. 2): чаще с ними знакомы юноши, респонденты более младшего возраста (14–23 года), с высоким материальным положением, госслужащие и студенты.

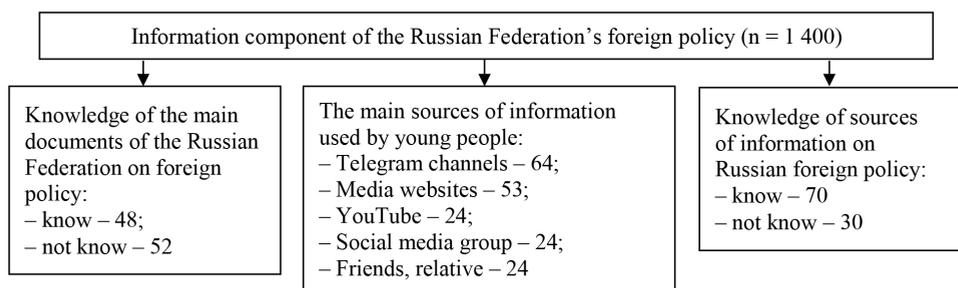
Важным направлением для изучения является анализ молодыми людьми приоритетов и задач России во внешнеполитической сфере. На основе системного анализа п. III КВП РФ 2023 г. формировались эмпирические показатели, выявлялось понимание молодежью основных внешнеполитических приоритетов, интересов, угроз России (рис. 3). По данным проведенного анализа было выявлено, что современная молодежь разделяет позиции российского внешнеполитического подхода.

³ Россия на международной арене: оценка внешней политики...

⁴ Сальникова О. В. Формирование патриотических ценностных ориентаций студенческой молодежи в институциональной среде высшего образования : дис. ... канд. социол. наук : 5.4.4. Пенза, 2023. С. 97.

Р и с. 2. Информационная составляющая внешней политики, по данным опроса молодежи, июнь 2024 г.

F i g. 2. Information component of foreign policy, according to a youth survey, June 2024

Р и с. 3. Внешняя политика России: принципы, приоритеты, интересы, угрозы, июнь 2024 г.

Fig. 3. Foreign policy of the Russian Federation: principles, priorities, interests, threats, June 2024

Полученные в июне 2024 г. данные коррелируют с результатами авторского исследования от января 2024 г.: 77 % студентов полагали, что основные угрозы исходят извне, в частности от НАТО [29, с. 49–50]. Это же подтверждают и материалы фокус-групп (март 2024 г.). Студенты рассматривают внешнеполитические угрозы как опасности, исходящие от других стран [29, с. 48].

2. *Идентификационно-оценочный уровень.* Современную ситуацию на мировой политической арене молодые люди рассматривают как напряженную. Под международной напряженностью, по данным фокус-группы (июнь 2024 г.), молодежь понимает возникающие противоречия, связанные с несовпадающими интересами стран, конфликтами: «...это состояние международных отношений, при котором акторы, страны имеют враждебные по отношению друг к другу позиции...» (муж., 21 год); «...это состояние нестабильности в мире, угрозы локальных и глобальных конфликтов, разных точек зрения по вопросу урегулирования и решения тех или иных вопросов, которые приводят к разногласию между государствами...» (жен., 20 лет). В этих условиях возникает значительная потребность в проведении Россией своей твердой, независимой, последовательной политики.

По данным опроса 2024 г., большинство молодых людей затруднились дать оценку внешней политике России в последние годы, а треть (34 %) считают, что было больше успехов (табл. 2). Следует отметить, что об этом чаще говорили юноши, люди более младшего возраста, студенты, респонденты с высоким уровнем материального положения семьи, госслужащие. Согласно опросу «ВЦИОМ-Спутник», чаще положительно оценивают внешнюю политику страны россияне с хорошим и очень хорошим материальным положением, обучающиеся⁵.

⁵ Опрос «ВЦИОМ-Спутник». Декабрь 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/0b662068-422b-4a9f-9508-c3b0212debe3/cross/9c0db0db-86cc-421b-b34c-094efbb65fbc> (дата обращения: 27.07.2024).

Т а б л и ц а 2. Оценка успехов и неудач российской внешней политики за последние годы, %

Table 2. Assessment of successes and failures of Russian foreign policy in recent years, %

Респонденты / Respondents	Больше успехов / More successes	Больше неудач / More failures	Затруднились ответить / Difficult to answer	Всего / Total
Молодежь Пензы, Саратова, Тюмени, июнь 2024 г. / Youth, Penza, Saratov, Tyumen, June 2024, n = 1 400	34	20	46	100
в том числе студенты, июнь 2024 г. / Including students, June 2024, n = 600	36	16	48	100
Студенты Пензы, январь 2024 г. / Students, Penza, January 2024, n = 351	52	9	39	100
Студенты Пензы, 2023 г. / Students, Penza, 2023, n = 393	32	16	52	100

По данным фокус-групп 2023 г., подавляющее большинство участников положительно оценивают проводимую В. Путиным политику, характеризуя ее как «дальновидную», «упорную», направленную на защиту интересов России [30, с. 90]. 71 % по опросу 2024 г. поддерживают политику президента; политику России в отношении стран Запада молодежь рассматривает как сбалансированную (40 %).

По данным авторского опроса 2024 г., отмечается высокий уровень патриотической самоидентификации российской молодежи (49 % характеризуют себя в качестве «безусловных патриотов», а 26 % считают себя скорее патриотами; для сравнения, в 2020 г. их доли составляли 30 и 31 % [2, с. 52]). «Безусловные патриоты» более положительно характеризуют политику президента России и считают ее сбалансированной (табл. 3). Корреляционный анализ обнаружил сильную взаимосвязь патриотической самоидентификации с поддержкой политики президента России (коэффициент корреляции составил 0,9948).

Т а б л и ц а 3. Оценка внешней политики России и патриотическая самоидентификация, %

Table 3. Assessment of Russia's foreign policy and patriotic self-identification, %

Вариант ответа / Question and answer options	В целом по выборке / Overall sample, n = 1400	Патриотическая самоидентификация / Patriotic self-identification					Затруднились ответить / Difficult to answer, n = 252
		Безусловные патриоты / Absolute patriots, n = 691	Скорее патриоты / Rather patriots, n = 365	Скорее не патриоты / Rather not patriots, n = 57	Не патриоты / Not patriots at all, n = 35		
1	2	3	4	5	6	7	
<i>Отношение к политике президента России / Attitude to policy of the President of the Russian Federation</i>							
Поддерживают / Support	71	87	86	74	80	16	
Отчасти поддерживают / Partially support	–	–	–	–	–	–	

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7
Не поддерживают / Do not support	–	–	–	–	–	–
Затруднились ответить / Difficult to answer	29	13	14	26	20	84
<i>Мнение о политике России в отношении стран Запада / Opinions on the Russian Federation's policy towards Western countries</i>						
Излишне жесткая / Too hard	8	6	9	23	23	4
Излишне мягкая / Too soft	13	15	14	26	20	4
Сбалансированная / Balanced	40	57	36	30	26	6
Затруднились ответить / Difficult to answer	39	22	41	21	31	86

Примечание. Представленные вопросы и варианты ответа были использованы в ряде авторских исследований 2023–2024 гг. / *Note.* The questions and answer options presented were used in a number of the authors' studies in 2023–2024.

Около половины опрошенных в 2024 г. респондентов полагают, что наша страна успешно отстаивает свои национальные интересы (табл. 4). Это несколько ниже доли россиян, придерживающихся таких позиций (ВЦИОМ, 2023 г.)⁶.

Таблица 4. Оценка отстаивания национальных интересов страны в рамках российской внешней политики, %⁷

Table 4. Assessment of country's national interests protection within the framework of Russian foreign policy, %

Вариант ответа / Answer options	Опрос ВЦИОМ, 2023 г. / VTsIOM poll, 2023, n = 1 600	Молодежь Пензы, Саратова, Тюмени, июнь 2024 г. / Youth, Penza, Saratov, Tyumen, June 2024, n = 1 400	В том числе студенты, июнь 2024 г. / Including students, June 2024, n = 600	Студенты Пензы, январь 2024 г. / Students, Penza, January 2024, n = 351
1	2	3	4	5
Россия последовательно и четко отстаивает свои интересы / The Russian Federation consistently and clearly defends its interests	59	46	48	48
Россия стремится, но не всегда получается отстоять свои интересы / The Russian Federation strives, but does not always succeed in defending its interests	28	19	19	14

⁶ Внешнеполитический курс России: в борьбе за суверенитет [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : сайт. 2023. 10 апр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vneshnepoliticheskii-kurs-rossii-v-borbe-za-suverenitet> (дата обращения: 01.08.2024).

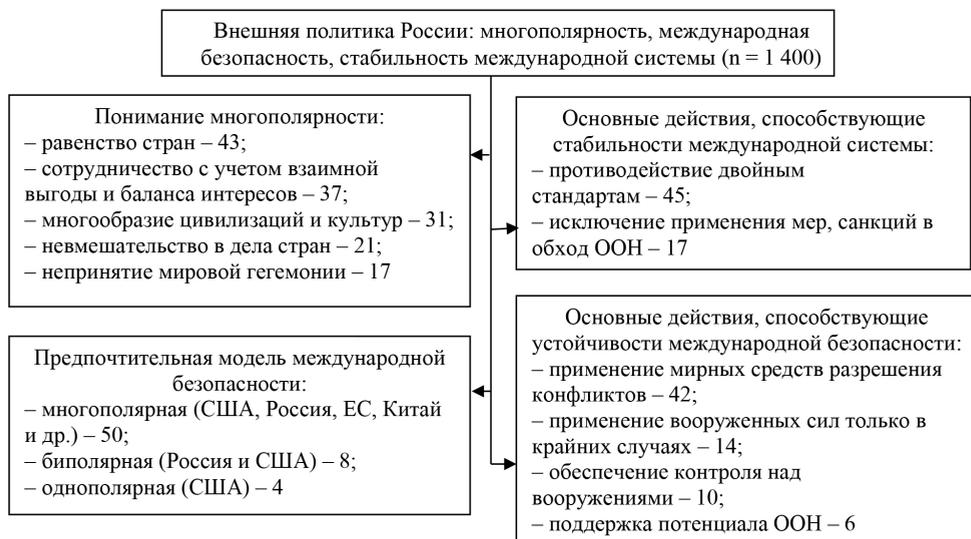
⁷ Составлено по: Актуальные внешнеполитические угрозы: тревоги и опасения студенческой молодежи / Л. В. Рожкова [и др.] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 1 (69). С. 42–56. Дополнено данными опроса 2024 г.

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5
России не удается отстоять свои интересы / The Russian Federation fails to defend its interests	5	6	5	3
Затруднились ответить / Difficult to answer	8	29	28	35
Всего / Total	100	100	100	100

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации на 2023 г., ключевые моменты сводятся к основным идеям, продвигаемым Россией на международной арене: многополярность, равенство стран, соблюдение международных норм, независимая и самостоятельная внешняя политика, отстаивание национальных интересов. Авторский опрос, проведенный в июне 2024 г., определял понимание молодежью понятия «многополярность», оценку устойчивости международной системы и факторов, оказывающих на это влияние (рис. 4).

В современных условиях для России значительно возрастает риск геополитических вызовов. По данным исследования 2024 г., 63 % опрошенных согласны с мировым лидерством России по поддержанию глобального миропорядка. Чаще об этом говорят юноши, респонденты более младшего возраста, имеющие хорошее материальное положение, госслужащие и предприниматели. Также было установлено, что, по мнению молодежи, отмечается повышение влияния России в мире в последние годы (2022–2024 гг.) – 44 % опрошенных.

Р и с. 4. Внешняя политика России глазами опрошенной молодежи, июнь 2024 г.

Fig. 4. Russia's foreign policy in the eyes of the surveyed youth, June 2024

Под геополитическими вызовами, по данным фокус-группы, проведенной в июне 2024 г., молодые люди рассматривают ряд обстоятельств, которые влияют на страны, заставляя их менять свой внешнеполитический курс. В числе геополитических вызовов для России участники выделяли гегемонию США, конфликты, расширение НАТО, потерю зон влияния России в разных регионах: «Геополитический вызов можно определить как внешнеполитическую проблему, стоящую перед государством в определенных условиях и обстоятельствах. На сегодняшний день к геополитическим вызовам можно отнести борьбу за гегемонию в мире, напряженность в горячих точках...» (жен., 20 лет); «Для России ключевой геополитический вызов сейчас – это гегемония США... деятельность НАТО» (жен., 19 лет); «Геополитические вызовы – это противоречивый характер развития международных отношений. Для России геополитическим вызовом в настоящее время является расширение НАТО и укрепление влияния других стран» (муж., 21 год); «Геополитический вызов – это проблема между определенным количеством акторов, заинтересованных в получении власти, территории, влияния... Актуальной геополитической проблемой является ситуация в близлежащих странах СНГ...» (муж., 22 года).

Эти позиции подтверждаются и материалами массового опроса 2024 г. Так, 51 % респондентов считают НАТО угрозой для России. Чаще такие мнения высказывают юноши, городская молодежь, оценивающие свое материальное положение как высокое, молодые предприниматели и работники частных предприятий.

Обращаясь к вопросу о постсоветском пространстве и роли нашей страны в поддержании безопасности в этом регионе, следует подчеркнуть, что традиционно Россия рассматривает его в зоне своих национальных интересов, что подтверждается выдвиганием его в качестве регионального приоритета во всех КВП РФ, занимая первое место (ранее как «СНГ», в КВП РФ 2023 г. – «ближнее зарубежье»). По данным опроса 2024 г., 37 % молодежи (40 % студентов

по опросу 2023 г.) считают Россию лидером на постсоветском пространстве, который заботится о поддержании безопасности. Об имперских позициях страны в отношении постсоветских государств заявили только 7 % опрошенных (4 % в 2023 г.) [28; 30].

Для России одним из вызовов является сохранение лидерства и продвижение гегемонии США. По данным авторского опроса 2024 г., только 31 % молодежи испытывают тревогу в отношении гегемонии США (27 % молодежи это не тревожит). Было установлено, что этот показатель практически не взаимосвязан с различными социальными характеристиками респондентов, в то же время по нему были выявлены региональные отличия: 38 % молодежи Саратова испытывают тревогу в отношении того, что США является гегемоном на мировой арене (29 % – в Пензе, 32 % – в Тюмени), что может быть обусловлено более активным интересом к политике молодежи крупного университетского центра (г. Саратов).

Значительный интерес составляет и оценка отношений России с другими странами. По данным авторского опроса 2023 г., дружественными молодые люди считают Китай, Белоруссию, страны ЕАЭС. Подобные оценки высказывают и россияне. Так, результаты исследования ФОМ 2024 г. показали, что 69 % наших сограждан считают Китай дружественной страной⁸, а успехи во внешней политике связывают с укреплением отношений России с Китаем, Азией⁹. Среди недружественных стран были названы США, Украина, страны НАТО и Европейский союз. Обращаясь к материалам авторского опроса 2024 г., отметим, что в целом ухудшение отношений с США и Европой не вызывает тревоги у молодежи, что также относится и к усилению влияния Китая. Так, ухудшение отношений с США сильно тревожит только 19 % респондентов (а усиление влияния США – 24 %), с ЕС – 20 %, а усиление Китая волнует только 15 %. Вместе с тем беспокоит молодых людей ухудшение отношений со странами постсоветского пространства (27 %). Наибольшую тревогу вызывают следующие обстоятельства: внешнеполитическая изоляция России (32 %), продолжение санкционной политики (30 %), продолжение спецоперации (49 % в 2024 г. и 47 % в 2023 г. [1; 28]), распространение международного терроризма (48 %). Несмотря на то, что только 27 % молодежи положительно относятся к решению о начале спецоперации, 57 % респондентов полностью поддерживают принятие Крыма, а 49 % – положительно восприняли решение о включении новых субъектов в состав России.

3. Деятельностный уровень. Оценка этого уровня достаточно сложно поддается измерению в срезе оценки внешнеполитических ориентаций. Однако, если обратиться к п. 75 КВП РФ 2023 г., то можно сделать вывод, что в основе внешнеполитических решений России заложено их обоснование во взаимодействии с различными субъектами. Как сказано в Концепции, «широкое вовлечение конструктивно настроенных общественных сил во внешнеполитический процесс способствует формированию общенационального согласия в отношении внешней

⁸ Россия и Китай [Электронный ресурс] // ФОМ. 2024. 4 июня. URL: <https://fom.ru/Mir/15026> (дата обращения: 02.08.2024).

⁹ Россия на международной арене: оценка внешней политики...

политики России, содействует ее реализации»¹⁰. С позиции широкого толкования участия россиян, и в частности молодежи, во внешнеполитической деятельности следует рассмотреть в первую очередь их участие в целом в политической жизни страны. Так, только 39 % принимают в ней участие (61 % не принимают). Чаще это юноши, жители крупных городов, имеющие высокий уровень материального благосостояния, госслужащие и предприниматели. С годами практически не меняется уровень политической активности, однако он имеет региональные отличия. Так, в политической жизни страны участвуют 42 % молодежи Пензы, 40 % – Саратова, 33 % – Тюмени. В этой связи интересно, что сама молодежь Тюмени в числе факторов, способных привести к ее политической активности, выделяет изменение отношения к молодежи со стороны власти и «расширение зоны ее присутствия в политике» [33, с. 100]. Как справедливо отмечают исследователи, на развитие различных форм молодежного активизма оказывает влияние ряд факторов, в том числе геополитическая эскалация, «культура отмены», медийные манипуляции [33, с. 99]. В то же время парадоксально высокий уровень политического участия, о котором заявили молодые люди из Пензы, не вполне соответствующий особенностям их политических установок, может быть связан просто с более активным вовлечением пензенской молодежи в официальные политические акции, организуемые в рамках воспитательной работы различных образовательных учреждений¹¹, что не всегда отражает реальную политическую активность молодежи как самостоятельного социального субъекта. Вместе с тем сегодня молодые люди принимают активное участие в различных мероприятиях, которые способствуют реализации различных внешнеполитических решений, например, волонтерство, помощь участникам спецоперации, медийное участие и др.¹²

В рамках оценки деятельностного уровня внешнеполитических ориентаций молодежи важно исследовать и ее установки в отношении того, чем бы молодые люди могли пожертвовать ради России, укрепления ее положения и самостоятельного статуса на международной арене. По данным опроса 2024 г., молодые россияне готовы отказаться от туристических поездок и хранения денег в иностранной валюте, что также подтверждают и результаты опроса, проведенного среди студенческой молодежи г. Пензы (следует подчеркнуть, что различия в ответах обусловлены структурой выборки) (табл. 5). Сходные данные получены и по выводам РАН, РИСИ и ВШЭ 2023 г., сделанным на основе опросов РИСИ и ФНИСЦ РАН 2021 г. Так, большая часть молодых людей не готовы менять образ жизни ради «укрепления мощи России и ее суверенитета»¹³ (повышение налогов и замораживание зарплат). Однако так же, как и в 2021 г., молодые люди в 2024 г. готовы пойти на приемлемую жертву – отказ от поездок за границу.

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации...

¹¹ Сальникова О. В. Формирование патриотических ценностных ориентаций студенческой молодежи в институциональной среде высшего образования...

¹² Волонтеры России: мониторинг [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : сайт. 2023. 4 дек. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring> (дата обращения: 02.08.2024).

¹³ Молодежь и Россия будущего: моногр. / М. К. Горшков [и др.]. М. : Весь Мир, 2023. 394 с.

Таблица 5. Готовность пойти на жертвы ради России, многовариантные ответы, %
Table 5. Willingness to make sacrifices for Russia, multiple-choice answers, %

Вариант ответа / Answer options	Молодежь Пензы, Саратова, Тюмени, июнь 2024 г. / Youth, Penza, Saratov, Tyumen, June 2024, n = 1 400	В том числе студенты, июнь 2024 г. / Including students, June 2024, n = 600	Студенты Пензы, январь 2024 г. / Students, Penza, January 2024, n = 351	Студенты Пензы, 2023 г. / Students, Penza, 2023, n = 393
Отказ от «западных» продуктов питания / Refusal of “Western” food products	38	38	20	31
Отказ от «западных» товаров длительного пользования / Refusal of “Western” durable goods	25	22	171	23
Отказ от деловых и туристических поездок в США и страны Европейского союза / Refusal of business and tourist trips to the USA and EU countries	41	44	27	33
Отказ от сохранения денежных средств в иностранной валюте / Refusal of saving money in foreign currency	39	41	23	42
Отказ от использования «западных» банковских карт MasterCard и Visa / Refusal of using «Western» bank cards MasterCard and Visa	19	20	9	27
Отказ свободного пользования интернетом и социальными сетями / Refusal of free use of the Internet and social networks	5	5	1	7
Согласие с повышением налогов для граждан / Agreement with increasing taxes for citizens	3	2	0	2
Согласие с замораживанием заработных плат и пенсий в ближайшие годы / Agreement with freezing wages and pensions in the coming years	2	2	0	2
Ничем не готовы жертвовать / Not ready to sacrifice anything	26	26	50	20

Наконец, самый важный вопрос, касающийся высочайшего уровня патриотизма молодежи, связан с тем, готовы ли молодые люди воевать за Россию. Только 33,9 % респондентов ответили на него утвердительно (табл. 6). Показательно, что долевое соотношение в 2024 и 2023 гг. практически не изменилось. Чаще проявляют готовность к защите России юноши и молодые люди в возрасте 14–17 и 31–34 лет, имеющие среднее профессиональное образование, а также госслужащие, военнослужащие и предприниматели.

Т а б л и ц а 6. Готовность воевать за Россию в случае наступления полномасштабной войны, %

Table 6. Readiness to fight for Russia in the event of a full-scale war, %

Респонденты / Respondents	Да / Yes	Нет / No	Затруднились ответить / Difficult to answer	Всего / Total
Молодежь Пензы, Саратова, Тюмени, июнь 2024 г. / Youth, Penza, Saratov, Tyumen, June 2024, n = 1 400	34	16	50	100
В том числе студенты, июнь 2024 г. / Including students, June 2024, n = 600	35	14	51	100
Студенты Пензы, январь 2024 г. / Students, Penza, January 2024, n = 351	29	17	54	100
Студенты Пензы, 2023 г. / Students, Penza, 2023, n = 393	34	12	54	100

Исследование показало, что патриотическая самоидентификация молодых людей взаимосвязана с готовностью молодежи идти даже на самые значительные жертвы ради своей Родины. Так, 49 % молодых людей, которые самоидентифицируют себя как патриоты готовы воевать за свою страну, а среди тех, кто не считает себя патриотами, таких оказалось только 14 %.

Обсуждение и заключение. Проведенный теоретический анализ позволил дать следующее определение понятия «внешнеполитические ориентации» – это комплекс знаний, субъективных представлений и оценок индивидов в отношении внешнеполитического курса государства и международных процессов в ракурсе прошлого, настоящего и будущего, оказывающих влияние на их политическое участие. Данные авторского опроса выявили, что в целом когнитивный и идентификационно-оценочный уровни имеют достаточно высокие показатели развития, однако ниже среднего значения представлен деятельностный уровень. В сознании молодых россиян наша страна представляется как гарант безопасности в мире, активно продвигая и реализуя эти идеи на международной арене. Российская внешняя политика носит самостоятельный характер, молодые люди поддерживают проводимый внешнеполитический курс, решения, принимаемые руководством страны. Хотя продолжающаяся спецоперация у молодежи вызывает тревожность; опрошенные считают мирные средства приоритетными при решении международных проблем, рассматривают НАТО в качестве угрозы безопасности страны и разделяют потребность в реализации базового национального интереса – защиты страны. Около 70 % молодежи поддерживают политику президента России. В качестве стратегического регионального приоритета выступает постсоветское пространство, защита которого также требует активного участия России. Однако опасения вызывают деятельностные составляющие системы внешнеполитических ориентаций. Современные молодые люди не принимают должного активного участия в общественно-политической жизни страны, они не готовы идти на большие жертвы ради своей страны.

В целом, несмотря на разницу в выборочных совокупностях, структуре выборок, временных рамок внешнеполитические ориентации молодежи носят достаточно устойчивый характер. Установлена их взаимосвязь с различными социальными ресурсами и социально-демографическими характеристиками индивидов.

Так, наиболее ярко проявляются гендерные различия, отличия мнений молодежи, по-разному оценивающих уровень своего материального положения, а также имеющих разный профессиональный статус.

В ходе исследования были выявлены некоторые региональные отличия. Например, у молодежи Саратова присутствуют более развитые общеполитические позиции, что обусловлено, скорее всего, влиянием относительно независимых СМИ в регионе. Политическое участие молодых людей из Пензенской и Саратовской областей может носить ритуальный характер, что связано с достаточно сильно формализованной системой воспитательной работы, проводимой на уровне образовательных учреждений. В целом внешнеполитические ориентации молодых людей в рассматриваемых регионах имеют сходную конфигурацию, что, вероятно, обусловлено относительно сравнимыми средними параметрами социально-политических потенциалов регионов (в части социально-политической устойчивости, протестной активности, индекса культурного капитала), общим воздействием медиапространства, фиксируемым ростом консолидации молодежи в отношении поддержки российского внешнеполитического курса страны, связанной с осознанием потребности защиты национальных интересов страны и ее граждан.

Значимость исследования для практики состоит в том, что проведенный анализ позволяет получить актуальные данные о доминирующих в молодежной среде внешнеполитических ориентациях в современных условиях, которые могут использоваться при совершенствовании концептуальных основ молодежной политики и гражданского воспитания молодежи.

Направлениями дальнейших исследований являются комплексный анализ на основе разработанного авторского подхода внешнеполитических ориентаций различных социальных групп российского общества, совершенствование теоретико-методологического подхода к изучению внешнеполитических ориентаций россиян в контексте кардинально меняющихся условий международной среды и изменения с учетом этих трансформаций векторов российской внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Внешнеполитический курс современной России в оценках студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2023. № 3 (67). С. 20–40. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-2>
2. Истинный молодой патриот: по материалам социологического исследования / Л. В. Рожкова [и др.] // Вестник «Биомедицина и социология». 2020. Т. 5, № 4. С. 49–53. <https://doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2020-5-4-49-53>
3. Chica M., Perc M., Santos F. C. Success-Driven Opinion Formation Determines Social Tensions // iScience. 2024. Vol 27, issue 3. Pp. 109–122. <https://doi.org/10.1016/j.isci.2024.109254>
4. Snigyr O. Russian Strategic Narratives, 2022–2023 // Orbis. 2024. Vol. 68, issue 1. Pp. 3–23. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2023.11.002>
5. DeLisle J. Foreign Policy through Other Means: Hard Power, Soft Power, and China's Turn to Political Warfare to Influence the United States // Orbis. 2020. Vol. 64, issue 2. Pp. 174–206. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2020.02.004>
6. Ferchen M. The Contradictions in China's Developmentalist Foreign Policy // Orbis. 2023. Vol. 67, issue 4. Pp. 471–495. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2023.08.002>
7. Grygiel J. Three Illusions of US Foreign Policy // Orbis. 2024. Vol. 68, issue 2. Pp. 328–347. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2024.02.011>

8. Choi J. The US-China Rivalry and Europe's Choice // *Asia and the Global Economy*. 2023. Vol. 3, issue 1. Pp. 57–63. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2023.100057>
9. Borshchevskaya A. The Role of the Military in Russian Politics and Foreign Policy Over the Past 20 Years // *Orbis*. 2020. Vol. 64, issue 3. Pp. 434–446. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2020.05.006>
10. Graham Th. Realpolitik vs. Messianism in Russian Foreign Policy // *Orbis*. 2024. Vol. 68, issue 3. Pp. 462–469. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2024.05.007>
11. Hartwell Ch. A., Zadorozhna O. The Connections that Bind: Political Connectivity in the Face of Geopolitical Disruption // *Journal of International Management*. 2024. Vol. 30, issue 3. Pp. 101–141. <https://doi.org/10.1016/j.intman.2024.101141>
12. Preuhs R. R. Considering Black, Latino, Asian, and Pacific Islander Opinion on Foreign Policy // *Orbis*. 2021. Vol. 65, issue 4. Pp. 583–598. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2021.08.003>
13. Rathbun B. Towards a Dual Process Model of Foreign Policy Ideology // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 34. Pp. 211–216. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2020.04.005>
14. Savin I., Teplyakov N. Topics of the Nationwide Phone-ins with Vladimir Putin and their Role for Public Support and Russian Economy // *Information Processing and Management*. 2022. Vol. 59. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2022.103043>
15. Gravelle T. B., Reifler J., Scottoc T. J. Personality Traits and Foreign Policy Attitudes: A Cross-national Exploratory Study // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 153. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109607>
16. Boutyline A. Holding a Position: Public Opinion as Cognition in a Disorganized Field // *Poetics*. 2022. Vol. 95. Pp. 23–31. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2022.101710>
17. Hrabálek M., Mlejnková P., Mocek O. A Representative Dataset on Czech and Slovak pre-Russia–Ukraine-war Attitudes to the West and to the Russian Federation // *Data in Brief*. 2024. Vol. 52. Pp. 40–49. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2023.109871>
18. Горшков М. К., Петухов В. В. Внешнеполитические ориентации россиян на новом переломе // *Полис. Политические исследования*. 2015. Т. 24, № 2. С. 10–34. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.02.02>
19. Петухов В. Позиционирование России в мире на фоне внешних и внутренних угроз в оценках и суждениях россиян // *Социологическая наука и социальная практика*. 2018. Т. 6, № 3 (23). С. 114–130. <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6006>
20. Суций С. Я. Социологический мониторинг внешнеполитических ориентаций украинского общества (2000–2020-е гг.) // *Социологические исследования*. 2023. № 6. С. 77–93. <https://doi.org/10.31857/S013216250026381-2>
21. Домбровская А. Ю., Никулин Е. Р. Дискурсивное поле внешнеполитических установок в белорусском сегменте социальных медиа: технологический аспект // *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*. 2020. Т. 6, № 1. С. 74–89. <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-8>
22. Зубок Ю. А. Традиционное и современное в социально-политических идентификациях молодежи // *Власть*. 2014. Т. 22, № 11. С. 39–43. URL: <https://jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/1640> (дата обращения: 18.08.2024).
23. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры // *Наука. Культура. Общество*. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1>
24. Шаповалова И. С. Политические стратегии молодежи: будет ли наша политика молодой? // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология*. 2022. Т. 22, вып. 1. С. 39–45. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45>
25. Шаповалова И. С., Валиева И. Н. Факторные модели принятия политических решений и выбора молодежи // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8, № 4. С. 71–88. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-7>
26. Селезнева А. В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // *Вестник Томского государственного университета. Филология. Социология. Политология*. 2019. № 49. С. 177–192. <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>

27. Селезнева А. В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 275–289. <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/23>
28. Рожкова Л. В., Дубина А. Ш. Внешнеполитические интересы и роль России в мире глазами студенческой молодежи // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2023. Т. 16, № 3. С. 68–82. <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-3-68-82>
29. Актуальные внешнеполитические угрозы: тревоги и опасения студенческой молодежи / Л. В. Рожкова [и др.] // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 1 (69). С. 42–56. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2024-1-4>
30. Россия в современном миропорядке: представления и оценки студенческой молодежи / Л. В. Рожкова [и др.] // Наука. Общество. Государство. 2023. Т. 11, № 2. С. 86–99. <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-9>
31. About Technology-based “Sociology” Software for Knowledge Development: From Questionnaire Creation to Data Processing / L. Rozhkova [et al.] // International Journal of Sociotechnology and Knowledge Development (IJSKD). 2020. Vol. 12, issue 4. Pp. 24–40. <https://doi.org/10.4018/IJSKD.2020100102>
32. Чугров С. В. Понятие внешнеполитического менталитета и методология его изучения // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 46–65. <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.04.04>
33. Герасимова Г. И., Швецова О. В. Детерминанты политической активности молодежи Тюменской области // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 3. С. 97–101. URL: <https://www.vestnykeys.ru/0322/22.pdf> (дата обращения: 18.08.2024).

REFERENCES

1. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Foreign Policy Course of Modern Russia in Assessments of Student Youth. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2023;3(67):20–40. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2023-3-2>
2. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh., Vlazneva S.A., Salmnikova O.V. True Young Patriot: Based on Materials of Sociological Research. *Bulletin “Biomedicine and Sociology”*. 2020;5(4):49–53. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26787/nydha-2618-8783-2020-5-4-49-53>
3. Chica M., Perc M., Santos F.C. Success-Driven Opinion Formation Determines Social Tensions. *iScience*. 2024;27(3):109–122. <https://doi.org/10.1016/j.isci.2024.109254>
4. Snigyr O. Russian Strategic Narratives, 2022–2023. *Orbis*. 2024;68(1):3–23. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2023.11.002>
5. DeLisle J. Foreign Policy through Other Means: Hard Power, Soft Power, and China’s Turn to Political Warfare to Influence the United States. *Orbis*. 2020;64(2):174–206. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2020.02.004>
6. Ferchen M. The Contradictions in China’s Developmentalist Foreign Policy. *Orbis*. 2023;67(4):471–495. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2023.08.002>
7. Grygiel J. Three Illusions of US Foreign Policy. *Orbis*. 2024;68(2):328–347. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2024.02.011>
8. Choi J. The US-China Rivalry and Europe’s Choice. *Asia and the Global Economy*. 2023;3(1):57–63. <https://doi.org/10.1016/j.aglobe.2023.100057>
9. Borshchevskaya A. The Role of the Military in Russian Politics and Foreign Policy Over the Past 20 Years. *Orbis*. 2020;64(3):434–446. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2020.05.006>
10. Graham Th. Realpolitik vs. Messianism in Russian Foreign Policy. *Orbis*. 2024;68(3):462–469. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2024.05.007>
11. Hartwell Ch.A., Zadorozhna O. The Connections that Bind: Political Connectivity in the Face of Geopolitical Disruption. *Journal of International Management*. 2024;30(3):101–141. <https://doi.org/10.1016/j.intman.2024.101141>
12. Preuhs R.R. Considering Black, Latino, Asian, and Pacific Islander Opinion on Foreign Policy. *Orbis*. 2021;65(4):583–598. <https://doi.org/10.1016/j.orbis.2021.08.003>

13. Rathbun B. Towards a Dual Process Model of Foreign Policy Ideology. *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020;34:211–216. <https://doi.org/10.1016/j.cobeha.2020.04.005>
14. Savin I., Teplyakov N. Topics of the Nationwide Phone-Ins with Vladimir Putin and their Role for Public Support and Russian Economy. *Information Processing and Management*. 2022;59. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2022.103043>
15. Gravellea T.B., Reiflerb J., Scottoc T.J. Personality Traits and Foreign Policy Attitudes: A Cross-National Exploratory Study. *Personality and Individual Differences*. 2020;153. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109607>
16. Boutyline A. Holding a Position: Public Opinion as Cognition in a Disorganized Field. *Poetics*. 2022;95:23–31. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2022.101710>
17. Hrabálek M., Mlejnková P., Mocek O. A Representative Dataset on Czech and Slovak Pre-Russia–Ukraine-War Attitudes to the West and to the Russian Federation. *Data in Brief*. 2024;52:40–49. <https://doi.org/10.1016/j.dib.2023.109871>
18. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. Foreign Policy Orientations of Russians at New Turning Point. *Polis. Political Studies*. 2015;24(2):10–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.02.02>
19. Petukhov V. Positioning of Russia in the World Against the Background of External and Internal Threats in the Assessments and Judgments of Russians. *Sociological Science and Social Practice*. 2018;6(3):114–130. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.3.6006>
20. Sushy S.Ya. Sociological Monitoring of Foreign Policy Orientations of Ukrainian Society (2000–2020s). *Sociological Studies*. 2023;(6):77–93. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250026381-2>
21. Dombrovskaya A. Yu., Nikulin E.R. Discursive Field of Foreign Policy Attitudes in Belarusian Segment of Social Media: Technological Aspect. *Scientific Result. Social and Humanitarian Research*. 2020;6(1):74–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-932X-2020-6-1-0-8>
22. Zubok J.A. Traditional and Modern Elements in the Social and Political Identity of Youth. *Vlast (The Authority)*. 2015;22(11):39–43. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/1640> (accessed 18.08.2024).
23. Zubok Yu.A., Seliverstova N.A. Youth's Ideas about Future of the Country in Projection of Culture. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):39–52. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1>
24. Shapovalova I.S. Political Strategies of Youth: Will our Politics be Young? *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Political Science*. 2022;22(1):39–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-39-45>
25. Shapovalova I.S., Valieva I.N. Factor Models of Political Decision-Making and Youth Choice. *Scientific Result. Sociology and Management*. 2022;8(4):71–88. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-7>
26. Selezneva A.V. Conceptual and Methodological Foundations of Political and Psychological Analysis of Political Values. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2019;(49):177–192. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
27. Selezneva A.V. Political Values of Russian Youth: Traditional Meanings in Modern Conditions. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science*. 2024;(77):275–289. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/1998863X/77/23>
28. Rozhkova L.V., Dubina A.Sh. Foreign Policy Interests and Role of Russia in the World through Eyes of Student Youth. *News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2023;16(3):68–82. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-3-68-82>
29. Rozhkova L.V., Salnikova O.V., Dubina A.Sh., Afanasyeva Yu.L. Current Foreign Policy Threats: Anxieties and Concerns of Student Youth. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2024;(1):42–56. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2024-1-4>
30. Rozhkova L.V., Rosenberg N.V., Dubina A.Sh., Salnikova O.V. Russia in the Modern World Order: Ideas and Assessments of Student Youth. *Science. Society. State*. 2023;11(2):86–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-9>

31. Rozhkova L., Vlazneva S., Salnikova O., Belashov V., Mkrttchian V. About Technology-based “Sociology” Software for Knowledge Development: From Questionnaire Creation to Data Processing. *International Journal of Sociotechnology and Knowledge Development (IJSKD)*. 2020;12(4):24–40. <https://doi.org/10.4018/IJSKD.2020100102>

32. Chugrov S.V. The Concept of Foreign Policy Mentality and Methodology of its Study. *Polis. Political Studies*. 2007;(4):46–65. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2007.04.04>

33. Gerasimova G.I., Shvetsova O.V. Determinants of Political Activity of the Youth of the Tyumen Region. *The Review of Economy, the Law and Sociology*. 2022;(3):97–101. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.vestnykeps.ru/0322/22.pdf> (accessed 18.08.2024).

Об авторах:

Рожкова Лилия Валерьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, Researcher ID: M-2830-2016, Scopus ID: 56940529500, SPIN-код: 2970-3117, mamaeva_lv@mail.ru

Дубина Альбина Шагидулловна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8797-0453>, Researcher ID: AAG-6053-2019, SPIN-код: 3420-2588, misurin@bk.ru

Сальникова Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6559-4909>, Researcher ID: ABI-1397-2020, Scopus ID: 57208153404, SPIN-код: 3325-0465, sova_newm@mail.ru

Корж Наталья Владимировна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4901-3078>, Researcher ID: GLS-2884-2022, Scopus ID: 56607057500, SPIN-код: 2025-0907, natalya.korzha@mail.ru

Каримова Людмила Федоровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии, экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9395-0675>, Scopus ID: 57209733529, SPIN-код: 2073-8402, lyudmila_vyargizova@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Л. В. Рожкова – концепция и основная идея исследования; концептуальный анализ; постановка научной проблемы; интерпретация и анализ данных; общие выводы.

А. Ш. Дубина – проведение методологического и концептуального анализа; сбор и интерпретация результатов количественных исследований; формулирование выводов.

О. В. Сальникова – анализ литературы и интернет-источников отечественных и зарубежных авторов по проблеме исследования; доработка текста статьи.

Н. В. Корж – обоснование актуальности; формулирование цели, практической значимости исследования; сбор и интерпретация материалов качественных исследований.

Л. Ф. Каримова – визуализация и представление данных в тексте; структурирование результатов; подготовка первоначального варианта текста.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 06.08.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 23.09.2024.

About the authors:

Liliya V. Rozhkova, Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Chair of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, Researcher ID: M-2830-2016, Scopus ID: 56940529500, SPIN-код: 2970-3117, misurin@bk.ru

Albina Sh. Dubina, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8797-0453>, Researcher ID: AAG-6053-2019, SPIN-код: 3420-2588, misurin@bk.ru

Olga V. Salnikova, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor of the Chair of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6559-4909>, Researcher ID: ABI-1397-2020, Scopus ID: 57208153404, SPIN-код: 3325-0465, misurin@bk.ru

Natalya V. Korzh, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4901-3078>, Researcher ID: GLS-2884-2022, Scopus ID: 56607057500, SPIN-код: 2025-0907, natalya.korzh@mail.ru

Lyudmila F. Karimova, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9395-0675>, Scopus ID: 57209733529, SPIN-code: 2073-8402, lyudmila_vyargizova@mail.ru

Contribution of the authors:

L. V. Rozhkova – concept and main idea of the study; conceptual analysis; formulation of scientific problem; interpretation and analysis of data; general conclusions.

A. Sh. Dubina – conducting methodological and conceptual analysis; collecting and interpreting the results of quantitative studies, formulating conclusions.

O. V. Salnikova – analysis of literature and Internet sources of domestic and foreign authors on the research problem; revision of the article text.

N. V. Korzh – substantiation of relevance; formulation of the goal, practical significance of the study; collection and collection and interpretation of materials of qualitative studies.

L. F. Karimova – visualization and presentation of data in text; structuring results, preparation of initial version of text.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 06.08.2024; revised 19.09.2024; accepted 23.09.2024.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и iThenticate

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение (Introduction);

2) Материалы и методы (Materials and Methods);

3) Результаты исследования (Results);

4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков,*

таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конце рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионология» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 32-86-14.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *iThenticate* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.
2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and

resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Natalya V. Shumkova – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 32 86 14.

Регионология

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *Е. А. Климкиной*.
Перевод *С. В. Голованова*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Пармонова*.

Подписной индекс – 73335.
Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 13.12.2024. Дата выхода в свет 28.12.2024. Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 17,22. Тираж 1 000 экз. I завод – 150 экз. Заказ № 688. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>
<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *E. A. Klimkina*.
Translation by *S. V. Golovanov*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.
The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 13.12.2024. Date of publishing 28.12.2024. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 17.22. Number of copies: 1,000. Print run 1: 150 copies. Order No. 688. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>
<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.